САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Синь Лумин

АССОЦИАТИВНО-ВЕРБАЛЬНОЕ ПОЛЕ «ОДИНОЧЕСТВО» КАК ФРАГМЕНТ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

Научная специальность 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Зиновьева Елена Иннокентьевна

Санкт-Петербург
2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 5

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ФРАГМЕНТА ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В ЛИНГВОКОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ 17

1.1. Лингвокогнитивный аспект научных исследований 17

1.1.1. Определение лингвокогнитивистики и ее место в современной научной парадигме 17

1.1.2. Лингвокогнитивный подход к исследованию языковых единиц 20

1.1.3. Терминологический аппарат когнитивной лингвистики 23

1.1.3.1. Определение терминов «когнитивная база», «концепт», «когнитивный признак», «концептосфера», «концептуализация» 24

1.1.3.2. Содержание терминов «языковая картина мира», «локальная языковая картина мира (фрагмент языковой картины мира)» 30

1.1.3.3. Определение терминов «языковое сознание», «стереотипное представление», «фрейм» 34

1.2. Ассоциативно-вербальное поле как отображение фрагмента языковой картины мира в языковом сознании 42

1.2.1. Определение терминов «ассоциация», «ассоциат», «ассоциативно-вербальная сеть» 42

1.2.2. Определение ассоциативного эксперимента. Виды ассоциативных экспериментов 49

1.2.3. Методика проведения ассоциативного эксперимента 54

1.2.4. Содержание термина «поле» в лингвистике 62

1.2.5. Определение термина «ассоциативно-вербальное поле». Исследования ассоциативного поля «Одиночество» и одноименного концепта в лингвистической научной литературе 67

1.3. Когнитивно-дискурсивный подход и когнитивный тест в методике анализа фрагмента языковой картины мира 73

1.3.1. Определение и суть когнитивно-дискурсивного подхода к исследованию языковых единиц 73

1.3.2. Когнитивный тест в лингвистических исследованиях..... 78

Выводы 80

ГЛАВА 2. «ОДИНОЧЕСТВО» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ 83

2.1. Методика исследования понятия «одиночество» по данным лексикографических источников и когнитивного теста..... 84

2.1.1. Лексикографическое представление существительного «одиночество» в современных толковых, идеографических, тематических словарях русского языка 84

2.1.2 Стереотипное представление об одиночестве и одиноком человеке по результатам когнитивного теста и анализа рефлексивных высказываний интернет-пользователей 89

2.2. Характеристика серии ассоциативных экспериментов на стимулы «одиночество», «одинокий», «одинокая», проведенных с русскими информантами 94

2.3. Интерпретация ассоциатов, полученных в результате проведенных ассоциативных экспериментов 98

2.3.1. Тематическая классификация ассоциатов носителей русского языка на стимул «одиночество» *98*

2.3.2. Тематическая классификация ассоциатов носителей русского языка на стимулы «одинокий», «одинокая»..... 103

2.3.3. Прецедентные феномены по результатам ассоциативного эксперимента..... 110

2.4. Динамика ассоциативных представлений носителей русского языка (сравнительный анализ с данными существующих ассоциативных словарей русского языка)..... 118

2.5. Фрейм ОДИНОЧЕСТВО в русском языковом сознании и языковой картине мира..... 131

2.6. Фрейм ОДИНОКИЙ ЧЕЛОВЕК в русском языковом сознании и языковой картине мира 143

2.7. Модель Ассоциативно-вербального поля «Одиночество» 153
Выводы 158
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 161
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 165
СПИСОК СЛОВАРЕЙ И ИСТОЧНИКОВ 182
ПРИЛОЖЕНИЯ 185
ПРИЛОЖЕНИЕ №1. ОБРАЗЕЦ АНКЕТЫ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ КОГНИТИВНОГО ТЕСТА 185
ПРИЛОЖЕНИЕ №2. ОБРАЗЕЦ АНКЕТЫ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА 186

ВВЕДЕНИЕ

Одной из основных тенденций современных российских лингвистических исследований по праву считается «содержательноцентризм» [Дементьев 2021]. Наиболее ярко, на наш взгляд, данная тенденция проявляется в трудах по когнитивной лингвистике. Как справедливо указывают исследователи, когнитивная лингвистика – это «активно развивающееся лингвистическое направление, во многом определяющее лицо современной мировой лингвистической науки» [Попова, Стернин 2007 б: 3]. А.А. Кибрик отмечает, что в основе современного когнитивного подхода к языку «лежит идея целенаправленной реконструкции когнитивных структур по данным внешней языковой формы» [Кибрик 2015: 32]. Внимание к содержательной стороне языковых единиц в большей степени проявляется при изучении когнитивной семантики. Объектом исследования при таком подходе становятся такие структуры знаний, как фреймы, сценарии, гештальты, стереотипные представления, отображенные в языке и составляющие в своей совокупности национальную языковую картину мира. Языковая картина мира как «зафиксированная в языке и специфическая для данного языкового коллектива схема восприятия действительности» [Яковлева 1994: 344], по справедливому мнению В.А. Масловой, является совокупностью знаний, выработанной многовековым опытом народа, она отражена в языке, изменчива во времени, национально специфична [Маслова 2001: 67]. В языковой картине мира выделяются фрагменты разной структуры и разного объема, репрезентирующие доминанты языкового сознания носителей языка, наиболее важные стереотипные представления, систему ценностей. Одним из таких фрагментов является интересующее нас в данном диссертационном исследовании вербализованное в русской языковой картине мира представление об одиночестве. Чувство «одиночества» в психологии определяется так: «один из психогенных факторов, влияющих на эмоциональное состояние человека, находящегося в измененных (непривычных) условиях изоляции от других людей» [Словарь практического психолога 1998: 500]. Но следует отметить, что одиночество может чувствовать и человек, не находящийся в изоляции, но не

находящий понимания и поддержки со стороны других людей, даже близких, членов семьи, например. С одной стороны, такое чувство является универсальным, общечеловеческим, в каждом национальном языке существуют слова для номинирования подобного эмоционального состояния, с другой стороны, наряду со сходствами в различных лингвокультурах можно отметить и различия в системе ассоциаций (и, соответственно, ассоциатов), а также оценок, прототипов, стереотипных образов, вербализованных в разных типах дискурса национального языка, что обусловлено культурно-историческими факторами. Особая важность выбранного для исследования фрагмента языковой картины мира обусловлена также социальными изменениями последних десятилетий – увеличением количества одиноких людей, особенно пожилых, разобщенностью людей, ростом индивидуализма в обществе, ослаблением межпоколенных связей и преемственности. Все перечисленные факторы усугубляются в эпоху сложной политической и эпидемиологической обстановки в мире и России.

Фрагмент «Одиночество» в русской языковой картине мира репрезентирует одноименный концепт. Анализу языкового представления эмоционального концепта ОДИНОЧЕСТВО посвящены труды многих современных лингвистов, исследующих концепт в различных аспектах и на разном материале (см. об этом подробнее в 1.2.5).

Однако диссертационного или монографического исследования языковой репрезентации одиночества как целостного фрагмента русской языковой картины мира с учетом стереотипного представления о данном эмоциональном состоянии в русском языковом сознании на материале массового ассоциативного эксперимента с использованием нескольких слов-стимулов, когнитивного теста, корпусных данных, контекстов интернет-источников, а также данных лексикографических источников до настоящего времени не проводилось.

В связи с вышесказанным **актуальность темы** предпринимаемого исследования обусловлена, во-первых, ее включенностью в проблематику одного из ведущих направлений современной научной парадигмы – лингвокогнитологии; во-вторых, тем, что стереотипное представление об одиночестве присутствует в

любой лингвокультуре, являясь универсалией, но в то же время имеет национально-специфические черты в конкретной языковой картине мира, что требует детального изучения; в-третьих, исследование «одиночества» как фрагмента языковой картины мира актуально в лингвосоциокультурном аспекте, что предполагает учет зависимости языковой репрезентации глубинных структур знаний на анализируемом синхронном срезе от возраста людей, происходящих в обществе событий и других параметров.

Объектом исследования является русское ассоциативно-вербальное поле «Одиночество»; контексты употребления слов-стимулов *одиночество, одинокий, одинокая* в «Национальном корпусе русского языка»; контексты использования данных единиц, найденные с помощью свободных поисковых систем в интернет-источниках; данные лексикографических источников русского языка; результаты когнитивного теста.

В качестве **предмета** данного диссертационного исследования выступают состав и структура ассоциативно-вербального поля «Одиночество»; ассоциативные, тематические, парадигматические, синтагматические, словообразовательные связи имени поля; фреймовые структуры и дискурсивные характеристики слов-стимулов, использованных в ассоциативных экспериментах.

Цель исследования заключается в семантико-когнитивном моделировании фрагмента русской языковой картины мира «Одиночество».

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

1) Описать теоретическую базу исследования, представив научный контекст изучения языковой картины мира, языкового сознания и ассоциативно-вербальных полей в рамках лингвокогнитивной парадигмы.

2) Проанализировать словарные дефиниции лексемы *одиночество*.

3) Провести когнитивный тест с носителями русского языка для выявления субъективных дефиниций понятия *одиночество* в русском языковом сознании.

4) Провести серию ассоциативных экспериментов с носителями русского языка с предъявлением слов-стимулов *одиночество, одинокий, одинокая* для определения состава ассоциативно-вербального поля.

5) Провести анализ семантики, синтагматических связей и прагматического компонента значения слов-стимулов по данным результатов собственного эксперимента в сопоставлении с данными существующих ассоциативных словарей русского языка.

6) Проанализировать контексты употребления слов-стимулов *одиночество, одинокий, одинокая* по данным сайта «Национальный корпус русского языка» и другим интернет-источникам для верификации полученных в ходе предыдущих этапов исследования результатов.

7) Представить фреймовую интерпретацию исследуемого понятия на материале полученных данных.

8) Установить организацию ассоциативно-вербального поля и описать его полевую структуру.

Гипотеза исследования: когнитивно-дискурсивный подход к анализу исследуемого языкового материала позволит выявить и описать стереотипное представление об одиночестве, существующее в современной русской языковой картине мира.

Материалом для исследования послужили данные толковых, идеографических и ассоциативных словарей русского языка; результаты серии ассоциативных экспериментов и когнитивного теста, проведенных с носителями русского языка; контексты употребления использованных в ходе экспериментов слов-стимулов в материалах «Национального корпуса русского языка» (далее – НКРЯ) и других интернет-источниках.

Методы и приемы исследования: описательный метод, методы лингвокогнитивного и лингвокультурологического анализа, метод ассоциативного эксперимента, метод анкетирования с использованием свободного программного обеспечения Google-forms, прием направленной выборки материала из НКРЯ и других интернет-источников, прием количественных подсчетов.

Теоретико-методологическую базу диссертационного исследования составили:

– труды по когнитивной лингвистике и лингвокультурологии: В.В. Петров

1979; М. Минский 1979; Я. Хинтикка 1980; Ч. Филлмор 1988; Е.Г. Беляевская 1992; А.П. Бабушкин 1996; В.Н. Телия 1996; В.В. Красных 1997; Д.С. Лихачев 1999; Д.А. Галиева 2000; Е.И. Шейгал, М.Р. Желтухина 2000; И.М. Кобозева 2000; Дж. Лакофф, М. Джонсон 2004; Е.Ю. Балашова 2004; И.А. Стернин 2004; С.А. Кошарная 2002; В.И. Карасик 2002, 2005; О.А. Фещенко 2005; Е.А. Заруднева 2007; З.Д. Попова, И.А. Стернин 2001, 2007; С.Г. Воркачев 2007; Evans Vyvyan 2007; Е.В. Рахилина 2008; Е.Н. Абрамова 2008; Ю.Е. Прохоров 2009; О.В. Гусельникова 2009, 2010; Е.С. Кубрякова 2004, 2012; М.Н. Коннова 2012; А.Н. Приходько 2013; В.Б. Касевич 2013; Н.Н. Болдырев 2001, 2014; Е.И. Зиновьева 2014; А.П. Бабушкин, И.А. Стернин 2018; В.А. Маслова 2018; В.В. Колесов 2019, 2021;

– исследования по изучению языковой картины мира: Г.А. Брутян 1973; В. Гумбольдт 1984; Б.А. Серебренников 1988; В.Н. Телия 1988; С.П. Батракова 1992; В.Б. Касевич 1996; Е.С. Яковлева 1996; О.В. Магировская 1996; В.П. Руднев 1997; В.Л. Моисеева 1998; Р.Х. Хайруллина 2001; В.А. Маслова 2001; А.Т. Хроленко 2004; О.А. Корнилов 2003, 2007; Ю.Н. Караулов 2009; З.К. Сабитова 2013; К.В. Билянский 2018;

– труды, посвященные исследованию ассоциативно-вербальной сети: А.Н. Леонтьев 1977; А.П. Клименко 1980; Н.В. Крушевский 1883; А.Р. Лурия 1990; Н.В. Уфимцева 1996; Г.А. Мартинович 1997; Т.А. Ершова 1998; Ю.Н. Караулов 1999; А.А. Залевская 1999; Е.И. Горошко 2001; А.А. Гируцкий 2003; Г.Я. Мартыненко, Г.А. Мартинович 2003; В.П. Белянин 2004; В.П. Глухов 2005; Е.И. Горошко 2005; В.А. Пищальникова 2007; Ж.И. Фридман 2007; Р.М. Фрумкина 2008; Д.И. Навильникова 2009; О.В. Евсеева 2009; Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин 2009; О.И. Уланович 2010; Т.В. Матвеева 2010; Н.Е. Кожухова, Г.Н. Аксенова 2011; Н.И. Миронова 2011; С.В. Архипова 2011; Е.А. Маклакова, И.А. Стернин 2013; А.Н. Шершнева, А.Ж. Алиева 2014; Е.И. Зиновьева, О.В. Абыякая 2014; М.Н. Довголюк 2016; Е.С. Синигаева 2017; Ю.А. Борисова 2019; И.А. Стернин 2020; В.А. Долинский 2022;

– психолингвистические исследования языкового сознания: Т.М. Дридзе

1976; И.А. Зимняя 1993; А.А. Леонтьев 1999; Е.Ф. Тарасов 2000; В.В. Красных 1998, 2002; А.Н. Леонтьев 2004; У. Липпман 2004; Е. Бартминьский 2005; О.В. Белова 2006; Н.В. Уфимцева 2011; М.В. Головушкина 2013; С.Л. Рубинштейн 2019;

– работы в области изучения полевого подхода в лингвистике: А.И. Кузнецова 1963; А.В. Бондарко 1967; Е.В. Гулыга, Е.И. Шендельс 1969; Л.М. Васильев 1971; В.В. Воробьев 1991; Ю.Н. Караулов 1994; З.К. Тарланов 1995; Е.И. Зиновьева 2003; И.А. Тарасова 2004; Г.С. Щур 1967, 2007; Т.И. Крыга 2009; К.А. Бурнаева 2011; Е.В. Харькова 2012; Н.С. Болотнова 2014; А.Е. Петренко 2016; Д.И. Каспрук 2018.

Научная новизна исследования заключается:

– во-первых, в комплексном изучении репрезентации совокупности знаний об одиночестве: в выделении когнитивных признаков исследуемого понятия, изучении актуализации этих признаков в языковом сознании и дискурсе, выявлении лингвокультурологического потенциала ассоциатов носителей русского языка;

– во-вторых, в когнитивно-фреймовом подходе к анализу языкового материала для выявления схематизированного закрепления стереотипных представлений в сознании и памяти членов лингвокультурного сообщества.

Теоретическая значимость исследования видится в возможности использования предложенного подхода при анализе других фрагментов русской языковой картины мира; в интегративном подходе к материалу исследования, предполагающем использование результатов психолингвистического эксперимента, лексикографических источников, корпусных данных и источников интернет-пространства.

Практическая значимость исследования обеспечивается возможностью использования её результатов в практике преподавания русского языка в иностранной аудитории, в рамках лекционных вузовских курсов по когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, психолингвистике и социолингвистике, а также в практике лексикографии при уточнении данных ассоциативных словарей

и составлении учебных ассоциативных словарей.

Структура работы: диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списков использованной литературы, словарей и источников, приложений.

Во введении определены актуальность, новизна, объект и предмет исследования, гипотеза, цель, задачи, методы и приемы исследования, материал, теоретическая и практическая значимость работы, сформулированы положения, выносимые на защиту.

Первая глава посвящена рассмотрению основных теоретических вопросов когнитивной лингвистики, лингвокогнитивного и психолингвистического исследования ассоциативных полей на материале данных ассоциативного эксперимента. В главе раскрывается содержание таких терминов, как «языковое сознание», «языковая картина мира», «стереотипное представление», «ассоциативное поле», «ассоциативно-вербальное поле», «фрейм», «когнитивно-дискурсивный подход».

Вторая глава посвящена лингвокогнитивному моделированию фрагмента языкового сознания «Одиночество». В главе проведено исследование семантического объема имени поля в сопоставлении с полученными в ходе когнитивного теста субъективными дефинициями и рефлексивными высказываниями интернет-пользователей; дана характеристика проведенного ассоциативного эксперимента; представлено сравнение результатов экспериментального исследования с данными существующих ассоциативных словарей русского языка; проведен фреймовый анализ исследуемого понятия с верификацией его результатов с помощью исследования контекстов НКРЯ; сформулировано выявленное стереотипное представление об одиночестве в русской языковой картине мира; выявлена структура ассоциативно-вербального поля «Одиночество» в русском языке и предложена модель поля.

Заключение содержит обобщение сделанных наблюдений.

В приложениях представлены образцы анкет, использованных при проведении ассоциативного эксперимента и когнитивного теста.

Апробация результатов исследования: теоретические положения и

результаты исследования обсуждались на аспирантских семинарах кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания и излагались в виде докладов на научных конференциях:

1. VII Международная научно-методическая конференция «Проблемы преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся» (Воронеж, январь 2022 г.);

2. 50-ая Международная научная филологическая конференция имени Л.А. Вербицкой (Санкт-Петербург, март 2022 г.);

3. LI Международная научная филологическая конференция имени Л.А. Вербицкой (Санкт-Петербург, март 2023 г.);

4. Всероссийская научная конференция с международным участием «Когниция, коммуникация, дискурс: современные аспекты исследования» (Тамбов, апрель 2023 г.);

5. I Международный лингвокультурологический форум «Лингвокультурология и коммуникативная реальность XXI века: новые вызовы – новое осмысление» (Москва, октябрь 2023 г.);

6. Международная научно-практическая конференция VI Фирсовские чтения «Современные языки и культуры: вариативность, функции, идеологии в когнитивном аспекте» (Москва, октябрь 2023 г.).

Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в 6 публикациях, из которых опубликованы 3 статьи в научных индексируемых журналах из перечня, рекомендуемого ВАК РФ:

1. Концептуализация понятия «одинокий человек» в русском языке на фоне китайского языка // Когнитивные исследования языка. – 2022. – № 2(49). – С. 836-841.

2. Представление об одиночестве в русском языковом сознании (когнитивно-дискурсивный аспект) // Когнитивные исследования языка. – 2023. – № 3-2(54). – С. 114-118.

3. Фрейм «Одинокий человек» в русском языковом сознании: лингвокогнитивный подход // Ученые записки Новгородского гос. ун-та – 2023.

– № 6(51). – С. 694-703.

Другие публикации:

4. Тематизация ассоциативно-вербальных представлений об одиночестве в языковом сознании русских и китайцев // Проблемы преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся: материалы VII Международной научно-методической конференции, Воронеж, 28–29 января 2022 года – Воронеж: Издательско-полиграфический центр “Научная книга”, 2022. – С. 253-259.

5. Стереотипное представление об одиноком человеке в русской лингвокультуре на фоне китайской лингвокультуры (на материале национальных языковых корпусов) // Тезисы докладов 50-й Международной научной филологической конференции имени Людмилы Алексеевны Вербицкой: Тезисы докладов, Санкт-Петербург, 15-23 марта 2022 года. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2022. – С. 517-518.

6. Прецедентные феномены в ассоциативно-вербальном поле «Одиночество» // Тезисы LI Международной филологической научной конференции имени Людмилы Алексеевны Вербицкой: Тезисы докладов, Санкт-Петербург, 14–21 марта 2023 года. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2023. – С. 480-481.

Основные научные результаты:

1. Проведение тематизации результатов проведенного нами свободного цепочечного ассоциативного эксперимента и интерпретация мотивированности полученных ассоциатов позволили отметить в ассоциативно-вербальных представлениях об одиночестве в языковом сознании представителей русской лингвокультуры наличие как основных общих когнитивных механизмов и закономерностей общечеловеческого сознания, так и специфики, обусловленной такими факторами как принятый образ жизни русского народа, его традиции, воспитание, религия, культурные ценности. (См. статью автора: Синь Лумин. Тематизация ассоциативно-вербальных представлений об одиночестве в языковом сознании русских и китайцев. – С. 259. [URL:

https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47631238] (дата обращения: 17.12.2023).

2. Рассмотрение и комментирование различных типов прецедентных феноменов-ассоциатов в русском языковом сознании на материале проведенного ассоциативного эксперимента на стимул «одиночество» позволило предположить, что механизм ассоциирования носителей русского языка работает более непосредственно, отталкиваясь от формы слова-стимула. Среди прецедентных феноменов-ассоциатов носителей русского языка преобладают прецедентные высказывания-строчки из песен, что обусловлено развитой песенной культурой в России. (См. статью автора: Синь Лумин. Прецедентные феномены в ассоциативно-вербальном поле «Одиночество». – С. 480-481. [URL: https://dspace.spbu.ru/handle/11701/41498] (дата обращения: 24.12.2023).

3. Выявление когнитивных признаков, объективных инвариантных и субъективных вариантных когнитивных представлений, концептуализирующих понятия «одиночество» и «одинокий человек» позволило сделать вывод как о наличии концептуального ядерного совпадения определений лексикографических источников и рефлексивных высказываний русских интернет-пользователей, так и о высокой степени объективизации, устойчивости и универсальности стереотипных представлений об этих понятиях (См. статьи автора: Синь Лумин. Стереотипное представление об одиноком человеке в русской лингвокультуре на фоне китайской лингвокультуры (на материале национальных языковых корпусов). – С. 840. [URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48472957&pff=1] и Представление об одиночестве в русском языковом сознании (когнитивно-дискурсивный аспект) – С. 114-116. [URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=54205320] (дата обращения: 17.12.2023).

4. Посредством семантико-когнитивного моделирования фрейма «одинокий человек» на материале ассоциативного цепочечного эксперимента на стимулы «одинокий» и «одинокая», данных словарей русского языка и иллюстративном материале «Национального корпуса русского языка» в структуре фрейма были выделены девять слотов и их терминалы, отнесенные к трем сферам жизни одинокого человека: физиологической сфере, внутренней сфере человека и

внешней по отношению к субъекту сфере. Схематизация структуры данного фрейма представила личностные характеристики целостного образа самого субъекта в состоянии одиночества на уровне языковой системы, языкового сознания и дискурса. (См. статью автора: Синь Лумин. Фрейм «Одинокий человек» в русском языковом сознании: лингвокогнитивный подход. – С. 701. [URL: https://portal.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=2117966] (дата обращения: 22.12.2023).

На защиту выносятся следующие **положения:**

1. Проведение лингвокогнитивного анализа фрагмента языковой картины мира «Одиночество» на материале комплекса таких источников, как словари, данные серии ассоциативных экспериментов и когнитивного теста, контексты употребления слов-стимулов в корпусном материале позволяет реконструировать русские стереотипные представления об одиночестве и представить отображение данного фрагмента языковой картины мира в национальном языковом сознании в виде фрейма.

2. Оптимальными при когнитивно-семантическом моделировании фрагмента языковой картины мира на экспериментальном материале являются три этапа анализа: тематизация полученных ассоциатов, стереотипизация когнитивных представлений и фреймирование данных.

3. Разработанная фреймовая модель ассоциативно-вербального поля «Одиночество», репрезентирующая фрагмент русской языковой картины мира, представляет собой инвариантную когнитивную структуру, допускающую вариативное наполнение слотов в зависимости от ситуативно-контекстуальной реализации в различных типах дискурса, а также личностных характеристик субъекта-носителя языка.

4. Реконструирование фреймов «одиночество» и «одинокий человек», основанное на данных лексикографических источников (уровень языка), ассоциативного эксперимента (уровень сознания), а также на данных корпусного материала (уровень дискурса) способствует более полному описанию стереотипного представления об одиночестве и одиноком человеке в русской

языковой картине мира.

5. Модель ассоциативно-вербального поля «Одиночество» характеризуется континуумным строением пирамидального типа: ассоциаты, относящиеся к данному полю, количественно распределяются по зонам в соответствии с принципом пирамиды с нарастающим разнообразием типов ассоциатов в каждой последующей после ядра зоне поля. Данное поле демонстрирует четко представленное ядро с плавным переходом к периферийным зонам без значительных частотных разрывов.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ФРАГМЕНТА ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В ЛИНГВОКОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ

1.1. Лингвокогнитивный аспект научных исследований

1.1.1. Определение лингвокогнитивистики и ее место в современной научной парадигме

Зародившаяся в США и Европе в 80-х годах XIX века когнитивная лингвистика является важным и актуальным направлением в современных лингвистических исследованиях, возникшим в результате интеграции когнитивной науки и лингвистики. Как указывают З.Д. Попова и И.А. Стернин, «когнитивная лингвистика складывается в последние два десятилетия XX века, но ее предмет – особенности усвоения и обработки информации, способы ментальной репрезентации знаний с помощью языка – был намечен уже в первых теоретических трудах по языкознанию в XIX веке» [Попова, Стернин 2007 б: 6].

В.А. Маслова отмечает, что «когнитивизм — это направление в науке, объектом изучения которого является человеческий разум, мышление и те ментальные процессы и состояния, которые с ними связаны. … К числу важнейших принципов когнитивизма относится трактовка человека как субъекта действующего, активно воспринимающего и продуцирующего информацию, руководствующегося в своей мыслительной деятельности определенными схемами, программами, планами, стратегиями. А сама когнитивная наука стала рассматриваться как наука об общих принципах, управляющих ментальными процессами в человеческом мозгу» [Маслова 2018: 6-7]. По мнению Е.С. Кубряковой, когнитивная наука «занимается информацией о мире в самых различных ракурсах и отношениях, изучая такие сложнейшие феномены человеческого бытия, как восприятие мира и отражение воспринятого в голове человека, как строение мозга, как память и организация когнитивных способностей человека, в том числе языковая способность» [Кубрякова 2004: 41].

Среди наук, «повлиявших на становление когнитивной лингвистики, наиболее значимый вклад внесли следующие дисциплины: психология, лингвистическая типология и этнолингвистика, нейролингвистика, культурология,

лингвистическая семантика и сравнительно-историческое языкознание» [Коннова 2012: 7]. По справедливому утверждению В.Б. Касевича, когнитивная лингвистика понимается как часть когнитивной науки, и затем сталкивается с необходимостью каким-то образом эксплицировать это соотношение части и целого, и практически при всех предложенных возможных подходах трактовка когнитивных наук как в комплексе, так и в более частных конфигурациях связана с понятием междисциплинарности [Касевич 2013: 9-10]. В связи с этим сейчас можно говорить о междисциплинарном статусе когнитивной науки. Современные исследования показывают, что когнитивизм объединяет несколько научных областей: когнитивную психологию, культурную антропологию, моделирование искусственного интеллекта, философию, нейронауку, лингвистику и т.д. Таким образом, когнитивная лингвистика, как одна из областей междисциплинарной когнитивной науки, возникла с целью обеспечить более глубокое понимание сущности языка. Следует согласиться с определением, предложенным В.З. Демьянковым и Е.С. Кубряковой, согласно которому когнитивная лингвистика изучает язык «как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент системы знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и в трансформировании информации» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 53].

Н.Н. Болдырев подчеркивает некоторые черты когнитивной лингвистики как научного направления: 1) она изучает язык как когнитивную способность, 2) ставит проблему соотношения языка и мышления, 3) выполняет объяснительную функцию, т.е. основную функцию науки, 4) разделяет установки и положения когнитивной науки, является наукой междисциплинарной, 5) признает центральную роль человека в процессах познания и в речевой деятельности, т.е. антропоцентризм языка, 6) предполагает разработку особой, многоуровневой теории значения (когнитивной семантики) [Болдырев 2014: 23-26].

В отличие от других дисциплин, фокусирующихся на общих вопросах строения человеческого мозга, когнитивная лингвистика «уделяет основное внимание его концептуальному содержанию. Что люди знают о себе и о мире,

откуда они знают то, что знают, организовано ли это знание и как оно активируется (пускается в ход) — вот центральные вопросы, которые она исследует» [цит. по Скребцова 2018: 30]. В связи с этим Е.С. Кубрякова отмечает, что «можно понять и судьбы когнитивизма, получившего у нас в конечном итоге свое признание примерно с 90-х гг. прошлого века благодаря его обращению к темам, всегда волновавшим отечественное языкознание: языку и мышлению, главным функциям языка, роли человека в языке и роли языка для человека» [Кубрякова 2012: 24].

Следует отметить, что в российской традиционной теоретической лингвистике были заложены основы лингвокогнитивистики. Как справедливо замечает В.А. Маслова, «значительный вклад в развитие отечественной когнитивной лингвистики внесли также работы русских ученых — представителей ономасиологического направления, а также работы по языковым картинам мира и проблемам категоризации мира» [Маслова 2018: 22].

В российском языкознании когнитивная лингвистика возникла параллельно с развитием ономасиологического направления изучения (труды В.Г. Гака, Ю.С. Степанова, Е.С. Кубряковой, А.А. Уфимцевой). Считается, что названный подход является ранним этапом развития когнитивной лингвистики. Однако следует отметить, что предпосылки возникновения когнитивной науки можно обнаружить в работах В. фон Гумбольдта, А.А. Потебни, И.А Бодуэна де Куртене и его ученика Л.В. Щербы.

Таким образом, когнитивная лингвистика, как самостоятельная область современной лингвистической науки, выделилась из когнитивной науки. Конечной задачей когнитивной лингвистики, как и когнитивной науки в целом, является «получение данных о деятельности разума» [Кубрякова 2012: 26]. При этом исследование сознания составляет общий предмет когнитивной науки и когнитивной лингвистики.

1.1.2. Лингвокогнитивный подход к исследованию языковых единиц

Современная когнитивная лингвистика интенсивно развивается во многих научных центрах по всему миру, что требует внимания к основному содержанию этой научной дисциплины, объекту ее исследования, инструменту, материалам, цели, а также к наличию определенных расхождений среди ученых в классификациях подходов, терминологическом аппарате и используемых методах.

Когнитивная лингвистика исследует ментальные процессы, происходящие при восприятии, осмыслении и, следовательно, познании действительности сознанием, а также виды и формы их ментальных репрезентаций. Материалом для лингвокогнитивного анализа является язык, а цели такого исследования в разных конкретных направлениях (школах) когнитивной лингвистики могут различаться – – от углубленного исследования языка с помощью когнитивного категориально-терминологического аппарата до конкретного моделирования содержания и структуры отдельных концептов как единиц национального сознания (концептосферы) [Попова, Стернин 2007 в: 12].

Важнейшим объектом когнитивной науки является язык. Когнитивная лингвистика, по мнению Е.С. Кубряковой, исследует не только язык, но и когницию (познание, мышление, знание): на базисном уровне категоризации «в качестве категорий выступают не фундаментальные и самые «высокие» в иерархии объединения, но объединения, в которых сконцентрированы максимально релевантные для обыденного сознания свойства» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 14].

Инструментом оперирования в когнитивной лингвистике становятся единицы памяти — фреймы, концепты, гештальты и т.д. Следовательно, когнитивная лингвистика нацелена на моделирование картины мира, на моделирование устройства языкового сознания. Цель когнитивной лингвистики — понять, как осуществляются процессы восприятия, категоризации, классификации и осмысления мира, как происходит накопление знаний, какие системы обеспечивают различные виды деятельности с информацией [Маслова 2018: 12-13].

В диссертационных исследованиях и научных статьях ученые все чаще

пытаются классифицировать подходы в современной когнитивной лингвистике. В зависимости от целей и задач в когнитивной лингвистике различают несколько направлений. Западные лингвисты разделяют когнитивную семантику и когнитивную грамматику [Evans 2007: 22]. Подобное деление отталкивается от объекта изучения. В основе классификаций, предлагаемых российскими исследователями, лежат разные критерии. Так, Е.Ю. Балашова выделяет лингвокультурный и лингвокогнитивный подходы. Последователями первого подхода являются Ю.С. Степанов, В.И. Карасик, В.В. Красных, В.А. Маслова. В рамках данного подхода исследуются характеристики концептосферы языка, вектор исследования направлен от культуры к сознанию человека. Представителями лингвокогнитивного подхода являются Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин. Этот подход предполагает концептуальное изучение языковых единиц различного уровня для определения концептосферы общества [Балашова 2004: 6-7]. З.Д. Попова и И.А. Стернин выделяют направления когнитивной лингвистики, в которых единицей изучения является концепт:

- культурологическое направление. Оно предполагает изучение концептов как элементов культуры с помощью методик различных наук (Ю.С. Степанов);
- лингвокультурологическое – изучение концептов «от языка к культуре», т.е. исследуется фиксация особенностей культуры в вербальном пространстве (В.И. Карасик, С.Г. Воркачев);
- логическое – анализ концептов логическими методами (Н.Д. Арутюнова);
- семантико-когнитивное – изучение лексической и грамматической семантики для получения сведений о концептах, для их моделирования (Е.С. Кубрякова, Н.Н. Болдырев, Е.В. Рахилина, А.П. Бабушкин, З.Д. Попова, И.А. Стернин);
- философско-семиотическое – анализ знаковости и ее когнитивной основы (А.В. Кравченко) [Попова, Стернин 2007 в: 16].

В рамках семантико-когнитивного направления в настоящее время стал

формироваться когнитивно-дискурсивный подход, актуальный в современной лингвистике. Основоположником когнитивно-дискурсивного подхода можно считать Е.С. Кубрякову, поскольку именно в ее работах доказывается важность учета как когнитивного, так и коммуникативного (дискурсивного) фактора при анализе языковых явлений [Кубрякова 2004: 33].

На наш взгляд, особо следует выделить такое направление как лингвофилософское учение русского реализма, представленное в трудах выдающегося петербургского ученого В.В. Колесова [Колесов 2019, 2021].

Мы разделяем точку зрения Е.Ю. Балашовой и считаем, что в связи с целью нашего исследования наиболее важным является выделение лингвокультурного и лингвокогнитивного подходов в когнитивной лингвистике. Как справедливо отмечает Вэй Сяо, обобщая взгляд многих исследователей, «поскольку теоретической базой лингвокультурологии является понятийный аппарат, разработанный в рамках когнитивной лингвистики, то лингвокультурологические исследования можно одновременно по праву считать лингвокогнитивными. Лингвокультурный подход отличается тем, что больше внимания уделяет национальной специфике представления структур знаний, акцентируя лингвокультурные различия» [Вэй Сяо 2019: 16]. В данном исследовании наше внимание будет обращено на семантико-когнитивные закономерности формирования фрагмента языкового сознания русского народа «Одиночество», моделируемого с помощью ассоциативно-вербального поля. Объектом внимания при этом служат как универсальные, так и культурно обусловленные ассоциаты.

Присущий когнитивной лингвистике междисциплинарный характер побуждает исследователей объединять различные приемы и методы наук в своей научной деятельности для более эффективного достижения поставленных целей и задач. Как указывает В.А. Маслова, «именно в когнитивной лингвистике внимание исследователей переключается на выявление роли языка как условия и орудия познания. Всякий язык, обозначая нечто в мире, созидает, ибо формирует для говорящего на нем картину мира. Именно язык позволяет получить полное и адекватное представление о человеческом сознании и разуме» [Маслова 2018: 14].

1.1.3. Терминологический аппарат когнитивной лингвистики

Возникновение нового аспекта исследования языковых единиц привело к появлению новой методики научного анализа, не противоречащего традиционному подходу к исследованию языка, а дополняющего и обогащающего его.

Как отмечает Е.В. Рахилина, «в российской лингвистике термин «когнитивный анализ» первоначально получил распространение в работах Е.С. Кубряковой и ее последователей (ср., например, Кубрякова 1998, Кравченко 1996 и др.), а также в работах школы А.Е. Кибрик [Рахилина 2008: 19].

В зависимости от направления, области и цели исследований содержание термина трактуется в научных работах по-разному.

Так, Е.К. Абрамова применительно к исследованию художественных текстов понимает под когнитивным анализом «изучение смыслов, которые выражаются отдельными словами, словосочетаниями, типовыми конструкциями, целыми высказываниями, отдельными текстами, всем творчеством определенного писателя, даже целым литературным направлением» [Абрамова 2009: 702].

Е.В. Рахилина определяет когнитивный анализ как процедуру описания языковой картины мира, связанную с реконструкцией определенной подсистемы знаний человека [Рахилина 2008: 18].

И.А. Стернин называет эту процедуру когнитивной интерпретацией, которая «предполагает смысловое обобщение полученных результатов описания значений языковых единиц для формулирования когнитивных признаков, представляемых теми или иными значениями или семантическими компонентами этих языковых единиц» [Стернин 2004: 65].

Как уже отмечалось выше, в современной науке пока не выработано единого мнения по поводу определения термина «когнитивный анализ (когнитивная интерпретация)», и в настоящее время не разработана универсальная модель когнитивной интерпретации, о чем свидетельствует наличие различных методик ее проведения.

В нашем исследовании предлагается собственная методика когнитивной интерпретации результатов цепочечного ассоциативного эксперимента, о которой

подробнее будет сказано ниже (см. 2.2–2.3).

При рассмотрении ключевых понятий, составляющих терминологический аппарат когнитивной лингвистики, считаем, что интерпретация таких понятий, как «когнитивная база», «концепт», «когнитивный признак», «концептосфера», «концептуализация», «языковая картина мира», «языковое сознание», «стереотипное представление», «фрейм», является необходимой для объяснения ряда вопросов, непосредственно связанных с темой нашего исследования.

1.1.3.1. Определение терминов «когнитивная база», «концепт», «когнитивный признак», «концептосфера», «концептуализация»

В первую очередь, обратимся к термину «когнитивная база». Под ***когнитивной базой*** В.В. Красных понимается «определенным образом структурированная совокупность необходимо обязательных знаний и национально-детерминированных и минимизированных представлений того или иного национально-лингвокультурного сообщества» [Красных 1997: 131]. Как справедливо указывает Ю.Е. Прохоров, «Когнитивная база, представляющая комплекс стереотипных представлений и знаний, отличается наличием базового стереотипного ядра знаний, воспроизводящегося в процессе социализации индивида в социуме, достаточно стереотипного выбора элементов периферии» [Прохоров 2009: 14]. Соответственно, под когнитивной базой будем понимать общую часть, зону пересечения совокупностей знаний всех членов данного этнолингвокультурного сообщества. Нужно отметить, что в когнитивную базу входит не все разнообразие явлений, а только те из них, которые создают прецедент на национальном уровне. Для целей нашего исследования справедливо предположить, что когнитивная база изучаемого фрагмента языковой картины мира состоит из тех стереотипных представлений носителей языка, которые вербализуются в ассоциатах языкового сознания носителей русского языка на слово-стимул «одиночество».

Далее обратимся к термину ***концепт***. Данному термину посвящено огромное

количество исследований с точки зрения области его применения, концептуальной природы, средств выражения и структур содержания: «Концепты образуют “своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миром”» (Н.А. Арутюнова); «знание об объекте из мира “Действительность”, переведенное в знание объекта в мире “Идеальное”» (А. Вежбицкая); «Концепт рассматривается как связующее звено между мышлением и языком; как единица сознания и отражающая человеческий опыт информационная структура» (Е.С. Кубрякова); как «спонтанно функционирующее в познавательной и коммуникативной деятельности индивида базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера, подчиняющееся закономерностям психической жизни человека» (А.А. Залевская); «комплексная мыслительная единица, которая в процессе мыслительной деятельности поворачивается разными сторонами, актуализируя ... свои разные признаки и слои» (И.А. Стернин); «концепт — это «как бы сгусток культуры в сознании человека; ...то, посредством чего человек... сам входит в культуру...»; концепты существуют в сознании (ментальном мире) человека в виде «пучков» понятий, знаний, ассоциаций, переживаний; концепты «не только мыслятся, но и переживаются» (Ю.С. Степанов); как сложные, организованные семантические сущности — констелляции значений, динамичные по своей природе (К. Харди); комплексом значений соответствующего слова и его ассоциаций и коннотаций (Н.К. Рябцева); «единица, призванная связать воедино научные изыскания в области культуры, сознания и языка, так как он принадлежит сознанию, детерминируется культурой и опредмечивается в языке» (Г.Г. Слышкин) [Прохоров 2009: 18-20]. Основываясь на выводах ученых, легко заметить, что концепт находится в фокусе современных лингвистических исследований, исследование концептов носит междисциплинарный характер, является связующим звеном в ряду: человек – сознание – мышление – познание – язык.

Лингвокогнитивный и лингвокультурный подходы к пониманию концепта различны, и, соответственно, выделяются два вида концептов – культурный концепт и когнитивный концепт.

С лингвокультурной точки зрения, концепт – «это всегда знание, структурированное во фрейм» [Телия 1996: 96], лингвокультурный концепт «определяется как многомерное смысловое образование, в котором выделяются понятийная, образно-перцептивная и ценностная стороны» [Карасик 2002: 83], «признается базовой единицей культуры, ее концентратом» [Прохоров 2009: 23]. Под лингвокультурным концептом С.Г. Воркачевым понимаются ментальные образования любой степень общности, обладающие внутренней семантической расчлененностью, отмеченные этнокультурной спецификой и находящие фиксированное языковое выражение [Воркачев 2007: 36]. По мнению В.А. Масловой, лингвокультурный концепт отражает представления носителей данной культуры о явлении, стоящем за словом во всем многообразии его ассоциативных связей [Маслова 2018: 71-72].

С лингвокогнитивной точки зрения, Дж. Лакофф и М. Джонсон указывают, что «Концепты, которые управляют нашим мышлением, — не просто порождения ума. Они влияют на нашу повседневную деятельность, вплоть до самых тривиальных деталей. Наши концепты структурируют наши ощущения, поведение, наше отношение к другим людям» [Лакофф, Джонсон 2004: 25]. В «Кратком словаре когнитивных терминов» Е.С. Кубрякова отмечает, что концепт — это «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (lingua mentalis), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 60]. Понятие концепта отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких «квантов» знания [Петров 1979: 55; Хинтикка 1980: 90-92]. Как справедливо указывает Е.Г. Беляевская, язык, представляющий концепт, рассматривается как «своеобразная упаковка знаний (включая знания о мире и знания о языковой системе) и мыслительного содержания,

передаваемого в процессе коммуникации» [Беляевская 1992: 3].

Подводя итоги, можно заключить, что разница между исследованием концепта в лингвокультурологии и в когнитивной лингвистике заключается в том, что первая рассматривает концепт как культурную единицу, как конденсат культуры, и репрезентирует национально-культурное видение мира, концепт в когнитивном понимании отображает общие закономерности, общий для всех лингвокультур взгляд. Когнитивный и культурный концепты дополняют друг друга.

Ю.Е. Прохоров предпринял обзорное комплексное исследование конкретных определений данного термина в рамках различных научных дисциплин – когнитивной лингвистике, психолингвистике, лингвокультурологии, культурологии, в которых «наиболее глубоко и всесторонне рассматривается этот феномен». В результате исследователь пришел к выводу, что «концепт есть нечто, неразделимо соединяющее в себе элементы сознания, действительности и языкового знака. Концепт есть нечто, объединяющее на разных уровнях людей с точки зрения их отношения к действительности и способов общения в ней. Концепт есть нечто виртуальное и реальное одновременно, при этом обе его составляющие и всеобщи, и национально-культурно детерминированы» [Прохоров 2009: 25-28].

На наш взгляд, дефиниция данного термина, предложенная З.Д. Поповой и И.А. Стерниным, в большей мере отвечает задачам нашего исследования. В данной работе, вслед за этими учеными, под концептом понимается «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин 2007 в: 34]. По справедливому мнению исследователей, концепт не всегда имеет языковую репрезентацию, из-за чего могут возникать концептуальные лакуны.

В данном диссертационном исследовании анализируется фрагмент русской языковой картины мира, организованный концептом «Одиночество» и репрезентированный одноименным ассоциативно-вербальным полем.

Для нашего исследования важным представляется выделение З.Д. Поповой и И.А. Стерниным когнитивных классификационных признаков и когнитивных дифференциальных признаков концепта. «***Когнитивный дифференциальный признак*** (КДП) – это «отдельный признак объекта, осознанный человеком и отображенный в структуре соответствующего концепта как отдельный элемент его содержания. ... ***Когнитивный классификационный признак*** (ККП) – это «компонент содержания концепта, отражающий тот или иной аспект, параметр категоризации соответствующего объекта или явления и обобщающий однородные дифференциальные когнитивные признаки в структуре концепта» [Попова, Стернин 2007 в: 128].

Концепты, исторически сформированные в общении носителями языка и хранящиеся в памяти людей, составляют концептосферу языка. Впервые термин ***концептосфера*** был введен Д.С. Лихачевым по аналогии с термином В.И. Вернадского «ноосфера». Д.С. Лихачев предложил термин «концептосфера» для обозначения совокупности концептов нации, образованной всеми потенциями, открываемыми в словарном запасе отдельного человека и всего языка в целом. Определяющим при формировании концептосферы является культура нации, литература, фольклор, наука, изобразительное искусство. Концепт как конституент концептосферы может быть расшифрован в зависимости от сиюминутного контекста и культурного опыта, культурной индивидуальности концептоносителя [Лихачев 1999: 153].

В современной лингвистике понятие «концептосфера» терминологически закрепляет «объемное» видение многих языковых явлений. Большинство ученых определяют концептосферу как «чисто мыслительную сферу, состоящую из концептов, существующих в виде мыслительных картинок, схем, понятий, фреймов, сценариев, гештальтов» [Бабушкин, Стернин 2018: 14], как «концептуарий культуры» [Карасик 2005: 85], как «упорядоченную совокупность

концептов народа, информационнную базу мышления» [Попова, Стернин 2007 в: 36]. С.А. Кошарная также полагает, что концептосфера – это различные типы объединения концептов (от бинарных оппозиций до концептуальных рядов и множеств), формирующие концептуальные поля. Объединение полей и составляет концептосферу [Кошарная 2002: 54]. А.Н. Приходько определяет концептосферу как объективно существующую совокупность вербально обозначенных и вербально необозначенных национально маркированных единиц лингвокультуры, выделяя характерные принципы системности, множественности, целостности, связи и структурированности [Приходько 2013: 172].

На наш взгляд, совершенно очевидно, что концепт «ОДИНОЧЕСТВО» и репрезентирующее его ассоциативно-вербальное поле находятся в концептосфере русского языка в отношениях пересечения и иерархии с такими концептами и ассоциативно-вербальными полями, как «Семья», «Природа», «Эмоции» и др. (см. подробно в главе 2).

Далее перейдем к термину ***концептуализация***. В.А. Маслова утверждает, что «воспринимая мир, человек выделяет актуальные для него элементы, членит его на определенные части, а затем мыслит действительность этими частями» [Маслова 2018: 31]. Е.С. Кубрякова считает, что концептуализация выступает как «некоторый «сквозной» для разных форм познания процесс структурации знаний и возникновения разных структур представления знаний из неких минимальных концептуальных единиц» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 93].

По мнению М.Н. Коннова и Н.Н. Болдырева, «концептуализация — это осмысление поступающей информации, мысленное конструирование предметов и явлений, которые приводят к образованию определенных представлений о мире в виде концептов (например, концепт дома, времени, движения и т.д.). Основная часть этих концептов закрепляется в языке значениями конкретных слов, что обеспечивает хранение полученных знаний и их передачу от человека к человеку и от поколения к поколению» [Коннова 2012: 34; Болдырев 2014: 37]. В словаре Т.В. Жеребило зафиксировано схожее определение: «концептуализация – это «процесс познавательной деятельности человека, ориентированный на осмысление

поступающей к нему информации и приводящий к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу (психике) человека» [Жеребило 2010: 165]. Обобщая приведенные точки зрения, под концептуализацией мы понимаем процесс определения набора когнитивных признаков явления (дифференциальных и классификационных) в реальном или воображаемом мире, который позволяет хранить в сознании и добавлять новую информацию к любым очерченным понятиям и/или представлениям данного феномена и отличать его от других явлений.

Важно подчеркнуть, что наше обращение к термину концепт и связанным с ним терминам находится в сложной и тесной связи с изучением ассоциативно-вербального поля «Одиночество» как объекта данного диссертационного исследования. С одной стороны, часть ассоциативно-вербального поля совпадает с одноименным концептом в ряде фрагментов, с другой стороны, оно как бы накладывается на концепт, пересекаясь с ним.

1.1.3.2. Содержание терминов «языковая картина мира», «локальная языковая картина мира (фрагмент языковой картины мира)»

Антропоцентрическая направленность современной научной парадигмы, необходимость систематизации накопленных результатов по изучению различных словарных объединений, языковых единиц разных уровней с учетом их значимости для носителя языка вызвали потребность во введении в широкий научный оборот термина «языковая картина мира».

Термин ***картина мира***, один из самых востребованных в научном лексиконе современных когнитивных лингвистов, впервые был введен Г. Герцем в конце XIX – начале XX вв. По его мнению, картина мира в области физики определяется как «совокупность внутренних образов внешних предметов, из которых логическим путем можно получить сведения относительно поведения этих предметов» [Герц 1973: 208]. Б.А. Серебренников отмечает, что «начиная с 60-х годов проблема картины мира рассматривается в рамках семиотики при изучении

первичных моделирующих систем (языка) и вторичных моделирующих систем (мифа, религии, фольклора, поэзии, кино и т.д.)» [Серебренников 1988: 15].

Между тем до сих пор не выработано однозначного понимания данного термина. Приведем некоторые определения: картина мира – это «синтетическое панорамное представление о конкретной действительности и месте каждого конкретного человека в ней» [Хроленко 2004: 54]; «отвлеченная матрица цельного и непротиворечивого понимания человеком определенной культурной эпохи мироздания как сопряженного порядка космоса, природы и исторического бытия» [Батракова 1992: 83]; «идеальный, целостный образ мира, существующий в сознании индивида в виде определенной системы кодов» [Магировская 1996: 89].

Р.Х. Хайруллина справедливо указывает, что «Человек воспринимает окружающую действительность как «картину», в которой все предметы и явления мира (в том числе и он сам) взаимосвязаны, поэтому картина мира является одним из способов структурирования информации об объективной действительности» [Хайруллина 2001: 5]. Далее ученый говорит о двойственности картины мира: «Картина мира – это глубинный слой миропонимания человека, созданный в результате двух процессов: во-первых, в результате опредмечивания, объективирования и осмысления образов мира, лежащих в основе жизнедеятельности человека, и прежде всего его практической деятельности, во-вторых, в результате создания, разработки новых образов миров в результате рефлексии объективной действительности» [там же: 6]. Таким образом, картина мира одновременно обладает наглядностью и концептуальностью. Наглядность видится в том, что сама картина мира является отражением реального мира; концептуальность в том, что картина мира служит частью мыслительной деятельности человека и должна быть сформирована в процессе познания мира человеком. В интуитивном понимании объективного мира в связи с потребностью человека рождается картина мира.

По мнению В.П. Руднева, картина мира является «системой интуитивных представлений о реальности» [Руднев 1997: 127]. Б.А. Серебренников предлагает следующее определение картины мира: «Картина мира есть целостный глобальный

образ мира, который является результатом всей духовной активности человека, а не какой-либо одной ее стороны» [Серебренников 1988: 19] и «запечатлевает в себе определенный образ мира, который никогда не является зеркальным отражением мира» [там же: 60].

Нам представляется наиболее четкой и убедительной дефиниция З.Д. Поповой и И.А. Стернина, которые понимают картину мира как «упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании» [Попова, Стернин 2007 в: 51].

В формировании картины мира решающую роль играет язык. Языковая картина мира изучает взаимосвязь между языком, мышлением/познанием и объективным миром.

Принято считать, что теоретическую основу исследования языковой картины мира составляет идея об особом языковом мировидении, которая была сформулирована еще в начале XIX в. В. Гумбольдтом, утверждавшим, что «в каждом языке заложено самобытное миросозерцание» [Гумбольдт 1984: 80-81].

Термин ***языковая картина мира*** (далее – ЯКМ) впервые был употреблен в 1973 году в статье «Язык и картина мира», опубликованной Г.А. Брутяном в журнале «Философские науки». Формирование, развитие и совершенствование теории языковой картины мира являются результатом глубоких размышлений и неустанных поисков многих ученых, предложивших свои собственные дефиниции термина [см., например, работы Телия 1988; Касевич 1996; Яковлева 1996; Моисеева 1998; Маслова 2001; Корнилов 2003; Караулов 2009; Сабитова 2013].

Наиболее полной и емкой, в большей степени соответствующей цели нашего диссертационного исследования, представляется трактовка данного термина, предложенная З.Д. Поповой и И.А. Стерниным, понимающими ЯКМ как «совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа, представление о действительности, отраженное в значениях языковых знаков – языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенная в системных

значениях слов информация о мире» [Попова, Стернин 2007 в: 54].

В современных исследованиях принято различать языковую картину мира и концептуальную (ККМ). Разница между этими понятиями заключается в том, что «под концептуальной картиной мира подразумевается не только знание, которое выступает как результат мыслительного отражения действительности, но и итог чувственного познания» [Брутян 1973: 109].

На наш взгляд, соотношение ККМ и ЯКМ наглядно можно представить графически.

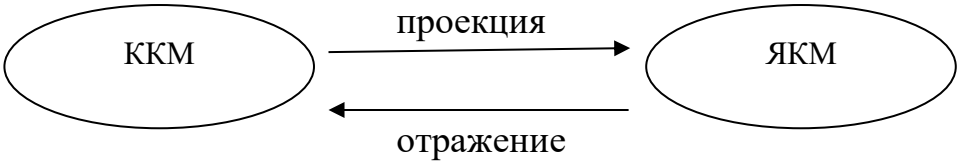

Рисунок 1. Соотношение ККМ и ЯКМ

В современной лингвистике различают также субъективистский и объективистский подходы к изучению ЯКМ. Субъективистский подход заключается в анализе языковой картины объективно существующего мира через призму субъективного сознания индивида. Однако ЯКМ при таком подходе основывается не на объективной, научно доказанной информации о мире, а на субъективных восприятиях, мнениях и суждениях, которые носят оценочный характер и подвержены ошибкам. Объективистский подход не отводит языку главенствующую роль в формировании ЯКМ, он просто рассматривается как форма фиксации результатов мыслительно-познавательной деятельности человека. Сама языковая картина мира стремится как можно точнее передать объективную реальность мира, не «примешивая» к ней субъективистские суждения [Корнилов 2007: 190]. В нашей работе предпринимается попытка объективного подхода к описанию интересующего нас фрагмента ЯКМ.

Применительно к исследованию ЯКМ можно говорить о двух направлениях ее исследования – целостном описании отдельных национальных ЯКМ и отдельных локальных языковых картин мира. В связи с этим представляется необходимым ввести термин ***локальная языковая картина мира***, синонимичный в нашем понимании термину «фрагмент ЯКМ».

Исследователи наполняют термин «локальная картина мира» разным содержанием. Так, К.В. Билянский рассматривает локальную картину мира как «порядок представлений о предметах отдельных наук», который «создает полный образ предмета научного исследования в его главных системных и структурных характеристиках с помощью базовых понятий, представлений и принципов» [Билянский 2018: 494]. Нам представляется более близкой точка зрения Т.А. Сироткина, которая полагает, что термин «локальная картина мира» используется тогда, когда картина мира отражает какой-либо определенный фрагмент действительности [Сироткина 2008: 117]. В данном диссертационном исследовании объектом анализа является локальная языковая картина мира или фрагмент ЯКМ «Одиночество». Следует отметить, что на современном этапе лингвистических исследований преимущественное внимание уделяется именно изучению отдельных локальных картин мира, поскольку целостное описание национальных ЯКМ требует длительных усилий больших авторских коллективов.

Перейдем к рассмотрению следующих важных для нашего исследования терминов: «языковое сознание», «стереотипное представление» и «фрейм».

1.1.3.3. Определение терминов «языковое сознание», «стереотипное представление», «фрейм»

С середины 1980-х годов ***языковое сознание*** стало термином, часто встречающимся в психолингвистике. По мере развития когнитивной науки в рамках российской психолингвистики было уделено большое внимание исследованию формирования и функционирования термина «языковое сознание», что было связано с углубленным изучением таких вопросов, как порождение и понимание дискурса, индивидуальное развитие языка и дискурсивная коммуникация.

В дихотомии между понятиями «сознание» и «язык», несомненно, главную позицию занимает сознание, как центральное понятие психологии.

С.Л. Рубинштейн понимает сознание как «высший психический процесс,

который связан с регуляцией личностью складывающихся в деятельности отношений. <...> Сознание, таким образом, высшая способность действующего субъекта. Сознание выводит его в мир, а не замыкает в себе, поскольку его цели детерминированы не только им самим, но и обществом» [Рубинштейн 2019: 657]. А.Н. Леонтьев полагает, что «Сознание в своей непосредственности есть открывающаяся субъекту картина мира, в которую включен и он сам, его действия и состояния» [Леонтьев 2004: 96-97]. При описании феномена сознания, А.Н. Леонтьев делает особый акцент на системно-психологической структуре сознания, утверждая, что она содержит в себе мыслительную и сенсорную организацию осмысленной личности, которая, в свою очередь, обеспечивает возможность построения когнитивной картины мира.

Язык облегчает понимание человеком культуры и преобразует структуру и содержание внутреннего мышления во внешнюю структуру и содержание формального языка. Таким образом, человек может наблюдать за собой и другими, и в конечном итоге достичь взаимопонимания с членами одного культурного сообщества. Термин «языковое сознание» возник при взаимодействии лингвистики и психологии. С позиции Е.Ф. Тарасова, языковое сознание трактуется как совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств — слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей [Тарасов 2000: 28].

Под языковым сознанием Т.М. Дридзе понимает уровень сознания, на котором образы, представления, мыслительные структуры обретают языковое оформление [Дридзе 1976: 201]. По определению И.А. Зимней, «языковое сознание – это форма существования индивидуального, когнитивного сознания человека разумного, человека говорящего, человека общающегося, человека как социального существа, как личности» [Зимняя 1993: 51]. Г.В. Ейгер выделяет следующие функции языкового сознания: отражательная функция, которая создает «языковую картину мира» и находит свое отражение в языковых значениях, языковых формах и типах связи между словами; оценочная функция, имеющая различные аспекты в зависимости от характера отношения к языковым фактам, в

том числе: нормативный, функционально-стилистический, эстетический, этический и социальный аспекты; ориентировочно-селективная функция, обеспечивающая ориентировку в ситуации для выбора языковых средств при производстве речи или ориентировку в структуре сообщения <...>; интерпретационная функция, реализующаяся в двух аспектах: внутриязыковом и межъязыковом; в обоих случаях речь идет об интерпретации языковых явлений; регулятивно-управляющая функция, выступающая в виде механизма обратной связи с двумя каналами: контрольно-управляющим (контроль за речевыми операциями) и оценочно-регулятивным (оценка высказывания с точки зрения соответствия действующим нормам). Языковое сознание является механизмом управления речевой деятельностью и выступает обязательным условием существования и развития всех форм сознания [Ейгер 1990:23].

По мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, «языковое сознание – это часть сознания, обеспечивающая механизмы языковой (речевой) деятельности: порождение речи, восприятие речи и хранение языка в сознании. Система языковых единиц с их разнообразными значениями хранится в сознании и является принадлежностью языкового сознания, а исследование системы языка как феномена сознания есть исследование языкового сознания» [Попова, Стернин 2007 б: 32].

В связи с этим выделяют два уровня описания языкового сознания. «1) *Уровень традиционного лингвистического описания* языкового сознания предполагает обобщенное описание значений и употреблений языковых единиц и структур в отвлечении от психологии говорящего человека и психологической реальности выполняемого описания. Данный уровень описания необходим для фиксации и распространения языковых норм, для обучения языку, для сравнения языков, для составления словарей и учебников. 2) *Уровень психолингвистического описания* языковых фактов отражает результаты экспериментальных исследований, особенно тех, в которых выполняются различные ассоциативные эксперименты и многочисленные другие экспериментальные процедуры (методика интервьюирования, метод субъективных дефиниций, интерпретационный

эксперимент, методика семантического шкалирования, методика ранжирования и т. д.)» [там же: 32-33].

Языковое сознание как объект анализа, как указывает Н.В. Уфимцева, «позволяет уточнить представления об образах сознания, ассоциированных с телами языковых знаков и обычно называемых в лингвистике лексическими значениями, расширить наши знания о динамике развития значений слов в онтогенезе, сформировать более адекватное понимание процесса языкового общения» [Уфимцева 2011: 4]. На наш взгляд, языковое сознание можно рассматривать как конкретные мыслительные операции, нашедшие отражение в языке в процессе взаимодействия индивидов и коллектива с окружающим миром. В нашем исследовании мы принимаем формулировку определения языкового сознания, предложенную А.А. Леонтьевым: «отображение в психике индивида предметного мира, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии» [Леонтьев 1999: 39].

Впервые предложенный в 1920-х годах в социологии термин ***стереотип*** является одним из объектов исследования социологов и используется как обозначение упрощенных, фиксированных представлений, которые члены одного коллектива имеют о членах другого. По мнению американского журналиста и общественного деятеля У. Липпмана, автора данного термина, стереотипы относятся к особым формам понимания человеком окружающего мира, которые оказывают на заранее невоспринимаемую нами информацию определенное влияние. Это упорядоченные, схематичные детерминированные культурой «картинки мира» в голове человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных объектов мира [Липпман 2004: 93-107].

Термин «стереотип» по-разному трактуется в рамках различных научных направлений. В.В. Красных определяет стереотип *с точки зрения когнитивной лингвистики* следующим образом: это «некоторая структура ментально-лингвального комплекса, формируемая инвариантной совокупностью валентных связей, приписываемых данной единице и репрезентирующих концепт феномена,

стоящего за данной единицей, в его [концепта] национально-культурной маркированности при определенной предсказуемости направленных ассоциативных связей (векторов ассоциаций)» [Красных 1998: 127].

В лингвокультурологическом аспекте В.А. Маслова определяет стереотип как «такое явление языка и речи, такой стабилизирующий фактор, который позволяет, с одной стороны, хранить и трансформировать некоторые доминантные составляющие данной культуры, а с другой – проявить себя среди «своих» и одновременно опознать «своего» [Маслова 2001: 110].

При интерпретации стереотипов *в межкультурной коммуникации* необходимо помнить о том, что стереотипы всегда носят национальный характер. М.В. Головушкина определяет стереотип с точки зрения межкультурной коммуникации следующим образом: «Стереотип – это относительно устойчивый, обобщающий образ или ряд характеристик, которые, по мнению большинства людей, свойственны представителям своего собственного культурного и языкового пространства или представителям других наций» [Головушкина 2013: 178].

Е. Бартминьский рассматривает стереотипы *с этнолингвистической точки зрения*, как часть ЯКМ и «суждение или несколько суждений, относящихся к определенному объекту внеязыкового мира, субъективно детерминированное представление предмета, в котором сосуществуют описательные и оценочные признаки и которое является результатом истолкования действительности в рамках социально выработанных познавательных моделей» [Бартминьский 2005: 136].

Стереотипизация как широко распространенный способ познания предоставляет помощь человеку во многих обстоятельствах в ускорении обработки информации, реагировании на незнакомые или сложные ситуации, уменьшении тревоги и дискомфорта, и считается базовой когнитивной стратегией, часто используемой для познания сложного внешнего мира, играет особую роль в повседневной жизни и коммуникативной деятельности. О.В. Белова исследует этнические стереотипы и останавливается на выполняемых ими функциях [Белова 2006: https://ruthenia.ru/folklore/belova10.htm].

В.В. Красных выделяет две группы национальных стереотипов – стереотипы

поведения и стереотипы-представления. Первые хранятся в сознании в виде штампов, диктующих или предписывающих определённое коммуникативное поведение. Вторые хранятся в виде клише и функционируют в виде эталонов. Они «предсказывают не столько само поведение, сколько набор ассоциаций и предопределяют языковую форму, их выражающую» [Красных 2002: 178–180]. В данной работе будет использоваться термин ***стереотипное представление***, под которым, вслед за Е.И. Зиновьевой и О.В. Абыякой, понимается «устойчивая в национальном языковом сознании «мыслительная картинка», соответствующая восприятию данного фрагмента картины мира представителями лингвокультурного сообщества» [Зиновьева, Абыякая 2014: 136].

Как объективный социокультурный феномен, стереотипизация формирует социализацию членов данного этнокультурного сообщества и помогает социализированным индивидам развивать когнитивные модели, характерные для данной этнокультуры. После того, как индивид усваивает стереотипы в рамках данной этнокультуры, стереотипы, в свою очередь, влияют на его коммуникативную деятельность. Стереотип закрепляется и хранится в общей когнитивной национальной базе, в языковом сознании народа. В нашем исследовании будут анализироваться автостереотипные представления об одиночестве в русском языковом сознании.

Наше внимание к термину ***фрейм*** объясняется разделяемым нами мнением Д.А. Галиевой о том, что лингвокогнитивный подход может осуществляться в виде «сценариев – фреймов», представляющих собой особые модели определенных фрагментов действительности и типовых ситуаций, а использование фреймов позволяет рассматривать весь комплекс знаний об объекте или ситуации, существующий в данный исторический период в данном социуме [Галиева 2000: 49-50].

Фрейм как научный термин был впервые введен М. Минским в его монографии «Фреймы для представления знаний» и определен как «структура данных для представления стереотипной ситуации» [Минский 1979: 7]. При этом ученый указал отправную точку своей теории: фрейм выступает как некоторая

структура данных (образ), которую человек извлекает из своей памяти, когда пытается познать новую ситуацию или по-новому взглянуть на уже привычные вещи [там же].

Н.Н. Болдырев справедливо, на наш взгляд, отмечает, что «фрейм – это объемный, многокомпонентный концепт, представляющий собой «пакет» информации, знания о стереотипной, часто повторяющейся ситуации» [Болдырев 2014: 54]. Фрейм может «включать любой эпизод знания, каким бы причудливым он ни казался, лишь бы его разделяло достаточное количество человек» и выступает как «модель культурно обусловленного, канонизированного знания, которое является общим <…> для части говорящего сообщества» [там же: 30].

В настоящее время в научных трудах отсутствует единое понимание термина «фрейм». Так, Ч. Филлмор трактует фрейм как «средство описания языкового материала и толкования» [Филлмор 1988: 83]. И.М. Кобозевой фрейм понимается как «разного рода связанные конструкции, в виде которых в памяти человека хранятся знания об окружающем мире» [Кобозева 2000: 65]. С точки зрения О.В. Гусельниковой, фрейм толкуется как «когнитивная структура знания / структура представления знания о типической, тематически единой ситуации» [Гусельникова 2009: 29]. Фрейм также определяется как «единица знаний, организованная вокруг некоторого концепта и содержащая данные о том, что существенно, типично, и возможно для этого концепта в рамках определенной культуры (Т. А. ван Дейк, В. Дреслер)» [Коннова 2012: 72] и как «пакет информации, создаваемый в результате когнитивного развития языковой общности, выработки и освоения данной языковой общностью своей концептосферы. Фреймы хранятся в памяти или создаются в ней по мере надобности из содержащихся в памяти компонентов» [Заруднева 2007: 32].

З.Д. Попова и И.А. Стернин в плане типологии определяют фреймы как различные типы ментальных репрезентаций: образные, гештальтные. При этом фрейм выступает в качестве «мыслимого в целостности его составных частей многокомпонентного концепта и объемного представления», и «некоторой совокупности стандартных знаний о предмете или явлении» [Попова, Стернин 2001:

73].

Говоря о структуре фрейма, М. Минский полагает, что «фрейм можно представлять себе в виде сети, состоящей из узлов и связей между ними» [Минский 1979: 7]. При описании лексикализованной вербализации фрейма, представляющего феномен «одиночество», мы моделируем фреймовую структуру с помощью таких терминов, как *слот, подслот* и *терминал*. *Слот* в научной литературе считается синонимичным понятию *узел* и рассматривается в работе Е.И. Шейгал, М.Р. Желтухиной как «некоторый тип / часть информации» [Шейгал, Желтухина 2000: 146], в то же время в работе О.В. Гусельниковой этот термин определяется как «определенное понятие, которое может быть задано или не задано в явном виде» [Гусельникова 2010: 138]. В составе слота можно выделить более мелкую единицу – *подслот*, который понимается как «часть слота, обладающая всеми его признаками (также имеет имя и наполнен определенным содержанием)» [там же: 144]. На основе иерархичности фрейма слоты могут подразделяться на верхние / обязательные и нижние / факультативные и, соответственно, размещаться внутри структуры на верхних или нижних уровнях. Верхние / обязательные слоты передают типовую, конвенциональную информацию, а нижние / факультативные – специфические черты, реализуемые в конкретной ситуации или уточняющую информацию применительно к определенному факту действительности. Эти нижние незаполненные / незаданные слоты называются *терминалы* [там же: 138-140]. По справедливому мнению М. Минского, слоты на верхних уровнях являются четко определенными понятиями по отношению к предполагаемой ситуации, а терминалы на нижних уровнях должны быть заполнены характерными примерами или данными [Минский 1979: 7].

В соответствии с разделяемой нами позицией Н.Н. Болдырева, фрейм – это всегда «структурированная единица знания, в которой выделяются определенные компоненты и отношения между ними» [Болдырев 2001: 29], поэтому необходимо уточнить терминологический аппарат, используемый в данном исследовании. В своем исследовании мы будем придерживаться формулировки структуры, разработанной М. Минским и О.В. Гусельниковой, которая представляется

достаточной для содержательного анализа элементов фреймов, извлеченных из ассоциатов в ходе проведенных нами свободных ассоциативных экспериментов. Стоит также отметить, что простота вышеуказанной модели обеспечивает удобство для контекстуального и дискурсивного анализа. На наш взгляд, фрейм можно понимать, скорее, как один из способов ментального представления статичной структуры знания о некой стереотипной ситуации, определяемый в равной степени, как индивидуальными компетенциями языковой личности, так и спецификой схематично представляемого объекта.

Таким образом, фрейм является «объемным, многокомпонентным концептом, представляющим собой знание о стереотипной ситуации» [Бабушкин 1996: 14].

Нужно сказать, что в рамках данного исследования основным термином, обозначающим анализируемую когнитивную структуру, репрезентируемую ассоциативно-вербальным полем «Одиночество», является фрейм.

1.2. Ассоциативно-вербальное поле как отображение фрагмента языковой картины мира в языковом сознании

1.2.1. Определение терминов «ассоциация», «ассоциат», «ассоциативно-вербальная сеть»

В проведении исследований языкового сознания важную роль играет ассоциация как феномен человеческого восприятия мира. Сам термин впервые был введен в научный оборот британским философом Джоном Локком в XVII веке. В своей книге «Опыт о человеческом разумении» одним из механизмов формирования сложных идей он назвал ассоциацию, под которой понимается неверное, т. е. не отвечающее естественному соотношению, соединение идей, когда «идеи, сами по себе не родственные, в умах некоторых людей соединяются так, что очень трудно разделить их. Они всегда сопровождают друг друга, и как только одна такая идея проникает в разум, вместе с ней появляется соединенная с ней идея» [Локк 1985: 451].

В настоящее время термин ***ассоциация*** широко используется в различных научных областях. По мнению философов, ассоциация является отражением взаимосвязей предметов и явлений действительности в форме закономерной связи между нервно-психическими явлениями [ФЭ 1960, Т. 1: 104]. В рамках психологии ассоциация толкуется как «связь, возникающая в опыте индивида, закономерная связь между двумя содержаниями сознания (ощущениями, представлениями, мыслями, чувствами и т. п.), которая выражается в том, что появление в сознании одного из содержаний влечет за собой и появление другого» [БПС 2009: 51].

В «Энциклопедическом словаре-справочнике лингвистических терминов и понятий» приводится этимологическая информация о данном слове: слово *ассоциация* происходит от латинского слова «associatio», и обозначает «соединение»; слово имеет следующие значения: 1) союз, объединение кого-л. или чего-л.; 2) обусловленная связь представлений, возникающих в сознании человека на основе смежности, сходства или противопоставления с другим известным ему представлением; 3) объединение языковых единиц по формальному или логико-семантическому признаку [ЭСЛТП 2008: 27]. В «Словаре лингвистических терминов» Т.В. Жеребило зафиксировано следующее значение существительного: ‘связь между психическими явлениями, при которой актуализация (восприятие, представление) одного из них влечет за собой появление другого’ [Жеребило 2010: 45].

С нашей точки зрения, ассоциация – это соединение идей, отображенных в мозгу представителей определенной лингвокультурной общности в результате мыслительной деятельности человека, возникающее на базе субъективного опыта, а также культурных знаний. Это соединение идей, может быть, вербализовано языковыми единицами, взаимосвязанными по формальному или логико-семантическому признаку.

В то же время, важно отметить, что в различных дисциплинах предлагается своя классификация ассоциаций. Немецкий психолог, философ и педагог И. Гербарт рассматривал ассоциации как психические связи по смежности, по сходству и по контрасту. Данное различие, основанное на типе их образования,

сохраняется в современной психологии и психолингвистике [Гируцкий 2003: 86]. Позже Д. Юм дополнил эту типологию и предложил разделение ассоциаций на четыре типа: по сходству (голубое – синее), контрасту (черное – белое), по смежности в пространстве и во времени (случайный испуг ребенка в темной комнате вызывает затем страх темноты), причинно-следственные (яркая вспышка света – болевое ощущение) [БПС 2009: 51].

Ф. де Соссюр отмечал, что все члены языковой системы находятся между собой в двух видах отношений: синтагматических и ассоциативных. Синтагматическим, или горизонтальным, отношениям стали противопоставлять парадигматические, или вертикальные отношения, которые Ф. де Соссюр называл ассоциативными [Соссюр 1977: 155–159]. В. Вундт, с точки зрения экспериментальных исследований, выдвигает более психологически обоснованное разделение ассоциаций: 1) словесные ассоциации, у которых определенное слово просто вызывает другое слово, благодаря их частому соединению; 2) внешние ассоциации представлений, при которых представление, соответствующее слову, воспроизводит другое, с которым оно обыкновенно находится во внешней связи; 3) внутренние ассоциации представлений, при которых представление, пробужденное словами, воспроизводит другое, находящееся к нему в каком-либо умозаключительном отношении [Вундт 1914: 540]. Предложенную интерпретацию экспериментов можно рассматривать как классификацию типов вербальных ассоциаций языковой личности.

А.П. Клименко установила следующие основные типы вербальных ассоциаций: фонетические, в которых налицо созвучие между словом-стимулом и словом-реакцией; словообразовательные (*желтый – желтуха*); парадигматические ассоциации, в которых слово-реакция отличается от слова-стимула не более, чем по одному признаку; синтагматические ассоциации, в которых слово-реакция вместе со словом-стимулом составляют подчинительное сочетание; тематические ассоциации могут составлять вместе со стимулом сочетание слов в результате грамматического изменения слова-ассоциации или слова-стимула; реминисцентные или цитатные ассоциации (*море – старик*; по

ассоциации с названием произведения Э. Хемингуэя «Старик и море»); грамматические ассоциации типа *стол – стола* или *красный – красная*, в которых реакция представляет собой грамматическую форму стимула [Клименко 1980: 10-11]. По мнению ученого, данные характеристики ассоциаций являются более или менее общепризнанными.

Представитель казанской лингвистической школы Н.В. Крушевский разделил вербальные ассоциации на два типа: I. Ассоциации непосредственные и II. Ассоциации посредственные.

I. Непосредственные ассоциации бывают двух видов. 1) *Ассоциации по сходству.* «Всякое слово связано с другими словами узами ассоциации по сходству; это сходство будет не только *внешнее*, т.е. звуковое, или структурное, морфологическое, но и *внутреннее*, семасиологическое <...> всякое слово способно, вследствие особого психологического закона, и возбуждать в нашем духе другие слова, с которыми оно сходно, и возбуждаться этими словами»; 2) *Ассоциации по смежности.* Другая «способность слов возбуждать друг друга основана на психологическом законе *ассоциации по смежности*: мы привыкаем употреблять данное слово чаще с одним нежели с другим словом» [Крушевский 1883: 65].

II. Посредственные ассоциации. Это словесные ассоциации, возникающие посредством связей представлений о *вещах*, обозначаемых словами: «Слово есть знак вещи. Представление о вещи и представление о слове, обозначающем эту вещь, связывается законом ассоциации в неразлучную пару. Это будет, конечно, ассоциация по смежности. Только немногочисленный в каждом языке класс слов звукоподражательных связан с соответствующими вещами еще *ассоциацией по сходству*; например, *шушукать* и т. п. Если представление о вещи неразлучно с представлением о соответствующем слове, то что же из этого следует? Слова должны классифицироваться в нашем уме в те же группы, что и обозначаемые ими вещи» [Там же: 67].

Следуя основному принципу классификации ассоциаций Н.В. Крушевского, Г.А. Мартинович полагает, что все виды вербальных ассоциаций могут быть рассмотрены в качестве частных случаев двух наиболее общих типов любых

ассоциаций, т. е. ассоциаций по смежности (во времени или пространстве) и ассоциаций по сходству, определяемых на основе учета формальных, функциональных и содержательных признаков и предлагает следующую классификацию ассоциаций (см. таблицу 1) [Мартинович 1997: 12-14].

Таблица 1. Классификация ассоциаций

<table>
<tr><td colspan="7">Вербальные ассоциации</td></tr>
<tr><td colspan="2">Ассоциации по смежности</td><td colspan="5">Ассоциации по сходству</td></tr>
<tr><td colspan="2">Содержательные</td><td colspan="3">Содержательные</td><td colspan="2">Формальные</td></tr>
<tr><td>В пространстве</td><td>Во времени</td><td>Детерминационные</td><td>Классификационные</td><td>Словообразовательные</td><td>Грамматические</td><td>Фонетические</td></tr>
</table>

Детерминационные ассоциации, по теории исследователя, представляют собой ассоциации эпитетного типа: один член пары является непосредственным обозначением признака второго члена (*бабушка – вяжет, бабушка – старая, бабушка – в платке*). Классификационные ассоциации – метафорического типа: это пары слов, имеющие в своем содержании как минимум один общий существенный признак (*бабушка – дедушка, белый – черный*). Словообразовательные ассоциации – это единицы, обладающие общими элементами как содержательного, так и формального планов (*записывать – запись*). Грамматические ассоциации имеют формальное сходство, создаются на основе грамматических правил (*стол – стола*). Фонетические ассоциации предлагаются по формальному сходству, связанному со звучанием слова (*ночь – дочь*) [там же].

Однако необходимо выявить ограничения этой классификации, как указывает Г.А. Мартинович, «проведенное разграничение вербальных ассоциаций на основе отношений содержания ассоциируемых слов не является абсолютным, а имеет относительный характер, так как некоторые ассоциативные пары могут одновременно (по разным основаниям) принадлежать к различным типам и подтипам (синкретические ассоциации)» [там же: 13], и в то же время не решает проблему качественного анализа ассоциаций: учитывая смысловые и

грамматические аспекты производства ассоциаций, она не включает психологические причины возникновения ассоциаций.

Из приведенного выше анализа ясно, что в научной литературе нет единой точки зрения на разделение типов вербальных ассоциаций, как нет и единого понимания того или иного типа ассоциации. Специфика классификаций часто зависит от принципов – психологических, философских, лингвистических или логических, на которых они основаны.

Важно подчеркнуть, что при представлении или рассмотрении данных о результатах ассоциативных экспериментов часто используется еще один термин – ***ассоциат***. В «Полном словаре лингвистических терминов» его дефиниция представлена следующим образом: «*речевая реакция на стимул, обычно лексическая.* Ассоциативные связи слов играют важную роль в·речевом общении и текстообразовании, слова-ассоциаты специально выявляются в психолингвистике» [Матвеева 2010: 30], а в «Словаре лингвистических терминов» Т.В. Жеребило дается лаконичное определение – «реакции на слово-стимул» [Жеребило 2010: 45]. Первая из приведенных трактовок представляется предпочтительнее в нашем исследовании, поскольку подчеркивает вербальный характер ассоциатов.

Е.С. Кубрякова и А.А. Залевская отмечают центральную роль слова в организации языковых знаний, что позволяет склоняться «в общей дискуссии о большей адекватности модулярных или же интеракциональных систем мозга... к мнению о предпочтительности коннекционистских или же сетевых моделей» [Кубрякова 2004: 55]. Как отмечает Е.С. Кубрякова, «сети часто мыслятся не только как отражающие лексические связи слов, но и как образ языковой способности в более широком смысле» [там же]. И ***ассоциативно-вербальная сеть*** (далее – АВС), разработанная Ю.Н. Карауловым, считается типичным примером такого подхода.

В «Словаре лингвистических терминов» Т.В. Жеребило АВС определяется как «научная модель знания языка, основанная на массовом ассоциативном эксперименте, представляющая собой сложное пересечение парадигматических и синтагматических связей слова» [Жеребило 2010: 44]. АВС рассматривается

Н.Е. Кожуховой и Г.Н. Аксеновой как способ существования языка в индивиде, а связи между словами устроены так, чтобы обеспечить непосредственно переход от одного слова к любому другому [Кожухова, Аксенова 2011: 168]. По дефиниции В.В. Красных, вся АВС представляет собой «стереотипное поле», репрезентирующее концептосферу того или иного национального лингвокультурного сообщества, с которым неразрывно связаны концепты, бытующие в том или ином языковом сознании» [Красных 2002: 181]. В работах Ю.Н. Караулова АВС используется для обозначения: 1) ментальной структуры (индивидуальная АВС) и 2) ее материального аналога, выявленного в результате многоэтапного и массового ассоциативного эксперимента с носителями языка (АВС языка) [Пешехонова 2008: 35].

В нашем исследовании под АВС понимается способ представления языкового сознания и отражение системных представлений лингвокультурных идей о мире. Важно отметить тот факт, что АВС построена на основе данных «Русского ассоциативного словаря» под. ред. Ю.Н. Караулова. Объем знаний и информации, содержащиеся в словарных статьях, вошедших в словарь, чрезвычайно богаты и делятся на три основные разновидности. Первая – это экстралингвистическая или супралингвистическая информация, которая запечатлена «в словах, словосочетаниях, целых высказываниях и суждениях, называющих и характеризующих предметы и явления текущей жизни носителей, их повседневного взаимодействия и общения, реалии окружающей их действительности» [РАС 2002: 755]. Ко второй разновидности отнесена диалоговая информация, служащая «отражением языкового сознания носителей, поскольку содержит элементы рефлексии по поводу языка, национальной культуры, дает в реакциях оценку понятиям, событиям и типовым ситуациям русской действительности» [Там же]. Третьей разновидностью считается интуитивное знание, которое «остается для большинства носителей, видимо, неосознаннным, касается устройства самого языка, его поуровневой структуры» [Там же].

АВС организована множеством перекрывающихся и разнообразных связей [Залевская 1999], при этом отмечая когнитивную, языковую и коммуникативно-

речевую сферы и демонстрируя «язык в довербальной подготовке» [Караулов 1999], так что можно назвать одной из ее особенностей многообразие отношений, лежащих в основе связей между элементами. Как справедливо отмечают Н.Е. Кожухова и Г.Н. Аксенова, «в АВС семантическая связность столь велика, что каждый элемент в ней, каждое слово связано с каждым другим либо прямой, либо обратной непосредственной семантической связью» [Кожухова, Аксенова 2011: 168]. С точки зрения Ю.Н. Караулова, АВС «характеризуются измерениями разной степени глубины и сложности, и их сопоставление можно проводить по всем измерениям» [Караулов https://iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/4-1.html], они не являются искусственным построением, «поскольку эта сеть приводится к выражению в результате анкетирования большого числа носителей языка, спонтанно реагирующих на предъявленный стимул» [Караулов 1999: 13, 21]. Кроме того, ученый оценивает АВС как материальный аналог языковой способности, не как статичную, а как динамичную, открытую, самоорганизующуюся систему, поскольку грамматика в АВС поддерживается в состоянии «“неустойчивого равновесия” с готовностью вылиться в текст, стать текстом, но еще не став им» [там же: 35, 47].

Подводя итог, можно сказать, что теория АВС позволяет интерпретировать специфическую организацию лингвистических и энциклопедических знаний в лексиконе человека с функциональной точки зрения и представляет особый интерес для изучения процессов ментальной репрезентации этих знаний.

1.2.2. Определение ассоциативного эксперимента. Виды ассоциативных экспериментов

АВС, разработанная Ю.Н. Карауловым как динамическая модель формирования мысли в ее предречевой подготовке, является одним из направлений психолингвистического эксперимента как средства верификации ассоциативной сферы языкового сознания, в связи с изучением самого ассоциативного процесса, и другим направлением фиксации конкретной ассоциативной статистики (ядерной

и периферийной зон ассоциативных полей в коллективном и индивидуальном сознании, что отражается в словаре языковых стереотипов и индивидуальных реакций на соответствующие словесные стимулы), поэтому необходимо ввести объяснение термина ***ассоциативный эксперимент*** (далее – АЭ).

АЭ в психолингвистике был принят на вооружение приблизительно с 1960-х годов. Первый эксперимент был проведен британским психологом Френсисом Гальтоном в конце 1870-х годов и представлял собой, если быть точным, психодиагностическую методику, целью которой было выявление личностных качеств индивидов. Гальтон проводил исследование двух проблем в области ассоциаций, а именно: работу по установлению разнообразия ассоциаций и установление времени, в которое происходят реакции на слово-стимул.

В начале XX века АЭ стал использоваться в психоанализе, поскольку позволил проникнуть в бессознательную сферу психики индивида. К.Г. Юнг использовал этот метод в своей практике. В наше время современная лингвистика предпочитает изучать ассоциативное значение слова с помощью ассоциативных экспериментов, которые позволяют определить особенности функционирования языкового сознания носителей языка. Необходимо заметить, что исследование АЭ все еще подвергается критике несмотря на многолетний опыт изучения ассоциативных процессов. В.А. Пищальникова указывает, что «осуществление ассоциативного эксперимента и характер интерпретации его данных в отечественной психолингвистике в настоящее время нельзя назвать совершенными» [Пищальникова 2007: 113]. По нашему мнению, тексты-выражения разного типа (такие, как реакции-словоформы и реакции-словосочетания), полученные в ходе АЭ, являются вполне надежным и ценным материалом для исследования.

В «Новом словаре методических терминов и понятий» отмечается, что АЭ представляет собой «эксперимент, во время которого от испытуемого требуется назвать первое пришедшее в голову слово или выражение в ответ на предъявляемую лексическую единицу» [Азимов, Щукин 2009: 21]. С.В. Архипова полагает, что АЭ – это техника психологического анализа семантики,

вскрывающего объективно существующие в психике носителя языка семантические связи слов, языковые стереотипы – все то, что помогает впоследствии обобщить полученный материал «как специфические черты менталитета» [Архипова 2011: 6]. О.И. Уланович толкует АЭ как метод психолингвистического анализа семантики, который выявляет семантические характеристики отдельных значений слов, ассоциативные связи между словами и группами слов и позволяет судить о специфике сознания, субъективно-аффективной оценке социальных феноменов [Уланович 2010: 11]. Е.И. Горошко под АЭ понимает «прием, направленный на выявление ассоциаций, сложившихся у индивида в его предшествующем опыте» [Горошко 2005: 53-54].

Попытаемся предложить свое собственное определение, которое представляется более целесообразным в связи с целью нашего исследования. По нашему мнению, АЭ – это широко используемый в психолингвистике метод, направленный на выявление и изучение вербальных ассоциаций, сформированных у членов различных этнических общностей в ответ на слова-стимулы, заданные в ходе опроса, на основе их опыта.

В лингвистических и психолингвистических исследованиях [Леонтьев 1977; Горошко 2001; Белянин 2004; Маклакова, Стернин 2013] традиционно выделяется три основных вида АЭ: свободный, направленный, цепной (цепочечный).

В ***свободном АЭ*** испытуемых просили отвечать словами – RR (любое слово, отвечающее на предъявленный стимул S) – не ограничивая формальные или семантические особенности слов RR. Цель данного вида эксперимента заключается в том, чтобы выявить национально-культурную специфику образов, лежащих на поверхности сознания, в оперативной памяти человека.

Р.М. Фрумкина указывает на принципиальный характер инструкции отвечать первым словом, которое придет на ум: «Ассоциативная реакция-ответ должна следовать немедленно – испытуемый не должен размышлять над тем, что бы ему такое сказать и как отреагировать. <…> Само понятие ассоциативного процесса исключает идею отбора ответов. Если есть отбор – нет ассоциативного процесса в общепринятом в истории психологии смысле» [Фрумкина 2008: 190-191].

А.Н. Леонтьев особо подчеркивает, что на ассоциации, полученные при проведении свободного АЭ, одновременно оказывают влияние два фактора: лингвистический (определенные характеристики слова-стимула) и прагматический (личность самого испытуемого и его жизненный опыт) [Леонтьев 1977: 7].

Направленный АЭ требует, чтобы экспериментатор каким-то образом ограничил выбор ожидаемых RR, и испытуемых просят называть только слова определенной грамматической или семантической категории (например, предлагать прилагательные к существительным, или называть только существительные и т.д.). Целью данного вида эксперимента является определение образов, которые находятся в глубине сознания носителя языка.

Случаи использования данного вида эксперимента чаще всего встречаются при семантических дифференциалах, субъективной дифиниции слова-стимула, развертывании предложения на основе данных слов, заполнении пробелов в тексте и т.д. Ю.А. Борисова отмечает, что «анализ результатов направленных АЭ показывает, что направленность ассоциаций во многом обусловливает их сосредоточенность и конкретность, снижает разброс и неопределенность (в силу снятия свободных, ненаправленных реакций), тем самым позволяя уменьшить количество испытуемых в эксперименте и при этом получая в итоге надежные данные» [Борисова 2019: 267].

Цепной (цепочечный) АЭ рассматривается как вариант свободного АЭ, в котором регистрируются цепочки ответов, и как эксперимент с продолжающейся реакцией. Испытуемых просят ответить на слово-стимул любым количеством слов – Ri, слово, которое первым приходит на ум при предъявлении слова – S, не ограничивая каким-либо образом формальные или семантические особенности слов. Целью данного вида эксперимента служит выявление неконтролируемых, спонтанных процессов, которые воспроизводят сознательное и подсознательное содержание в разуме субъекта.

По справедливому мнению Н.В. Уфимцевой, АЭ является «ценным и при понимании индивидуальных особенностей различных культур, поскольку с помощью данного исследовательского приема можно судить об особенностях

функционирования языкового сознания человека. Ассоциативный метод можно рассматривать также как специфичный для данной культуры и языка «ассоциативный профиль» образов сознания, интегрирующий в себе умственные и чувственные знания, которыми обладает конкретный этнос» [Уфимцева 1996: 67].

В нашем исследовании мы использовали методику свободного АЭ, который позволяет «реконструировать различные связи языковых единиц в сознании и выявить характер их взаимодействия в процессе понимания, хранения и порождения речевых произведений» [Фридман 2007: 79] и «наметить новые пути в исследовании механизмов речевого воздействия и поведения, а также в изучении семантических законов в языке в целом, принципов соотношения семантики и синтаксиса в речи и языке, закономерностей социализации индивидуальных семантических изменений и установлении новых типовых ассоциативных связей» [Уфимцева 2011: 228].

В данном исследовании используется не классический свободный ассоциативный эксперимент, а свободный цепочечный эксперимент, который позволяет проследить маршруты ассоциирования, когда реакция на первичный стимул в дальнейшем становится стимулом для следующей реакции.

Стоит отметить, что на основании проведения свободных АЭ не только получают данные для составления ассоциативных словарей (таких, как «Русский ассоциативный словарь» под ред. Ю.Н. Караулова, Н.В. Уфимцевой (1996); «Словарь ассоциативных норм русского языка» под ред. А. Леонтьева (1977); «Русский региональный ассоциативныйсловарь-тезаурус ЕВРАС» под ред. Н.В. Уфимцевой и Г.А. Черкасова), но и собирают материал для исследования динанимичности языкового сознания.

Проведение нами свободного АЭ как техники психолингвистического анализа предполагает опрос большого количества испытуемых, объединенных по определенным группам (регион, возраст, образование, род занятий и т. д.), с целью выявления их ассоциаций-реакций на конкретные слова-стимулы «одиночество», «одинокий (-ая)».

Методику проведения такого эксперимента детально рассмотрим в

следующем параграфе.

1.2.3. Методика проведения ассоциативного эксперимента

Разнообразие видов АЭ позволяет выбрать подходящий для конкретной исследовательской задачи. Наиболее широко используемым методом в исследовании языкового сознания в настоящее время является свободный АЭ. Подробное описание этапов проведенных экспериментов представлено в работе Д.И. Навильниковой: «формирование списка стимулов, анкетирование и состав испытуемых, обработка и унификация ответов, выявление их количественных характеристик. В последнем случае основное внимание уделяется интерпретации числовых показателей одинаковых, различающихся и единичных реакций, предложенных респондентами» [Навильникова 2009: 116]. На наш взгляд, алгоритм проведения АЭ состоит из шести основных шагов: цель и гипотеза эксперимента, испытуемые, экспериментальный материал, формирование и процедура эксперимента, обработка полученных данных и анализ результатов эксперимента.

Цель и гипотеза эксперимента, по нашему мнению, должны основываться на субъективных намерениях исследователя-экспериментатора и устанавливаться разумным образом в контексте культуры и времени местности, где проводился эксперимент, чтобы обеспечить научную обоснованность эксперимента.

В роли ***испытуемых*** должны выступать те информанты, «языковое сознание которых носит национально-культурную специфику», люди, с рождения включенные в данную культуру, а значит, люди, для которых язык данной культуры является родным» [Евсеева 2009: 83], так называемые носители языка. Исходя из взглядов Е.И. Горошко, при отборе испытуемых необходимо учитывать следующие параметры.

– Количество: в идеале, 1000 испытуемых, иногда до 500–700.

– Форма организации: групповая или индивидуальная. Для свободного АЭ последняя подходит больше, поскольку «при ней снимается серьезный фактор

помех, в виде реплик или каких-либо других поведенческих реакций со стороны остальных участников эксперимента, что может сбить весь тонкий процесс спонтанного ассоциирования» [Горошко 2005: 57].

– Возраст: нет определенного диапазона, но предпочтение отдается молодежи, так как она в значительной степени сформирована и развита в плане вледения языком, имеет определенный словарный запас, знание письменности и грамматики, и может представлять общую культурную грамотность общества. При проведении экспериментов с детьми «иногда в зависимости от целей исследования требуется пояснить некоторые ассоциации или их невозможно истолковать однозначно» [там же: 59]. Трудность работы обусловлена тем, что «в свободном АЭ прочно скрыт от исследователя сам процесс реагирования. Возникновение ассоциативной связи и её мотивировка не доступны прямому наблюдению» [там же].

– Половая принадлежность: это различие не является необходимым условием для проведения АЭ, но все же важно признать его существование и значимость. Например, И.В. Журавлева и И.А. Курочкина в исследовании социологических интервью обнаружили, что мужчины предпочитают беседовать о политике, а женщины – о семье [Журавлева, Курочкина 2002]. А.О. Морозова и О.В. Симакова при исследовании табуированных различий сообщают, что вопросы о размерах и источниках доходов мужчины считают «деликатными», в то время как женщины больше смущаются темы возраста и сексуальных отношений [Морозова, Симакова 2002].

– Национальная принадлежность: при проведении межкультурных исследований важно учесть этнокультурные предпочтения различных языковых сообществ. Иногда «форма эксперимента непосредственно связана со временем его проведения и с национальной принадлежностью информантов» [Ершова 1998: 21].

– Поведенческая компетентность: в течение последнего десятилетия Е.И. Горошко изучала ассоциативное поведение информантов. Малоизученным является исследование в таких аспектах, как реакции пожилых людей, лиц в необычном психофизиологическом состоянии, и совсем не проводилось

исследований ассоциативного поведения людей в некоторых измененных состояниях сознания [Горошко 2005: 56]. Очевидно, что особое внимание следует уделять физическому и психологическому здоровью испытуемых и их состоянию сознания в момент проведения эксперимента, особенно при необходимости проводить эксперименты с людьми с ограничениями в поведенческой воможности, такими, как пожилые люди, инвалиды и др.

– Профессиональная идентификация: на стиль коммуникативного поведения информантов могут влиять половая и возрастная принадлежности [Буренина 2001]. В некоторых случаях эксперимента была важна такая информация, как социальный статус и уровень образования, подразумеваемые под профессиональной принадлежностью испытуемых.

Кроме того, некоторые испытуемые, пытаясь сломать привычные правила эксперимента, записывали не первое слово, пришедшее на ум, как требовалось, а какие-то собственные творческие идеи, что требует от исследователя учитывать такие факторы, как личные ассоциативные характеристики в процессе проведения АЭ. Неудивительно, что Е.И. Горошко утверждает, что «на валидность ассоциативных данных оказывают сильное влияние социальные и психофизиологические характеристики информантов. К этому может быть отнесено и их психологическое состояние в момент проведения эксперимента» [Горошко 2005: 55].

Под ***экспериментальным материалом*** имеется в виду предъявление стимульного материала, точнее, выбор слов-стимулов, состав которых определяется конкретной задачей исследования, тщательный подбор подходящего слова-стимула необходим для достижения оптимальных статистических результатов эксперимента. Список слов-стимулов в «Русском ассоциативном словаре» [1994], составленном Ю.Н. Карауловым, Ю.А. Сорокиным, Е.Ф. Тарасовым и др., разделен на основную и дополнительную части. В основной части более 700 стимулов входят в топ-1000 высокочастотных слов русского языка. Кроме того, список слов-стимулов богат разными частями речи, включая 298 существительных, 212 глаголов, 114 прилагательных, 31 местоимение, 16

числительных, 24 наречия, 7 модальных частиц, 6 союзов и 10 предлогов. В основную часть списка из более чем 700 слов-стимулов включено 200 из «Словаря ассоциативных норм русского языка» под ред. А.А. Леонтьева [1977], что облегчает анализ изменений в сознании носителей русского языка за 20-летний период. Дополнительная часть списка слов-стимулов содержит около 350 вариантов существительных и прилагательных, прототипы которых включены в основной список слов-стимулов. Кроме того, в дополнительную часть входит ряд идеографических групп и отличающихся по стилистической принадлежности существительных, глаголов и прилагательных, что позволяет, с одной стороны, проанализировать ассоциативные связи на грамматическом уровне, а с другой стороны, проверить сильные и слабые стороны существующих русских словарей синонимов и построить реальные синонимические ряды в языковом сознании носителей русского языка. Список слов-стимулов в «Ассоциативном словаре русского языка» [1996] содержит 2685 общеупотребительных слов, которые были отобраны путем «просеивания» 50 000 различных слов-реакций, полученных на предыдущем этапе составления словаря.

На этапе ***формирования подготовки эксперимента*** необходимо учесть следующие показатели:

– Форма проведения эксперимента: устная или письменная. «Письменная форма свободного АЭ рассматривается как речь подготовленная, а устная – как спонтанная и естественная. При устной информант отвечает спонтанно, давая реакции сразу, не обдумывая. При письменной у испытуемого времени больше, и он работает в удобном для себя темпе» [Бочкарева 2002: 155]. Письменная форма свободного АЭ основана на двух видах анкет. Первый вид – традиционный: бумажная анкета. Испытуемому дают бланк с заданием эксперимента для заполнения. Второй вид анкеты представляет собой анкету в Интернете, созданную с помощью сервиса поисковых систем (Гугл-формы или Яндекс формы) [Синигаева 2017: 18]. В нашем исследовании используется анкета, созданная в Интернете.

– Регулирование контролирующего поведения экспериментатора: надо

обратить внимание на необходимость корректно подать экспериментальную установку и блокировать нежелательное поведение испытуемых во время их участия в эксперименте, поскольку «механизмы ассоциативного процесса слишком хрупки, и всякий посторонний шум или другие помехи могут привести к его необратимым изменениям и сильно исказить общую картину получаемых данных» [Горошко 2005: 58]. Следует отметить однако, что вышеуказанные недостатки будут иметь место только в экспериментах среди групповых испытуемых, где могут возникнуть неприятные ситуации, такие как «громкие вопросы с места, просьбы пояснить еще раз инструкцию, когда уже началась работа со списком стимульных слов, навязывания своих ответов другим испытуемым и прочее» [там же].

– Время, отведенное испытуемым для участия в эксперименте: с учетом объема набора содержания эксперимента гибко контролируется экспериментатором в плане продолжительности времени, которое обычно составляет не более 10 минут. По нашему мнению, временной параметр в устной форме эксперимента можно указать явно и подчеркнуть специально при сообщении экспериментатором инструкции эксперимента до того, как информант начнет приводить свои ассоциаты; а в письменной – экспериментатору следует отдельно поставить его на видном месте в анкете.

– Другие: подтверждение работоспособности оборудования эксперимента; обеспечение комфортной и спокойной обстановки в месте проведения эксперимента; проверка наличия погодных или других условий, которые могут повлиять на достоверность результатов эксперимента.

В.П. Глухов следующим образом описывает ***процедуру эксперимента***: «Процедура ассоциативного эксперимента состоит в следующем. Испытуемым предъявляется слово или целый набор слов и говорится, что им необходимо ответить первыми приходящими в голову словами. Обычно каждому испытуемому дается 100 слов и 7–10 минут на ответы. Большинство реакций, приводимых в ассоциативных словарях, получено от студентов университетов и колледжей в возрасте 17–25 лет (при этом слова-стимулы давались на родном для испытуемых

языке)» [Глухов 2005: 299]. Опираясь на данное описание, можно наглядно обобщить общую процедуру проведения эксперимента в виде следующего алгоритма:

1. Составляется список из отдельного или нескольких слов-стимулов.

2. Список предъявляется испытуемому после сообщения инструкции по выполнению эксперимента.

3. Испытуемый реагирует на каждое слово, приводя свои ассоциации.

4. Экзаменатором фиксируются ассоциаты и время реакции испытуемого.

Обработка полученных в ходе эксперимента данных должна проводиться сразу после его проведения. При первичной обработке анкет в первую очередь следует провести идентификацию и отбраковку недействительных анкет, по нашему мнению, которые возникают в следующих двух случаях: испытуемые не отвечают более чем на половину слов-стимулов в анкете; испытуемые отвечают не на заданные слова-стимулы, а на слова, не имеющие ничего общего с заданными словами-стимулами, и более чем на половину таких ответов. При нежелании испытуемых участвовать в эксперименте типичны ответы, однотипные со словами-стимулами, или шуточные реакции, которые обычно считаются как неадекватные реакции. Анкеты, в которых испытуемые не выполнили свои ответы в отведенное время или в которых слова-ответы были скопированы у других, обоснованно устраняются и исключаются из сферы анализа вместе с недействительными анкетами, упомянутыми выше.

После отбора анкет данные из действительных анкет необходимо перевести на электронный носитель с учетом исправления возможных ошибок и оптимизации читаемости и валидности данных. В.А. Долинский предлагает реализацию «лемматизации ассоциаций: сведения реакций-словоформ в лексемы, лемматизации словосочетаний, группировки списков ассоциаций для каждого стимула по леммам, с присвоением каждой единице частотного индекса – суммарного числа форм данной лексемы или словосочетания. В результате получены в машиночитаемой форме списки ассоциаций» [Долинский 2022: 129-130]. Г.Я. Мартыненко и Г.А. Мартинович дополнительно указывают, что

«реакции, имевшие вид относительно развернутых высказываний, были подвергнуты лексикографической обработке путем сведения их только к номинативным единицам. Чтобы избежать влияния возмущающих факторов, порождаемых индивидуальными и коллективными различиями между информантами, все слова-реакции были подвергнуты рандомизации с помощью таблицы случайных чисел» [Мартыненко, Мартинович 2003: 20]. Таким образом, отбор статистических параметров для описания данных АЭ должен быть представлен в виде частотного списка реакций на слова-стимулы, как правило, в порядке убывания частоты для сортировки ассоциатов и в алфавитном порядке для равночастотных реакций.

Анализ результатов эксперимента как заключительный шаг в методике проведения АЭ, с позиции Н.И. Мироновой, может быть формальным и содержательным. «В рамках формального анализа обычно рассматривают фонетические и словообразовательные ассоциации. Традиционный подход к содержательному анализу ассоциаций состоит в выделении двух (парадигматических и синтагматических) или чаще трех (и тематических) типов отношений между стимулом и реакцией с последующим их более тщательным анализом [Миронова 2011: 109-110].

И.А. Стернин разделяет виды интерпретации результатов эксперимента на системно-языковую и когнитивную. Содержание и цель каждого из них показаны в таблице №2 [Стернин 2020: 111-114].

Таблица 2. Виды интерпретации результатов эксперимента

Название	**Системно-языковая интерпретация**	**Когнитивная интерпретация**
Содержание	выводы об устройстве и функционировании языковой системы языка в языковом сознании его носителей	1) переход от языкового сознания, отраженного в ассоциациях, к когнитивному (общему), т.е. выход за пределы языкового сознания в общенациональную ментальную сферу, национальный образ мира, национальный менталитет и культуру, особенности национального мышления; 2) описание содержания и связей конкретных концептов в концептосфере народа

Продолжение Таблицы 2. Виды интерпретации результатов эксперимента

Название	**Системно-языковая интерпретация**	**Когнитивная интерпретация**
Цель	моделирование ядра и периферии системы языка, структурной организации лексикона, смысловых групп и их системной организации, выявление парадигматических и синтагматических связей слов, синонимии, антонимии, симилятивные и оппозитивные отношения, полисемию и омонимию, гипо-гиперонимические отношения в языковой системе, моделирование падежной системы языка, типовой сочетаемости слов, выявление прецедентных текстов, зафиксированных в системе языка и под.	реконструкция (моделирование) концептов как мыслительных единиц по данным языка, то есть реконструкция когнитивного сознания по языковому сознанию.

Ученый также отметил «возможность описания актуальной семантики языковых единиц в языковом сознании методом семантической интерпретации результатов ассоциативных экспериментов, который заключается в интерпретации ассоциативных реакций как актуализации в эксперименте отдельных компонентов семантики слова, из которых можно реконструировать значения слова в актуальном языковом сознании носителей языка» [там же].

Внимание следует уделить роли экспериментальной установки в процессе анализа. По мнению А.В. Разумковой, два фактора – потребностно-мотивационной сферы аудитории и фазы ориентировки респондентов – позволят оказать положительное влияние на достоверность ассоциативного материала и на сделанные на их основе научные выводы [Разумкова 2016: 141]. В связи с тем фактом, что «на стимул реагирует не ментальный лексикон, а человек (активная, чувствующая, аффективно переживающая мир личность)» логично необходимо сосредоточиться на аффективно-эмоциональных переживаниях испытуемых. А.Р. Лурия предложил так называемую «сопряженную методику» [Лурия 1990: 137], чья обоснованность состоит в том то, что аффект нарушает нормальное

течение ассоциаций; при сильном аффекте ассоциации обычно резко задерживаются. Потенциал проведения АЭ заключается в вызове аффектных следов с помощью слов-стимулов, и в их преследовании и объективном фиксировании. В работе А.Н. Шершневой и А.Ж. Алиевой отмечается, что «выбор вербального стимула осуществлен по основанию интегративного значения речевых функций в системе содержания. Речь включается в определенные взаимодействия со всеми психическими процессами» [Шершнева, Алиева 2014: https://articlekz.com/article/12168].

В целом можно сделать вывод о том, что к анализу полученного материала требуется особенно тщательный, всесторонний и глубиный подход. Наше исследование опирается на результаты свободного ассоциативного цепочечного эксперимента, подробное описание методики проведения которого и анализ результатов приводится во второй главе.

1.2.4. Содержание термина «поле» в лингвистике

Термин ***поле*** был заимствован из естественных наук (например, алгебраическое поле в математике, электромагнитное и гравитационное поля в физике и т.д.) в лингвистику.

Теоретическое осмысление термина «поле» в лингвистике восходит к работам немецких лингвистов Г. Ипсена и Й. Трира 20-30-х годов XX века. Понятие «поле» было определено Г. Ипсеном как совокупность слов, обладающих общим значением [Щур 2007: 22-23], при этом Й. Трир считал поле парадигматическим явлением, «слова того или иного языка не являются обособленными носителями смысла, каждое из них, напротив, имеет смысл только потому, что его имеют также другие, смежные с ним слова» [Васильев 1971: 106] и выделил два типа полей: 1) понятийные поля (Begriffsfelder, Sinnbezirke) и 2) словесные поля (Wortfelder) [там же]. Первые являются ассоциативными по своей природе и формируются на основе смыслового родства лексем, которые возникают в сознании человека при произнесении слова. С развитием учения о

синтаксических комплексах, объединяющего парадигматические и синтагматические свойства полей, возникло и сосуществовало параллельно с концепцией Й. Трира синтагматическое поле или синтаксическое поле, введенное В. Порцигом, который понимал его как совокупность словосочетаний и других синтаксических комплексов, в которых возможность семантической связи компонентов очевидна. Например, *слышать – ухо; хватать – рука; светлый – волосы* [Щур 2007: 53-54]. Л. Вайсгербер предложил свое толкование понятия «поле»: «часть языкового промежуточного мира, строящегося на основе единства органически связанных, взаимодействующих групп языковых знаков» [Кузнецова 1963: 29] и разделил его на однослойные, двуслойные и многослойные, в зависимости от того, со скольких точек зрения, по мнению Л. Вайсгербера, можно анализировать данное поле или группу.

Нужно отметить, что понятие «поле» возникло как интуитивное отражение структурно-функционального подхода к явлениям языка, который неотделим от анализа групп и который, однако на разных этапах рассматривается то, как системный, то, как групповой [там же: 94]. Данный термин уточняется Г.С. Щуром как «способ существования и группировки лингвистических элементов, обладающих общими (инвариантными) свойствами» [Щур 1967: 68].

В словарях лингвистических терминов находим определение термина «поле», которое трактуется как «совокупность лексических единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное свойство обозначаемых явлений» [ЛЭС 1990: 380] или «совокупность содержательных единиц (понятий, слов), покрывающая определенную область человеческого опыта» [Ахманова 1966: 322].

В нашем исследовании мы придерживаемся точки зрения С.В. Гринева-Гриневича, определяющего поле как «фрагмент действительности, который выделен в опыте индивида и имеет соответствие в языке в виде отдельной независимой лексической системы» [Каспрук 2018: 12], поскольку данное определение предлагается не только с точки зрения языковой системы, но и в рамках лингвокогнитивистики, учитывающей познавательную деятельность

человека в окружающей реальности.

С учетом того, что «поле объединяет в иерархическую систему единицы, имеющие общее значение» [Зиновьева 2003: 108], полевый подход как один из важнейших подходов к лингвистическому анализу, широко используется в исследовании языковых объединений различных типов в различных областях, таких как лексикология, грамматика, фразеология, лексикография, лингвокультурология и при изучении языка художественных произведений. В зависимости от объекта исследования под гипероним «поле» терминологически подводятся различные названия: «семантические, лексико-семантические, ассоциативные, функционально-семантические, концептуальные, идеографические, фразеосемантические, лингвокультурологические поля и др» [там же].

В лингвистике выделяются исследования типологии моделей языкового поля. Например, Л.М. Васильев различает три основных типа полей: парадигматические, синтагматические и комплексные поля. Внутри парадигматических полей выделяются пять дальнейших подкатегорий: лексико-семантические группы слов (далее-ЛСГ), синонимы и антонимы, семантемы, словообразовательные парадигмы, части речи и их грамматические категории [Васильев 1971: 108-113]. А.Н. Приходько полагает, что существует три вида предметов исследования в теории поля – «группа языковых единиц, объединяемых на основе общности значения (семантический принцип – «лексико-семантическое поле») или общности выполняемых ими функций (функциональный принцип – «функционально-семантическое поле»), а также на основе комбинации этих двух признаков (функционально-семантический принцип – «лексико-грамматическое поле»)» [Приходько 2013: 177].

На данный момент не существует единого взгляда на определение понятия «поле», и поэтому полевый подход создает определенные трудности для исследования лексики, хотя и является очень плодотворным. В большинстве работ поле получило наименование «семантическое поле». Ю.Д. Апресян утверждает, что «семантическое поле есть совокупность значений, которые имеют хотя бы один

общий семантический компонент, а также все их семантические и ассоциативные производные, включая слова других частей речи» [Петренко 2016: 15]. Однако А.А. Уфимцева придерживается противоположной точки зрения и указывает, что «ЛСГ и синонимический ряд как равноправные понятия <... > являются видами других более крупных парадигматических группировок в лексике» [там же].

Также наблюдается тенденция к вытеснению термина «лексико-семантическое поле» (далее-ЛСП) в связи с замещением его термином «семантическое поле». Е.И. Зиновьева отмечает, что такая подмена не является необходимой, поскольку понятие семантического поля гораздо шире, и его анализ проводится не только в лингвистике, но привлекаются данные из различных научных дисциплин [Зиновьева 2003: 108]. По справедливому мнению ученого, ЛСП «объединяет вербальный ряд единиц – это слова и словосочетания, объединенные на основе общности выражаемого ими значения» [там же: 109].

В.В. Воробьев предлагает термин «лингвокультурологическое поле», которое состоит из лингвокультурем и представляет собой «иерархическую систему единиц, обладающих общим значением и отражающих в себе систему соответствующих понятий культуры» [Воробьев 1991: 104].

При исследовании концептов с использованием полевого подхода появился термин «концептуальное поле», по мнению некоторых ученых, под ним понимается «когнитивная структура комплексного типа, включающая и пропозициональные, и метонимические, и метафорические модели концептуализации» [Тарасова 2004: 66].

А.В. Бондарко в своих работах исследует функционально-семантическое поле и указывает, что «полю, как и языковому знаку, свойственно двухстороннее (содержательно-формальное) единство, которое формируется из лексических единиц и грамматических (морфологических и синтаксических) средств данного языка, обеспечивающих их функционирование в речи» [Бондарко 1967: 40].

Кроме того, М. Конрад-Хикинг предлагает «словесное поле», построенное на основе омонимов составных слов с одинаковой лексемой. Гиро описывает «морфосинтаксическое поле», состоящее из группы слов, имеющих не только

общее значение, но и общий морфемный компонент [Каспрук 2018: 19].

Свойства полевой структуры в грамматических категориях и формах, а также в других языковых явлениях в настоящее время нашли свое отражение во всех исследованиях, посвященных отдельным языковым полям и полевому характеру языка в целом. Как отмечает И.А. Стернин, «полевый метод предполагает рассмотрение системы языка как совокупности полей, пересекающихся друг с другом в своих периферийных зонах и имеющих многоуровневый характер» [Петренко 2016: 13]. Е.В. Гулыга и Е.И. Шендельс подробно описывают признаки поля: 1) Наличие инвентаря (набора) средств разных уровней, связанных между собой системными отношениями. Входя в состав поля, средства становятся конституентами поля; 2) Наличие общего значения, которое в той или иной степени присуще его конституентам; 3) Общее значение поля не едино, оно распадается минимум на два значения, которые могут быть противоположными или полярными. Каждое из этих значений образует микрополе; 4) Поле обладает неоднородной и, как правило, сложной структурой, которую можно представить в виде горизонтального и вертикального сечений (по горизонтали располагаются семантические участки – микрополя, по вертикали – конституенты микро-и макрополей) [Гулыга, Шендельс 1969: 9-10]. Таким образом, теория поля является продуктивной и перспективной.

В работе З.К. Тарланова выделены три основных подхода к исследованию поля:

– Универсально-лингвистический, в рамках которого поле приравнивается к любому системному лексическому образованию.

– Универсально-междисциплинарный, когда поле в языке совпадает с полем в культуре или ассоциативным полем.

– Специально-лингвистический, в котором поле понимается как особая единица семантического и/или лексического яруса языка [Тарланов 1995].

В данном исследовании применяется третий подход, где «поле» рассматривается как особая единица семантического яруса языка, объединяющая разнородные единицы языковой системы.

Опираясь на принцип системности, лежащий в основе теории поля, на тот факт, что многоуровневая полевая модель представлена в виде непрерывной совокупности полей, пересекающихся друг с другом из-за диффузности их периферийных зон, наше обращение к термину «поле» представляется удачным.

Следующий параграф посвящен развернутому раскрытию термина «ассоциативно-вербальное поле».

1.2.5. Определение термина «ассоциативно-вербальное поле». Исследования ассоциативного поля «Одиночество» и одноименного концепта в лингвистической научной литературе

Анализ и интерпретация данных, полученных в результате проведенных АЭ, позволяют реконструировать значения слов в актуальном языковом сознании носителей языка, т.е. на основе ассоциатов, приведенных испытуемыми на одно слово-стимул, формируется языковое пространство, которое в исследовании французского филолога Ш. Балли в 1955 году получило название ***ассоциативное поле*** (далее – АП). Возникновение термина обусловлено не только развитием ученым идеи своего учителя Ф. Де. Соссюра о том, что ассоциативные отношения не ограничиваются каким-либо фиксированным количеством типов отношений, но и обращением ученого к смысловым ассоциациям между словами.

В словарях представлены следующие определения данного термина: АП представляет собой «совокупность представлений, возникающих в сознании человека и связанных с данным понятием, словом, классом языковых единиц» [ЭСЛТП 2008: 27]; «совокупность ассоциатов, т.е. реакций на слово–стимул» [Жеребило 2010: 44].

Н.В. Уфимцева полагает, что АП связано с культурными стереотипами в сознании носителей языка: «Получаемое в результате проведения АЭ ассоциативное поле того или иного слова-стимула – это фрагмент образа мира того или иного этноса, отраженного в сознании «среднего» носителя той или иной культуры, его мотивов и оценок и, следовательно, его культурных стереотипов»

[Уфимцева 2017: 36].

З.Д. Попова и И.А. Стернин указывают на разнообразие представлений единиц в АП, которое рассматривается как совокупность слов, связанных в сознании человека с каким-либо словом-стимулом на основе общих свойств или характеристик. В ассоциативную группу могут входить слова разных частей речи, а также словосочетания, фразеологизмы [Попова, Стернин 2007 а: 259].

Е.В. Харькова подчеркивает, что АП считается продуктом трех проекций, которым подвергается язык: «ассоциативное поле представляет собой такой объект исследования, в котором язык дается в трех проекциях: как система, как текст и как способность. Его элементы несут в себе эмпирический и культурный опыт носителей языка, что позволяет реализовать лингвокогнитивные и лингвокультурологические подходы к значению слова» [Харькова 2012: 25].

К.А. Бурнаева рассматривает АП как средство вербализации национального языкового сознания индивида: «АП – это функциональная психолингвистическая модель, фиксирующая ассоциативные связи слов, выявленная экспериментально; это модель представляющая реальное сознание в процессе коммуникации. Ассоциативный эксперимент позволяет проследить не только семантические отношения между словами, но и грамматические, коннотативные, коммуникативные и т.д.» [Бурнаева 2011: 54–55]. К данному определению термина У Маньлинь добавляет тот факт, что ассоциативное поле является выражением коммуникативного намерения: АП «является не только отражением иерархического содержания сознания человека, но и выражением коммуникативного намерения» [У Маньлинь 2016: 18].

Основываясь на взглядах вышеперечисленных исследователей, нам представляется, что АП – это многомерная психолингвистическая модель, содержащая различные вербальные ассоциативные связи, выявленные в ходе АЭ, и представляющая собой отображение фрагмента реального мира в языковом сознании носителей языка.

Важно отметить, что само АП обладает полевой структурой. Как и в любом поле, у него есть ядро и периферия. В ядре находятся ассоциаты с наибольшим

количеством когнитивных связей, т.е. наиболее частотные реакции. Единицы внутри АП не обязательно должны принадлежать к одной грамматической категории (существительные, глаголы или прилагательные) или иметь общий корень, связи между ними могут быть субъективными и относятся к восприятию реальности. Как указывает Ю.Н. Караулов, «АП максимально приближено к отражению некоторых мыслительных образов и структур» [Караулов 1994: 17].

Согласно классификации ассоциаций, к которой мы обращались выше, можно отнести ассоциаты, полученные в АЭ, к вербальным ассоциациям, а их совокупность образует ***ассоциативно-вербальное поле*** человека (далее –АВП), которое, по мнению Т.И. Крыга, представляет «язык в несколько непривычной форме: попарно соединенные слова или группы слов, служащие строительным материалом для развернутых фраз, построения словосочетаний, предложений и связного текста» [Крыга 2009: 152]. В то же время ученый отмечает разнообразные отношения между единицами в АВП: «деривационные, парадигматические, синтагматические, ситуативные, оценочные, культурно-исторические и др.» [там же: 153]. К тому же АВП содержит богатую информацию о знаниях, таких как «учебно-познавательный лингвистический и краеведческий материал, который можно использовать на занятиях по языку, литературе, истории, народоведению» [там же]. По мнению Ю.Н. Караулова, АВП содержит информацию о трех уровнях языковой личности: грамматико-семантическом, когнитивном и прагматическом [Караулов 1904: 193].

В данном исследовании считаем справедливой трактовку термина АВП М.Н. Довголюком, в которой он интерпретируется как «совокупность вербальных ассоциаций на слово-стимул, организованная по полевому принципу, поскольку он точнее отражает материал исследования, включающий исключительно словесные ассоциации» [Довголюк 2016: 47].

На основе полевого принципа можно, на наш взгляд, раскрыть общие характеристики АВП:

– Гибкость. Нечеткостью и размытостью периферийной зоны поля обусловлены его нестабильность и измечивость структуры. У разных индивидов,

коллективов одно и то же поле будет представлено совершенно неодинаково.

– Открытость. Типы взаимосвязи в вербальных ассоциациях ничем не ограничены и могут быть парадигматическими, синтагматическими или идиосинкразическими. Исследуемое нами АВП можно рассматривать как вербализацию АП, и именно этим оно отличается от семантического поля.

– Субъективность. Единицы в АВП отображают языковое сознание носителей языка и являются продуктом категоризации и классификации реальности и собственного опыта членами лингвокультурного сообщества.

Функционирование АВП привносит в языковую единицу новое значение – ассоциативное значение слова, которое видится как «инвариантный ассоциативно-смысловой комплекс, закрепленный за словом в сознании коммуникантов и формирующийся не только на основе семантической структуры, грамматической оформленности, словообразовательной структуры, мотивационных связей и фонетических особенностей, но и имеющейся в обществе традиции употребления» [Болотнова 2014: 33].

Что касается степени разработанности темы данного исследования, следует отметить, что вопрос о АП «Одиночество» не был в полном объеме разработан в лингвистической научной литературе. Обратимся к обзору лингвистических научных работ, посвященных исследованию одноименного концепта АП «Одиночество». Подобные исследования в настоящее время ведутся в нескольких аспектах и на разном материале.

В аспекте лингвокультурологии выполнены работы Н.С. Поздеевой и К.А. Кочиной. Н.С. Поздеева рассматривает концепт *одиночество* как культурно-языковой феномен для дальнейшего выявления репрезентаций ментальных компонентов концептосферы русского языка. Данный концепт рассматривается как часть концептосферы русского языка и анализируется со следующих позиций: выявление особенностей внутренней формы слова, с помощью которой выражен концепт; анализ словарных дефиниций слов с семой «один»; анализ фразеологических единиц, содержащих смысловые компоненты «один»; анализ пословиц и поговорок как способов репрезентации концепта; выявление

ассоциативных связей и особенностей коннотации концепта на материале анкетирования; описание структуры концепта [Поздеева 2011: 95-96]. Затем автор в своей диссертации пытается представить модель данного концепта в виде словарной статьи как фрагмент русской языковой картины мира и русской концептосферы на основании структур знаний, извлекаемых из языковых, текстовых и речевых репрезентаций исследуемого концепта [Поздеева 2013: 6–7]. Важно подчеркнуть, что рассматриваемое исследование направлено на выявление коммуникативно-дискурсивных признаков концепта *одиночество* на материале контекстов разного типа дискурса, таких как художественная литература, объявления, фильмы, телепередачи и т. д. А наше исследование проводится в когнитивно-семантическом аспекте, фокусируясь на построении АВП «Одиночество», объем и внутренняя структура которого значительно отличаются от одноименного концепта. К.А. Кочнова исследует семантему «одиночество» на основе описания лексических единиц на материале русских паремий для выявления нескольких типов паремических представлений [Кочнова 2016].

Лингвокогнитивный анализ концепта *одиночество* проводится в работе К.С. Воробьевой, которая выявляет когнитивные признаки концепта на материале данных лексикографических источников, таких как психологические, энциклопедические, и филологические словари. В результате анализа ею были обнаружены семантические признаки, которые не были представлены в словарных дефинициях и которые, таким образом, конкретизируют значение толкуемого слова [Воробьева 2016]. В работе Ю.Е. Ломоносовой представляются языковые средства, репрезентирующие концепт *одиночество* во французских художественных произведениях, выявляются основные признаки концепта, характерные для когнитивного сознания носителей французского языка, раскрывается специфика образного компонента концепта, характеризуемого высокой степенью абстрактности, анализируются особенности структурного пространства исследуемой концептуальной сферы, описывается оценочная зона структуры концепта, характеризуемая преобладанием негативных эмоциональных и гедонистических признаков [Ломоносова 2019].

В аспекте межкультурной коммуникации сопоставительное исследование лингвистического представления об одиночестве в языковом сознании русских и англичан представлено в статье В.А. Ильиной, которая, «прежде всего, рассматривает понятийную структуру исследуемого образа, а затем переходит к лексикографическим дефинициям номинантов одиночества» [Ильина 2008: 68] и приходит к выводу, что «образ одиночества в наивной картине мира носителей британской культуры вербализуется более детально, более развернуто. Русская наивная картина мира отражает своеобразное, отличное от английского, восприятие данного образа, которое основывается на особенностях развития русской культурной традиции на протяжении столетий» [там же: 76]. Н.В. Подзолкова в своей диссертации дает сопоставительную характеристику концепта «einsamkeit»/«одиночество» в немецкой и русской лингвокультурах для развития основных положений аксиологической лингвистики и лингвокультурологии применительно к исследуемому концепту в немецкой и русской картинах мира и для определения культурных доминант сопоставляемых лингвокультур [Подзолкова 2005].

В русле дискурсивного аспекта исследований выполнена работа Н.С. Поздеевой. Исследователь раскрывает особенности объективации концепта на материале песен современной российской эстрады для выявления образно, ассоциативно и функционально большой степени распространенности данного концепта в современном песенном творчестве и богатого комплекса языковых средств, используемых для его выражения [Поздеева 2012: 251, 256].

В рамках исследования языка художественных произведений изучению индивидуально-авторских концептов ОДИНОЧЕСТВО посвящены работы А.В. Боброва [2017], Е.В. Лосинской [2020], Э.А. Бахичи [2020], Н.Г. Петровой [2017] и др.

Из работ китайских исследователей, работавших в России, следует отметить кандидатскую диссертацию Вэй Сяо, которая посвящена лингвокогнитивному анализу вербальных ассоциатов, репрезентирующих АВП «Медицина» в русском сознании на фоне китайского с целью выявления и описания стереотипного

представления о медицине, существующего в сознании современной русской языковой личности на фоне аналогического представления китайской языковой личности [Вэй Сяо 2016: 7-8]. Данное исследование, на наш взгляд, служит дальнейшему развитию методологии изучения АВП одного национального языка на фоне другого.

В нашем исследовании используется когнитивно-дискурсивный подход к исследованию АВП. Суть данного подхода будет рассмотрена в следующем параграфе.

1.3. Когнитивно-дискурсивный подход и когнитивный тест в методике анализа фрагмента языковой картины мира

1.3.1. Определение и суть когнитивно-дискурсивного подхода к исследованию языковых единиц

Исследование языковых явлений в рамках лингвокогнитивного подхода фокусируется на формировании и представлении языковых и неязыковых знаний. Возможность языка как средства познания проявляется в процессе осуществления человеком выбора подходящих языковых репрезентаций определенного смысла при восприятии, осознании и осмыслении внешней объективной действительности с помощью моделей, схем и категорий. Когнитивный подход объединяет данные различных наук, в том числе философии, лингвистики, психологии, праксиологии и т. д., а также учитывает информацию о предшествующем опыте человека, его личностных характеристиках, условиях общения и др., и при этом имеет следующие особенности:

— Антропоцентрический характер подобных исследований. Признается центральная роль человека в процессах познания и в речевой деятельности.

— Междисциплинарный характер. Используются данные, полученные в области нейролингвистики, психологии, языкознания, антропологии, теории информации.

— Новая постановка проблемы соотношения языка и сознания. Обращается внимание на такие ментальные структуры, непосредственно связанные с речевой деятельностью, как концепты, схемы, сцены, сценарии, эпизоды, фреймы, прототипы, пропозиции и др.

— Экспланаторностъ. Чтобы объяснить, как устроен язык, как он используется, требуется выход за пределы собственно языковой системы в области психики человека и рассмотрение этой системы в контексте общих знаний о восприятии, памяти, поведении человека [Абрамова 2008: 18-20].

Важно отметить, что процесс формирования и изменения взаимодействия между формой языкового сознания и действительностью является «дискурсивным взаимодействием» [Авдеева 2017: 60].

Понятие «дискурс» отличается сложностью и многогранностью, поэтому рассматривается в различных аспектах: социологическом, политологическом, логико-философском и др.

Наиболее широкая интерпретация дискурса предлагается в работе Т.В. Белошапковой: «дискурс — это реализация языковой системы в определенных формальных и семантических структурах, обладающих в зависимости от социально-временной детерминированности различной степенью продуктивности и служащих социуму в качестве инструмента познания мира» [Белошапкова 2008: 39]. В определении дискурса как «речи, погруженной в жизнь», данном Н.Д. Арутюновой [ЛЭС 1990: 137], более отчетливо прослеживается такая характеристика, как встроенность рассматриваемого понятия в коммуникативный контекст. Согласно трактовке В.В. Красных, дискурс есть «вербализованная речемыслительная деятельность, понимаемая как совокупность процесса и результата и обладающая как собственно лингвистическим, так и экстралингвистическим планами» [Красных 2001: 200], что подчеркивает динамический характер дискурса в отличие от статичности текста, который обычно рассматривается как «набор определенных лингвистических форм в составе определенного отрезка речи в совокупности с их интерпретацией» [Александрова 1999: 10]. Следует согласиться с позицией Л.М. Алексеевой и С.Л. Мишлановой в

том, что «разграничение дискурса и текста соответствует противопоставлению когнитивной деятельности и ее результата» [Алексеева, Мишланова 2002: 37].

В современных классических работах по когнитивной лингвистике в России представлены два корефферентных понимания и самого терминопонятия дискурс: когнитивно-дискурсивный и когнитивно-стилистический подходы. В связи с задачами нашего исследования интерес представляет первый подход, который «апеллирует к интерпретации дискурса как некоей абстракции вне его конкретных реализаций (конкретные реализации служат здесь, скорее, материалом построения обобщенных моделей употребления языка)» [Орлова 2009: 208].

Как подчеркивает Е.С. Кубрякова, российская версия когнитивной лингвистики получает название когнитивно-дискурсивной парадигмы, которая наряду с общими установками когнитивизма наследует традиции отечественного языкознания и отечественной психологии и во многом продолжает идеи ономасиологического направления в анализе языковых явлений [Кубрякова 2004: 14]. Она исходит из неразрывности процессов когниции и коммуникации в реальном функционировании языка, из глубокой взаимозависимости и согласованности этих процессов, а соответственно, и коррелирующих с ними функций [Кубрякова 2008: 43]. Ученый сформулировала методологию данной парадигмы, отмечая, что она функциональна по своей природе, «при описании каждого языкового явления равно учитываются те две функции, которые они неизбежно выполняют: когнитивная (по их участию в процессах познания) и коммуникативная (по их участию в актах речевого общения). Соответственно каждое языковое явление может считаться адекватно описанным и разъясненным только в тех случаях, если оно рассмотрено на перекрестке когниции и коммуникации» [Кубрякова 2012: 33].

Вслед за позицией ученого, когнитивно-дискурсивный подход понимается нами как интегративный подход к описанию и интерпретации языково-речевых сущностей на поверхностном (информация, представленная и распределенная на поверхности рассматриваемых единиц) и глубинном (содержание и значение языковых явлений) уровнях в определенном лингвосоциуме на фоне контекста как

динамической системы, направленный «не только на выявление и детальное описание структур знания, мнений и оценок, стоящих буквально за каждой языковой единицей, категорией, формой» [Кубрякова 2006: 28], но и на раскрытие этнокультурной специфики.

Следует отметить, что когнитивно-дискурсивный подход придерживается принципа системности, т.е. «изучаемые явления должны быть описаны по их статусу не только относительно языковой системы, но и относительно тех более «высоких систем», частью которых является и сам язык» [Кубрякова 2009: 6], и отстаивает базовое положение о том, что «язык выполняет когнитивно-репрезентативную и коммуникативную функции. Это значит, что когниция и коммуникация в равной степени определяют специфику языка и его устройство. Центральной проблемой является вопрос о том, как языковая система способствует когниции и коммуникации» [Авдеева 2020: 18]. В теоретической основе когнитивно-дискурсивного подхода лежит «определение языка как когнитивного процесса, осуществляемого в коммуникативной деятельности и обеспечиваемого особыми когнитивными структурами и механизмами в человеческом мозгу» [Кубрякова 2004: 406]. Его отличительные особенности выражаются в «учете и синтезе идей когнитивного направления, ориентированного на постижение деятельности человеческого разума в его связи с языком, с идеями коммуникативной или функциональной лингвистики (лингвистики прагматически ориентированной и дискурсивной), а также с идеями семиотического порядка» [Лузина 2008: 42]. И можно утверждать, что данный подход, основанный на теории речевых актов, обеспечивает всестороннее описание языковых явлений в когнитивных и коммуникативных процессах, полностью учитывая как внутрилингвистические, так и экстралингвистические факторы. С помощью данного подхода в рамках нашей работы проводится анализ лексической и контекстуальной семантики языка как средства доступа к содержанию концептов и как средства моделирования перехода от семантики языка к ассоциативному полю.

Невозможно отрицать, что когнитивно-дискурсивный подход основан на

переоценке роли языка в речемыслительной деятельности человека, и что его функциональная суть отражается повсеместно в описании и интерпретации различных языковых явлений. Как указывает Т.В. Белошапкова, «когнитивно-дискурсивный анализ удовлетворяет стремлению к цельному и полному осмыслению данного явления, которое объединяет в себе и предложение, и текст (и что особенно важно, позволяет учитывать и функциональный аспект)» [Белошапкова 2008: 216]. Резюмируя, можно сказать, что описание языка основано на «примате функции» [Жарковская 2006: 143].

В рамках ***когнитивной семантики*** данный подход позволяет описать специфику определенной ситуации с учётом особенностей концептуализации и категоризации человеком событий, отражающих данный процесс [Авдеева 2020: 7].

В ***лингвистической семантике*** при анализе явлений синонимии и антонимии данный подход не только показывает, что эффект синонимичности возникает в силу единства двух выражений с акцентированием дискурсивно релевантного семантического признака [Жарковская 2006: 143], но и подчеркивает, что происходит «иррадиация производных единиц другого словообразовательного гнезда в гнездо уже существующих отраженных синонимов или антонимов» [Гуляева 2017: 262].

В рамках ***межкультурной коммуникации*** данный подход влияет как на формирование межкультурной компетенции, так и на развитие межкультурного взаимодействия. С одной стороны, он «направлен на изучение вербализованных структур знания об окружающей действительности представителей определенного лингвосоциума, учитывающее разнообразные характеристики дискурса и привносящее в формирование межкультурной компетенции обучающихся иностранному языку опыт окружающего мира» [Обдалова 2020: 104]. С другой стороны, он «позволяет рассматривать используемые носителями языка в процессе коммуникации языковые средства и стратегии как способ реализации системы культурно обусловленных значений, отражающих разделяемые членами социума знания, пресуппозиции и ценностные ориентации» [Цурикова 2006: 6].

Как справедливо указывает О.В. Орлова, в рамках когнитивно-

дискурсивного подхода «плодотворен анализ абстрактно-логических концептов, детерминированных общими закономерностями сознания и мышления» [Орлова 2009: 208]. Поэтому логично предположить, что данный подход полностью применим к нашему исследованию АВП «Одиночество» и одноименного концепта. Интересующее нас абстрактное слово в дискурсе выступает как атрибут чувственного восприятия, физических, эмоциональных и ментальных состояний.

Когнитивно-дискурсивный подход позволяет нам рассмотреть единицу языка, обозначающую эмоциональное состояние субъекта, вместе с ее представлением в сознании человека, причем процесы категоризации и концептуализации считаются центральными для проведения когнитивного анализа. Одним из методов, реализующих когнитивно-дискурсивный подход, является когнитивный тест, к рассмотрению которого мы обратимся в следующем параграфе.

1.3.2. Когнитивный тест в лингвистических исследованиях

Принято считать, что в общенаучной области, и в частности философии разума и психологии в плане практических исследований, когнитивный тест рассматривается как механизм оценки когнитивных способностей людей и других животных. Вслед за В. Ждановой, рассматриваемый метод понимается нами как «процесс проведения когнитивного теста, задачей которого является семантизация понятий, предложенных информантам» [Жданова 2006].

Следует признать, что данный тест прижился и получил широкое распространение в психологических кругах, и как таковой он был определен психолингвистом А.Р. Лурией как «широкоизвестный метод определения понятий», состоящий в просьбе, обращенной к ребенку об определении значения того или иного слова: к примеру, задаются такие вопросы, как «что такое «собака», что такое «стол», что такое «дерево», что такое «молоко», и требуется внимательное изучение характера его ответа [Лурия 1979: 68].

Ученый указывает, что данный тест «дает определенную возможность вскрыть, какого характера связи (наглядно-действенные или вербально-логические)

стоят за словом и играют преобладающую роль» [Лурия 1979: 69].

Исследователь выделяет два типа ответов: «Первый тип заключается в том, что, отвечая на эти вопросы, испытуемый не дает в полном смысле определение значения данных слов, а воспроизводит лишь какой-нибудь один признак, какую-либо одну функцию названного предмета или вводит данный предмет в какую-нибудь конкретную ситуацию» [там же: 68]. Типичными примерами считаются следующие: «собака — она охраняет дом», «собака лает», «за столом обедают», «молоко — оно вкусное, его кошка лакает, маленькие дети не любят пить» [там же]. В ответах второго типа отражается совершенно иное психологическое строение испытуемых, чем в первом, «человек не воспроизводит определенную конкретную ситуацию, в которую входит данный предмет, а вводит данный предмет в известную систему понятий, относит его к определенной категории» [там же: 69]. Таким образом ученый приходит к выводу о том, что результаты когнитивного теста могут показать, что «одни испытуемые предпочитают не определять понятия, а припоминать конкретные ситуации, в которые данный предмет входит, или конкретные признаки, которыми этот предмет обладает, а другие вводят этот предмет в систему иерархически построенных отвлеченных связей, т.е. относят его к определенным категориям» [там же].

При характеристике ответов, полученных в ходе проведенного нами когнитивного теста, справедливо отнести к первому типу следующие ответы: «одиночество – это когда один сам ест, ходит по магазинам и играет»; «когда ведется бессмысленный разговор с кем-л.»; «когда даже хобби не найти». В этих ответах информантов не даны подлинные определения понятия «одиночество» и не указана какая-либо категория, к которой оно относится, а скорее перечислены некоторые ситуации, которые оно представляет, отражены наглядные черты поведения субъекта в сценарии. Ответы, которые можно отнести ко второму типу, следующие: «одиночество – это внутреннее состояние души»; «большая беда»; «ощущение полной покинутости»; «пустота в душе». Варианты этих определений причисляют изучаемое нами существительное к определенному классу, и при этом отражаются логические отношения между ним и его трактовками.

Когнитивный тест считается методом «самым простым из классических методов» [Лурия 1979: 71], и его значимость заключается в предоставлении возможности «проследить, какие именно формы отражения скрываются за словом и какой системой психологических операций осуществляется определение значения слова на каждом этапе развития и в каждой форме отклонения от нормы» [там же].

Результаты проведенного нами когнитивного теста будут изложены и проанализированы во второй главе данного диссертационного исследования.

Выводы

В результате анализа научной литературы по интересующим нас проблемам можно сделать следующие выводы.

Когнитивная лингвистика в качестве продукта интеграции когнитивной науки и лингвистики носит междисциплинарный характер и представляет собой важное и актуальное направление лингвистических исследований в современной научной парадигме. Ее целью является получение концептуальных данных о деятельности разума в процессе познания человеком объективного мира.

Лингвокогнитивный и лингвокультурный подходы можно рассматривать как два основных направления исследований в когнитивной лингвистике. Различие между ними заключается в фокусе их исследования: первый исследует связь между языком и мышлением, а последний концентрируется на культурных факторах, влияющих на язык и на его употребление. В нашем исследовании применяется лингвокогнитивный подход, описывающий, как язык используется для выражения концептуальных структур и мыслительных процессов, и именно с его помощью считаем целесообразным анализ языкового сознания и языковой картины мира представителей русской лингвокультуры.

К терминологическому аппарату, используемому в нашей работе, относятся такие термины, как: «когнитивная база», «концепт», «когнитивный дифференциальный признак», «когнитивный классификационный признак»,

«концептосфера», «концептуализация», «фрейм» и т. д. Среди них «концепт» выступает как центральное понятие когнитивной лингвистики, отображает в сознании общие закономерности, общий для всех представителей лингвокультуры взгляд.

Вслед за З.Д. Поповой и И.А. Стерниным, в методике проведения когнитивного анализа выбран отсистемный подход при выявлении семантических признаков представлений об одиночестве на материале лексических источников и экспериментальных данных.

Не менее важными представляются содержания терминов «языковая картина мира», «языковое сознание» и «стереотипное представление». *Языковая картина мира* фиксирует совокупность информации о категориальном познании действительности человеком, выраженную в единицах языка. Вслед за АА. Леонтьевым, под *языковым сознанием* понимается отображение в психике индивида предметного мира, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии. Определение *стереотипного представления* принимается в формулировке Е.И. Зиновьевой и О.В. Абыякой, под ним понимается устойчивая в национальном языковом сознании «мыслительная картинка». В ходе исследования данного типа представления внимание исследователя фокусируется на спонтанности его возникновения и стабильности в конкретной лингвокультуре, поэтому в диссертации анализируются автостереотипные представления об одиночестве в русском языковом сознании.

В данном исследовании используется *свободный ассоциативный цепочечный эксперимент*, позволяющий проследить маршруты ассоциирования, когда реакция на первичный стимул в дальнейшем становится стимулом для следующей реакции, что предоставляет возможность провести углубленный анализ репрезентации языкового сознания.

Ассоциаты – это вербальные ассоциации, полученные в результате ассоциативного эксперимента, они представляют собой объединение языковых единиц по формальному или логико-семантическому признаку. Совокупность

вербальных ассоциаций на слово-стимул образует ассоциативно-вербальное поле, которое мы понимаем, придерживаясь определения М.Н. Довголюка, как совокупность вербальных ассоциатов на слово-стимул, а совокупность ассоциативных полей составляет ассоциативно-вербальную сеть, на наш взгляд, представляющую собой отображение языкового сознания.

Ассоциативно-вербальное поле рассматривается как отображение фрагмента языковой картины мира.

В настоящем исследовании применяется полевый подход к исследованию фрагмента языковой картины мира.

Когнитивно-дискурсивный подход и когнитивный тест рассматриваются в нашем исследовании как метод и экспериментальный инструмент для проведения лингвокогнитивного анализа. Когнитивно-дискурсивный подход к языку позволяет точнее объяснить сложные и глубинные процессы речепорождения, связанные с вербальной коммуникацией человека. Когнитивный тест в лингвистических исследованиях выступает как оценка способностей носителей языка к дефиниционной концептуализации слова с целью семантизации понятий респондентами.

Теоретические положения данной главы являются базой для второй главы диссертационного исследования.

ГЛАВА 2. «ОДИНОЧЕСТВО» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

В исследовательской части диссертационного исследования предлагается следующий алгоритм анализа материала:

1. Анализ словарных определений лексемы «одиночество» с выделением семантических признаков по данным лексикографических источников русского языка.

2. Анализ субъективных дефиниций слова «одиночество», приведенных информантами-носителями русского языка, с выделением семантических когнитивных признаков.

3. Когнитивно-дискурсивный анализ лексемы «одиночество» на материале контекстов НКРЯ и рефлексивных высказываний интернет-пользователей на платформах вопросов и ответов.

4. Проведение свободного цепочечного ассоциативного эксперимента на слова-стимулы «одиночество», «одинокий» и «одинокая» с носителями русского языка с интерпретацией его результатов, построение тематической классификации ассоциатов, интерпретация лингвокультурологически значимых прецедентных феноменов.

5. Сопоставление результатов проведенного эксперимента с данными ассоциативных словарей русского языка.

6. Моделирование фреймов понятий «одиночество» и «одинокий человек» с выделением слотов (подслотов) и терминалов.

7. Построение модели ассоциативно-вербального поля «одиночество» с описанием его полевой структуры.

2.1. Методика исследования понятия «одиночество» по данным лексикографических источников и когнитивного теста

В создании языковой картины мира особую роль играет денотативный аспект лексического значения, т.е. непосредственная обращенность лексемы к экстралингвистической реальности. Для выявления объема лексического значения существительного *одиночество*, ответа на вопрос «что обозначает это слово?», обратимся к анализу словарных дефиниций существительного и результатам когнитивного теста, проведенного с информантами-носителями русского языка.

2.1.1. Лексикографическое представление существительного «одиночество» в современных толковых, идеографических, тематических словарях русского языка

Материал этого параграфа частично основан на статье автора: Синь Лумин. Концептуализация понятия «одинокий человек» в русском языке на фоне китайского языка // Когнитивные исследования языка. – 2022. – № 2(49). – С. 836-841.

При рассмотрении семантического объема лексемы «Одиночество» были привлечены данные следующих пяти толковых словарей русского языка: «Толковый словарь русского языка» под редакцией С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (Ожегов 2006), «Словарь русского языка в 4-х т.» под редакцией А.П. Евгеньевой (МАС 1986), «Большой академический словарь русского языка» (БАС 2009), «Большой толковый словарь русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова (БТС 2000) и «Толковый словарь русского языка: в 4 т.» под редакцией Д.Н. Ушакова (ТСРЯ 1938).

Существительное *одиночество* последовательно толкуется как «состояние одинокого человека» [Ожегов 2006: 445; МАС 1986: 593; БАС 2009: 516; БТС 2000: 700-701; ТСРЯ 1938: 381]. В данном толковании содержится отсылка к однокоренному с рассматриваемым существительным прилагательному *одинокий*, поэтому считаем необходимым обратиться к дефинициям лексемы *одинокий* в

данных толковых словарях русского языка.

Для наглядности данные словарей можно представить в следующей таблице.

Таблица 3. Сопоставление дефиниций понятия *одинокий* в толковых словарях русского языка

Дефиниции толковых словарей	**Словари**				
	Ожегов	МАС	БАС	БТС	ТСРЯ
1. Находящийся, пребывающий где-либо без других, отдельно от других.	+	+	+	+	+
2. Происходящий, протекающий без других, в отсутствие других.	+	+	+	+	+
3. Не имеющий семьи, – родственников, близких – друзей, знакомых – единомышленников, соратников, сподвижников	+	+ +	+ + +	+ + +	+ + +
4. Не имеющий духовной близости, общего с окружающими, чуждый им.		+	+	+	
5. *Устар.* Предназначенный для одного человека; одиночный.		+	+		
6. *в знач. сущ.* одинокий, одинокая.		+	+	+	+
7. Чувствующий себя несчастливым.			+		
8. Пустынный, безлюдный.					+

Как видно из таблицы, ядро лексического значения существительного *одиночество* составляют 3 лексико-семантических варианта (далее – ЛСВ), характеризующих человека, отмеченные всеми проанализированными словарями. Это такие ЛСВ, как *‘находящийся, пребывающий где-либо один, без других, отдельно от других’*; *‘совершаемый без других; происходящий, протекающий в одиночестве’*; *‘не имеющий семьи, родственников, оставшийся без близких; живущий отдельно, вне семьи’*. В околоядерной зоне находятся такие ЛСВ, как *‘не имеющий духовной близости, общего с окружающими, чуждый им’*; *‘* (*в знач. сущ.) одинокий, одинокая’*, зафиксированные тремя или четырьмя из пяти толковых словарей.

В отличие от толковых словарей, построение идеографических словарей

основано на логической классификации понятийного содержания лексики. Значение слова раскрывается через его включение в понятийные классы с различным уровнем обобщения. В данном исследовании к анализу были привлечены данные «Русского семантического словаря» под редакцией Н. Ю. Шведовой (РСС), «Идеографического словаря русского языка» под редакцией О.С. Баранова (ИСРЯ), «Словаря-тезауруса синонимов русской речи» (СТС) и «Большого толкового словаря русских существительных» (БТСРС) под редакцией Л.Г. Бабенко. В этих словарях лексика группируется в семантические классы, которые представлены «в дифференцированном виде в рамках различных идеографических групп с учетом их семантических функций в формировании типовой ситуации, отражающей определенный сегмент мира» [Васильева, Ротмистрова 2001: 17].

В ИСРЯ интересующее нас понятие помещено в раздел «Общение» вместе с единицами *общение, выступление, ответное отношение, общительность, необщительность, отшельничество, обособленность* и определено как «утрата человеком привычных связей с кем-л.» [ИСРЯ 1995: 431]. Здесь же перечислены однокоренные дериваты (*одинокий, одиноко, одиночка, один, одинешенек, один-одинешенек, одинехонек, один-одинехонек*), общеупотребительные устойчивые выражения (*один как перст; один как есть; в одиночестве; в гордом одиночестве; в одиночку; предоставлен самому себе*) и близкие по значению единицы (*осиротеть, осиротелый, сиротливо, уединение, уединить(-ся), уединенный*).

В СТС лексема *одиночество* находится в идеографической группе «Дружелюбие – одиночество», в семантическом классе «Эмоциональные состояния и переживания, эмоциональное отношение, воздействие, эмоциональные качества и внешние проявления эмоций», в семантической сфере «Эмоции». Внутри группы также перечислены единицы *замкнутость, затворник, нелюдимость, обособленность, одиночка*. Словарная статья с заголовочным словом *одиночество* выглядит следующим образом:

ОДИНОЧЕСТВО, сиротливость, сиротливо; ОДИН, *разг.* одинехонек, *разг.* одинешенек, *разг.* один-одинехонек, разг. один-одинешенек; ОДИНОКИЙ,

сиротливый, *устар.* сирый; ОДИНОКИЙ, брошенный, оставленный, покинутый; ОДИНОКО; сиротливо, пусто, холодно [СТС 2007: 71].

В РСС, построенном по принципу систематизации лексики по классам слов и значений на основе выделения лексическо-семантических множеств, подмножеств и рядов, которые в совокупности составляют лексические классы и их условные объединения, лексемы *одиночество* и *уединение* объединены в специальную подгруппу «Отсутствие контактов» в группе «Неродственные отношения, связи, личные контакты» в разделе «Социальные связи, отношения; связанные с ними действия, состояния». Интересующее нас понятие определяется так:

ОДИНОЧЕСТВО, -а, *ср.* Отсутствие связей, отношений с другими людьми, состояние одинокого человека. *Жить в одиночестве. Находиться, скучать в одиночестве* [РСС 1998: 496].

В БТСРС представлено такое определение лексемы *одиночество*:

ОДИНОЧЕСТВО, -а, *ср.* Внутреннее состояние отсутствия душевной связи, близости с другими людьми, испытываемое человеком, находящимся, пребывающем где-л. отдельно от других или не имеющего семьи, родственников, близких друзей, знакомых, а также состояние человека, имеющего мало общего с окружающими, чуждого им, далекого от них; *Син.:* сиротство. *Я впал в мрачную задумчивость, которую питали одиночество и бездействие* (П.) [БТСРС 2005: 190].

Также в данном исследовании были использованы данные идеографического словаря тематического типа, т.е. «Тематического словаря русского языка» под редакцией В.В. Морковкина (ТС 2000), в котором рассматриваются лексические единицы, значения которых характеризуются очевидной тематической прикреплённостью (связанностью) [ТС 2000: 8].

Лексема «Одиночество» включена в тематическую группу «Поведение», в раздел «Человек». Внутри группы отмечается множество единиц, которые, по смыслу связаны с анализируемым понятием, располагаются до и после него, например: *общение, общаться, уединение, уединенный, уединиться,*

затворничество, затворник, затворнический, затворница, отшельничество, отшельник, отшельнический, отшельница. Информация о лексеме «одиночество» в данном словаре следующая:

одиночеств/о, -а, *только ед., ср.* жить *несов.* в ~е

(1) одинок/ий, -ая, -ое, -ие, *кр.* одинок, -а, -о, -и ~ человек

(2) одинок/ий, -ая, -ое, -ие, *кр. ф.* одинок, -а, -о, -и [ТС 2000: 173].

Существительное *одиночество* и однокоренное прилагательное *одинокий* рассматриваются как кластер слов, наиболее тесно связанный тематически. Все единицы вокруг номинации данного понятия содержат тематическую доминанту «эмоциональное общение» как разновидность поведения человека, что, на наш взгляд, ничем не отличается от семантической отнесенности лексемы «одиночество» в рассмотренных выше четырех идеографических словарях. Можно заметить, что выделенная общая сема ‘недостаток или отсутствие социальных контактов’ подчеркивается во всех идеографических словарях.

На основании лексикографических данных с использованием терминологии З.Д. Поповой и И.А. Стернина, выделяющих когнитивные классификационные признаки (ККП) и когнитивные дифференциальные признаки (КДП) (см. параграф 1.1.3.1), можно выделить следующие когнитивные признаки понятия *одиночество*.

1. ККП «Форма проявления физического одиночества». КДП являются «Пространственная изоляция» и «Поведенческая реакция».

2. ККП «Каузативность состояния одиночества» реализует ряд КДП: «Отсутствие близких семейных отношений» *(не имеющий семьи, родственников, близких, знакомых)*, «Отсутствие социального взаимодействия» *(без единомышленников, соратников, сподвижников),* «Отсутствие эмоционально-духовных связей» *(нет духовной близости, общего с окружающими, чуждый им)*.

2.1.2 Стереотипное представление об одиночестве и одиноком человеке по результатам когнитивного теста и анализа рефлексивных высказываний интернет-пользователей

Для выявления стереотипных представлений об одиночестве и одиноком человеке в языковом сознании членов русского лингвокультурного сообщества в ходе исследования нами был проведен когнитивный тест с целью получения субъективных дефиниций этих понятий в том виде, как они существуют в сознании носителей русского языка.

Материал этого параграфа частично основан на статьях автора: Синь Лумин. Представление об одиночестве в русском языковом сознании (когнитивно-дискурсивный аспект) // Когнитивные исследования языка. – 2023. – № 3(54). – С. 114-118.

В период с 4 по 14 мая 2022 года нами был проведен опрос в рамках когнитивного теста (далее – КТ) среди 50 респондентов-носителей русского языка разного пола, возраста (от 18 до 80 лет), рода занятий, образования и семейного положения. Информантам были предложены вопросы «Что такое ОДИНОЧЕСТВО? (Дайте определение своими словами)» и «Какого человека Вы можете назвать ОДИНОКИМ?» (образец анкеты см. в Приложении 1).

Интересно отметить, что, согласно данным вопросов №3 и №4 в анкетах проведенного теста, 35 респондентов (70% от всех тестируемых) знакомы с чувством одиночества, однако только 4 респондента (8%) считают себя одинокими. На наш взгляд, причина такого расхождения может быть связана с тем, что респонденты могут испытывать чувство одиночества, но по-разному интерпретировать это состояние. Некоторые могут рассматривать одиночество как нормальное состояние, в то время как другие могут считать себя одинокими только в случае полного отсутствия социальных контактов. Кроме того, некоторые люди могут не осознавать своего одиночества или предпочитать не признавать его из-за стигматизации этого состояния в обществе. Таким образом, понимание и интерпретация чувства одиночества могут быть индивидуальными и различаться в зависимости от личного опыта и восприятия.

Полученные результаты позволили выявить инварианты и варианты ответов. Более 80% ответов информантов близко связаны со словарными значениями. Можно выделить два инварианта субъективных дефиниций о понятии ОДИНОЧЕСТВО: *«Чувство обособленности, отдельности от других людей, ощущение оторванности от мира»* и *«Проживание человека отдельно, без стабильных близких отношений; отсутствие жены/мужа, партнера, детей»*. Вариативными являются следующие позиции в ответах респондентов.

Позиция 1 – вариант а) *«состояние, в котором человеку кажется, что люди вокруг его не понимают, ему не с кем разделить свои переживания, мысли»*; вариант б) *«чувство сильной тоски от ощущения ненужности»*; вариант в) *«состояние, когда не чувствуешь поддержки»*; вариант г) *«такая ситуация, когда человеку некому помочь»*.

Позиция 2 – вынужденное или же желаемое положение в обществе. Если вынужденное, то *«человеку некомфортно пребывать в таком состоянии, он испытывает тоску, печаль, обиду, жалость к самому себе»*. Если желаемое, то *«бывает так, когда человек сам вовсе не против быть один, тогда для него одиночество не является тяжким грузом»*. С точки зрения данной позиции, одиночество оценивается амбивалентно.

Позиция 3 – вариант а) *«комплекс чувств или состояние, оцениваемые как дискомфортные»*; вариант б) *«оказывает негативное влияние на физическое и эмоциональное здоровье человека»*. Негативное одиночество занимает доминирующее место в ответах респондентов.

Позиция 4 – длительное или краткое состояние человека. Вариант а) *«длительное, духовное, моральное состояние человека»*; б) *«состояние человека в момент времени»*.

Переходим к рассмотрению субъективных дефиниций понятия ОДИНОКИЙ ЧЕЛОВЕК.

Путем сопоставления полученных от носителей языка сводных дефиниций с данными словарей можно отметить, что значительное количество ответов совпадает с тремя из словарных значений понятия *одинокий* (определения словарей

даны прямым шрифтом, а примеры субъективных дефиниции – курсивом):

1. «Находящийся, пребывающий где-либо без других» – *Человек, закрывающийся ото всех и вся, осознанно живущий в своём мире* и др.

2. «Происходящий, протекающий без других» – *Человек, который ходит в одиночку погулять / в кино / выпить кофе* и др.

3. Не имеющий семьи, близких, друзей и т.п.» – *Нет семьи, родных, круга близких друзей; Люди, проживающие утрату партнера, или люди, которых оставили близкие* и др.

В данных КТ выявлена только одна вариантная позиция: настроение одинокого человека. В основном информанты отмечают подавленное настроение. Например: *человек, который живёт один и находится в подавленном настроении; человек несчастный и печальный; тот, кто не находится в гармонии с собой.* Единичны ответы, отмечающие хорошее настроение одинокого человека: *он может быть счастлив*.

Для дополнительной верификации полученного в результате проведенного когнитивного теста представления об одиночестве в языковом сознании носителей русского языка нами были собраны и проанализированы данные ответов на вопросы «Что такое одиночество?» и «Кто такой одинокий человек / одинокие люди?» с использованием поисковой службы вопросов и ответов на интернет-платформе «*ответы mail.ru»*. В нашу картотеку было включено в общей сложности 50 ответов русских интернет-пользователей. Рефлексивные высказывания носителей языка (далее – РВ) были сопоставлены нами с данными толковых словарей.

По данным РВ, выделены инварианты субъективных дефиниций понятия ОДИНОЧЕСТВО, совпадающие с результатами проведенного нами КТ: «*человек ощущает себя неким одиноко дрейфующим субъектом в человеческом океане»*; *«отсутствие любимых и близких»* и *«некому подать стакан воды когда заболела»*.

Вариативными являются следующие позиции:

Позиция 1 – отсутствие заинтересованности в человеке со стороны других людей: вариант а) *никто не интересуется его настроением, его желаниями, его*

заботами, его неприятностями и полученными удовольствиями; вариант б) *это когда ты не чувствуешь взаимности;* вариант в) *это когда никто не волнуется и не переживает за тебя;* вариант г) *это когда у тебя нет того, кто мог бы заполнить недостающее;* вариант д) *это состояние, когда кому-то не хочется делиться ни с кем.*

Позиция 2 – амбивалентное понимание одиночества. Например: «*одиночество либо сделает тебя слабым, либо сделает сильным, подарит новые увлечения и более качественные отношения, раздвинет горизонты и ты отправишься к чему-то лучшему, чем то, что у тебя было… помни! это твой выбор сейчас!».*

Позиция 3 – одиночество расценивается как негативное душевное состояние: вариант а) *чувство, гнетущее человека;* вариант б) *такое положение глубоко ранит его душу и тяжело переживается;* вариант в) *это приводит к страданию.*

Следует отметить, что в РВ одиночество рассматривается как проблема отношения человека к своему состоянию. Одиночество характеризуется как эгоизм, например: *одиночество это проблемы эгоизма; это то, как человек сам относится к своему положению в обществе; это твое отношение к безразличию окружающих, эгоизм в какой-то мере*. Встречается также восприятие одиночества как стремления к свободе, удовлетворению, комфорту и расслаблению. Например: *в моей самодостаточности заключён комфорт моей жизни; это автономность и спокойствие; есть возможность к саморазвитию; найти себя в себе самом*.

Выявленные концептуальные совпадения при сопоставлении РВ о понятии ОДИНОКИЙ ЧЕЛОВЕК с результатами конитивного теста и данными толковых словарей представлены в следующей таблице.

Таблица 4. Соответствие словарных и субъективных представлений об одиноком человеке в языковом сознании носителей русского языка

Словарные значения	**Субъективные дефиниции**	
	в данных КТ	в данных РВ
1. Находящийся, пребывающий где-либо без других, отдельно от других.	*– Человек, закрывающийся ото всех и вся, осознанно живущий в своём мире.*	*– В изоляции.* *– Быть на едине с самим собой.*

Продолжение Таблицы 4. Соответствие словарных и субъективных представлений об одиноком человеке в языковом сознании носителей русского языка

Словарные значения	**Субъективные дефиниции**	
	в данных КТ	в данных РВ
2. Происходящий, протекающий без других, в отсутствие других.	*– Человек, который ходит в одиночку погулять / в кино / выпить кофе*	*– Каждый выполняет свои функции.* *–Один проводит научное исследование.*
3. Не имеющий семьи, близких, друзей и др.	*– Нет семьи, родных, круга близких друзей.* *– Люди, проживающие утрату партнера, или люди, которых оставили близкие.*	*– Ни ребенка, никого.* *– Без друзей, без семьи.* *– Тот, кто не находит единомышленников.*

В рефлексивных высказываниях выделяются также вариантные позиции, не совпадающие со словарными данными.

Интернет-пользователи подчеркивают ответственность самого человека: *тот, которого никто не понимает, и который не желает понять другого*; *тот, который отрёкся от общества и не вступает в контакт с людьми*.

В отличие от данных словарей в рефлексивных высказываниях русских интернет-пользователей большое место отводится характеристике личных качеств одинокого человека. При этом перечисляются положительные и отрицательные качества: С одной стороны, *самодостаточный* и *свободный*, *совершенствующийся*, с другой стороны, *некоммуникабельный человек, замкнутый, неконтактный, нелюдимый, необщительный, скрытный, тяжелый*.

Кроме того, в высказываниях носителей языка отмечается осознанный выбор субъекта и индивидуализированное отношение к своему статусу одинокого человека: *намеренно ищущий обособленности, есть те, кто стонет и плачется*.

Некоторые высказывания носителей русского языка чрезмерно категоричны: *Это только мертвый человек!; Это очень гордые люди, которые так и не нашли применение своим силам на пользу обществу.*

Анализ субъективных дефиниций и рефлексивных высказываний позволяет

отметить следующее:

1. Высокую степень совпадения большинства субъективных ответов в данных КТ и РВ с лексикографическими представлениями, зафиксированными в словарных статьях каждого из двух понятий («одиночество» и «одинокий человек»), что указывает на высокую степень объективизации стереотипных представлений об этих понятиях.

2. Большое количество одинаковых и схожих ответов респондентов разных социальных групп, что свидетельствует об устойчивости стереотипных представлений и универсальности понятия «одиночество».

3. Выявление ККП понятия *одинокий* «Характеристика личных качеств», «Личный выбор субъекта» и «Отношение к своему статусу» позволяет расширить когнитивную структуру понятия *одинокий человек*.

2.2. Характеристика серии ассоциативных экспериментов на стимулы «одиночество», «одинокий», «одинокая», проведенных с русскими информантами

Для выявления стереотипных представлений об одиночестве в языковом сознании членов русского лингвокультурного сообщества нами был проведен свободный цепочечный ассоциативный эксперимент. Далее подробно опишем наш эксперимент, основываясь на основных моментах, отмеченных в параграфе 1.2.3.

Свободный ассоциативный цепочечный эксперимент проводился в период с 24 сентября по 28 октября 2021 года. В рамках эксперимента информантам было предложено заполнить анкету на русском языке (образец анкеты см. в Приложении 2). Всего в анкетировании приняли участие 115 носителей русского языка. Анкета была размещена на сайте с использованием свободного программного обеспечения Google-forms. Эксперимент проводился в режиме онлайн с учетом ограничений, связанных с пандемией ковида.

В анкету были включены некоторые параметры, позволяющие собрать информацию о респондентах: пол, возраст, род занятий, место учебы/работы,

образование (гуманитарное, техническое и др.), семейное положение (не замужем/не женат, замужем/женат, разведена/разведен, вдова/вдовец, совместное проживание без официальной регистрации брака) и характеристика проживания (отдельно / с родителями, своей семьей отдельно от родителей / с родителями /со взрослыми детьми). Количественное распределение респондентов по различным информационным фильтрам подробно представлена в таблице №5. Основное задание было сформулировано следующим образом: «Напишите за 10 минут все возможные ассоциации (слова, словосочетания, пословицы/поговорки, устойчивые выражения, строчки из песен и/или стихов, названия персонажей и/или названий художественных произведений, кинофильмов и т.п.), которые приходят Вам в голову, когда Вы слышите следующие слова». В качестве слов-стимулов были включены существительное «одиночество» и его однокоренные прилагательные в формах мужского и женского рода: «одинокий» и «одинокая». В анкете было четко указано, что время, отведенное на выполнение задания, составляет 10 минут. Количество ответов не ограничивалось.

Таблица 5. Количественное распределение респондентов по различным информационным фильтрам

Фильтры		**Количество**	**Доля**
1. Пол	Женский	94	81,7%
	Мужской	21	18,3%
2. Возраст	18–30 лет	43	37,3%
	31–50 лет	39	33,9%
	старше 50 лет	33	28,8
3. Образование	гуманитарное	105	91,3%
	техническое	8	7,0%
	другое	2	1,7%
4. Семейное положение	не замужем/не женат	47	40,9%
	замужем/женат	40	34,7%
	разведена/разведен	14	12,2%
	вдова/вдовец	3	7,0%
	совместное проживание без официальной регистрации брака	8	2,6%

Продолжение Таблицы 5. Количественное распределение респондентов по различным информационным фильтрам

Фильтры			**Количество**	**Доля**
5. Характеристика проживания	для лиц, не состоящих в браке	проживание отдельно	53	73,7%
		Проживание с родителями	19	26,3%
	для лиц, состоящих в браке	проживание своей семьей отдельно от родителей	28	70,0%
		проживание своей семьей с родителями	2	5,0%
		проживание своей семьей со взрослыми детьми	10	25,0%

Примечание – При подсчете количества респондентов по фильтрам №4 и №5 было обнаружено три отказа, т. е. три респондента не предоставили информацию о своем «семейном положении» и «характеристике проживания», поэтому общее количество респондентов по каждому из этих двух фильтров составило 112 человек.

Обработка полученных в ходе эксперимента данных проводилась сразу же после завершения анкетирования. При предварительной обработке ответов не было обнаружено недействительных анкет. В результате было получено 1 150 реакций, из которых 514 реакций – на стимул «одиночество», 372 реакции – на стимул «одинокий» и 264 реакции – на стимул «одинокая». Полученные реакции были расположены в порядке убывания частоты, а равночастотые реакции в алфавитном порядке, что позволило составить частотные списки реакций на каждый из трех слов-стимулов.

С учетом наличия возможности того, что параметры личной информации респондентов будут оказывать влияние на распределение реакций, на основе информационных фильтров был проведен анализ распределения полученных сходных реакции на все три стимула.

В таблице №6 ниже приведены примеры наиболее частотных ассоциатов, расположенных в порядке убывания.

Таблица 6. Распределение сходных ассоциатов по различным фильтрам

Фильтры информантов		**Сходные ассоциаты на все три стимула**
1. Пол	женщины	*“Одиночество – сволочь, одиночество – скука” (из песни) 28; женщина 25; грусть 23; мужчина 21; волк 20; человек 18; тоска 16; «Одиночество в сети» (роман) 15; один в поле не воин (пословица), старость 12; спокойствие/спокойно, свобода 11; свободная/свободный 10; холостяк 9; луна 8; звезда, печаль, «Сто лет одиночества» (роман) 7* и др.
	мужчины	*волк 6; женщина, человек, «Одиночество в сети» (роман) 5; тоска, один в поле не воин (пословица) 4; мужчина, спокойствие/спокойно, холостяк 3; “Одиночество – сволочь, одиночество – скука” (из песни), грусть, старость, свобода, звезда, свободная/свободный 2; луна, печаль, «Сто лет одиночества» (роман)* и др.
2. Возраст	18–30 лет	*“Одиночество – сволочь, одиночество – скука” (из песни) 14; грусть 13; женщина 12; человек 9; волк 7; мужчина 6; «Одиночество в сети» (роман) 4; тоска, один в поле не воин (пословица), старость, звезда, луна 3* и др.
	31–50 лет	*“Одиночество – сволочь, одиночество – скука” (из песни), тоска 10; мужчина, один в поле не воин (пословица) 9; волк, «Одиночество в сети» (роман), человек 8; грусть 7; женщина 6; луна, старость 4; звезда 3* и др.
	старше 50 лет	*женщина 12; волк 11; мужчина 9; «Одиночество в сети» (роман); старость, тоска 7; “Одиночество – сволочь, одиночество – скука” (из песни), человек 6; грусть 5; один в поле не воин (пословица) 4; звезда 3; луна 2* и др.
3. Семейное положение и характеристика проживания	– для лиц, не состоящих в отношениях	*женщина, “Одиночество – сволочь, одиночество – скука” (из песни) 21; мужчина 15; волк, грусть 14; человек, «Одиночество в сети» (роман) 12; один в поле не воин (пословица) 10; тоска 9; жизнь, несчастная/несчастный, свободная/свободный, тишина, холостяк 7; береза, кот, старость, «Сто лет одиночества» (роман) 6; “Белеет парус одинокий” (из стихотворения), звезда 2* и др.
	– для лиц, состоящих в браке	*волк 12; грусть, тоска, человек 11; женщина, мужчина 9; “Одиночество – сволочь, одиночество – скука” (из песни), старость 8; «Одиночество в сети» (роман) 7; один в поле не воин (пословица), свободная/свободный 5; “Белеет парус одинокий” (из стихотворения), звезда, тишина, холостяк 4; кот, несчастная/несчастный 3; береза, жизнь, «Сто лет одиночества» (роман) 2* и др.

Примечание – В данной таблице три информационных фильтра выбраны на основе пяти фильтров, представленных в Таблице №5, исходя из того, что 1) количество респондентов, распределенных по фильтру «Образование», настолько неравномерно, а количество полученных ассоциатов варьировалось у людей с одинаковым образованием, справедливо считать влияние этого фильтра на результаты неинформативным для проведения дальнейшего аннализа,

поэтому данный фильтр рассматривать не будем. 2) Под фильтрами №4 и №5 в Таблице № 5 с разных точек зрения выделено больше критериев, однако они содержательно пересекаются друг с другом. Для облегчения обработки данных эти два фильтра были объединены и разделены на два критерия – «для лиц, состоящих вне отношений» и «для лиц, состоящих в браке».

Можно заметить, что различные фильтры, выделенные на основе собранной личной информации о респондентах, фактически не повлияли на их представления об одиночестве. Поэтому эти параметры при последующем анализе результатов эксперимента рассматриваться не будут.

Обратимся к классификации и анализу полученных ассоциатов.

2.3. Интерпретация ассоциатов, полученных в результате проведенных ассоциативных экспериментов

На данном этапе исследования полученные в результате проведенного эксперимента ассоциаты были представлены в классификации по тематическим группам. Ассоциаты-прецедентные феномены рассматриваются далее отдельно.

По частеречной принадлежности стимулов ассоциаты на стимул-существительное и на стимулы-прилагательные анализируются отдельно в следующих параграфах.

2.3.1. Тематическая классификация ассоциатов носителей русского языка на стимул «одиночество»

Материал этого параграфа частично основан на статье автора: Синь Лумин. Тематизация ассоциативно-вербальных представлений об одиночестве в языковом сознании русских и китайцев // Проблемы преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся: материалы VII Международной научно-методической конференции, Воронеж, 28–29 января 2022 года – Воронеж: Издательско-полиграфический центр “Научная книга”, 2022. – С. 253-259.

Всего на стимул-существительное «одиночество» было получено 514 реакции, 333 из которых можно классифицировать по 15 тематическим группам

(далее – ТГ), 32 оставшихся реакции нельзя отнести ни к одной из выделенных ТГ. Выявленные 149 прецедентных феноменов будут рассмотрены в отдельном параграфе диссертации.

Далее проведем последовательный анализ ассоциатов каждой группы. ТГ расположены в порядке убывания частотности входящих в них единиц, по доле внутригрупповых реакций в общем количестве реакций эксперимента.

ТГ №1 «Наименования подавленного эмоционального состояния, отрицательных эмоций» (всего 92 реакции, доля – 27,6%): *грусть / грустный / грустно 27*[1]*; тоска (зеленая) / тоскливо 21; пустота (душевная) 11; страх / боязнь 9; скука / скучать 7; боль (души) 6; печаль / печально 6; уныние 2* и др. Данная ТГ занимает лидирующее по частотности входящих в нее единиц положение, поскольку эмоции, подавленное эмоциональное состояние – прямое следствие одиночества.

ТГ №2 «Наименования обиходно-бытовых реалий» (всего 36 реакций, доля – 10,8%): *вино, книга, плед 4; слезы, квартира 3; ванна, сериал, телевизор 2* и др. На основании данных ассоциатов можно реконструировать фрейм: человек находится в комнате, смотрит телевизор и пьет вино. Единственное, что связывает его с внешним миром – *окно*. Кроме того, посредством частых ассоциатов *книга* (ее доля в группе – 11,1%), *плед* (11,1%), *ванна (5,5%), сериал (5,5%)* также выстраивается микрофрейм, описывающий замкнутое жилое помещение (комнату), в которой человек сидит в одиночестве, завернувшись в плед и читает книгу или смотрит сериал, возможно, принимает ванну в своей квартире. Все эти внутригрупповые единицы представлены в виде составных компонентов определенного фрагмента фрейма об одиночестве.

ТГ №3 «Психоэмоциональное восприятие» (всего 36 реакций, доля – 10,8%): *спокойствие / спокойно 14; самостоятельность, безысходность, смерть 2* и др. По приведенным ассоциатам можно выделить два аспекта восприятия – оптимистический и пессимистический. Первый относится к ассоциатам,

[1] При каждой реакции дается цифра, указывающая на частоту ее появления в ответах испытуемых. Реакции расположены по мере убывания частоты их появления.

обозначающим наполнение и обогащение духовного мира человека, в то время как ассоциаты, относящиеся ко второму аспекту, в основном отражают потерю надежды на будущее.

ТГ №4 «Наименования природных феноменов» (всего 28 реакций, доля – 8,4%): *холод 7; дождь 3; природа, пасмурная погода, завывание ветра, серое небо 2* и др. Мотивированная связь между двумя частотными ассоциатами (*холод* и *дождь*) проявляется в том, что большинство дождливых дней одновременно являются холодными. Большинство других ассоциатов обозначает открытое воздушное пространство.

ТГ №5 «Наименования комфортных психологических состояний» (всего 24 реакции, доля – 7,2%): *свобода 11; отдых /релакс 5, любовь, гармония 2* и др. В данную группу включены ассоциаты, обозначающие добрые надежды и стремления как к физическому наслаждению и удовольствию, так и к психологическому комфорту и легкости.

ТГ №6 «Наименования временных периодов природы и жизни человека» (всего 23 реакции, доля – 6,9%): *старость 8; осень, зима, ночь 3; время 2* и др. Очевидно, что в поздние годы жизни повышается и усиливается чувство и состояние одиночества, что определяется социальной реальностью. Русские участники эксперимента ассоциируют одиночество с такими временами года, как *осень* и *зима*, видимо, в силу уменьшения количества солнечных дней, протяженности светового дня, ощутимого похолодания (эксперимент проводился в Петербурге).

ТГ №7 «Наименования лиц и их совокупностей» (всего 17 реакций, доля – 5,1%): *один-одинёхонек / одиночка 3; друзья, мужчина, семья, старик /пожилой человек 2* и др. На основании перечисленных ассоциатов можно отметить разнообразие разделения лиц: по половому признаку, возрасту, межличностным отношениям, социальным ролям, образу жизни и чертам личности.

ТГ №8 «Занятия, действия» (всего 13 реакций, доля – 3,9%): *работать плодотворно 3; медленно и неспешно ходить, размышлять, спасаться от одиночества 2* и др. Ряд ассоциатов указывает на активное поведение субъекта,

позитивно воспринимающего одиночество как возможность поработать в обстановке, когда никто не отвлекает, неспешно пройтись, отдохнуть или подумать и т.п. Но большинство ассоциатов данной ТГ указывают на негативное восприятие одиночества, что вызывает такие действия, как *спасаться от одиночества, взвыть* и подобные.

ТГ №9 «Наименования заболеваний и психологически дискомфортных состояний» (всего 13 реакций, доля – 3,9%): *депрессия 7; бессонница 3* и др. Длительное пребывание в состоянии одиночества может привести к возникновению ряда соматических заболеваний или психологического дискомфорта. Русские респонденты ассоциируют одиночество с такими физиологическими проявлениями как *замирание сердца, стеснение в груди.*

ТГ №10 «Наименования абстрактных понятий» (всего 12 реакций, доля – 3,6%): *состояние 3; мудрость 2* и др. Появление ассоциатов *состояние, чувство* предопределено семантикой самого существительного-стимула, остальные ассоциаты носят научно-философский характер, или навеяны художественной литературой – *романтизм, сентиментализм*.

ТГ №11 «Наименования пребывания вне социальных связей» (всего 11 реакций, доля – 3,3%): *уединение 4; разлука, самоизоляция 2* и др. Анализ ассоциатов позволяет эксплицировать такую семантическую составляющую понятия *одиночество*, как ‘дистанция’, ‘расстояние в пространстве’ между субъектами.

ТГ №12 «Наименования объектов ландшафта» (всего 10 реакций, доля – 3,0%): *лес 2; берег озера, дорога, остров, поле, пустыня, путь, река, утес*. Появление ассоциатов *остров* и *пустыня* объяснимо, поскольку остров изолирован от материка (от большой земли), а пустыня практически непригодна для жизни человека в виду отсутствия воды и растительности. *Лес* – место, где легко потеряться, заблудиться и остаться в одиночестве. Такие ассоциаты, как *река, путь, дорога, поле, берег озера* подчеркивают равнинность пространства, его горизонтальную протяженность и открытость.

ТГ №13 «Наименования животных» (всего 9 реакций, доля – 2,8%): *собака 4;*

кот/кошка 2; бирюк, зверь. Кошки и собаки, как домашние питомцы, находятся рядом с человеком, особенно когда ему одиноко. Другие ассоциаты представлены зоонимами, обозначающими диких крупных животных, ведущих одинокий образ жизни.

ТГ №14 «Субъективно-оценочные слова» (всего 6 реакций, доля – 1,8%): *плохо 2; долгожданное, гордое, прекрасно, страшное*. Стоит отметить, амбивалентность оценки одиночества. Оно расценивается респондентами, с одной стороны, позитивно: *долгожданное*, *прекрасно*, а, с другой стороны, негативно: *плохо, страшное*.

ТГ №15 «Мифологемы» (всего 3 реакции, доля – 0,9%): *Бог 2; демон*. Данная группа включает лингвокультурно значимые ассоциаты для русской языковой картины мира.

Тематизация результатов проведенного эксперимента и попытки выявления мотивированности полученных ассоциатов показывают, что вербализация стереотипных представлений об одиночестве как эмоции и состояния в языковом сознании представителей русской лингвокультуры в основном проецируется на 15 доменов действительности, объединенных по следующим параметрам: одушевленность субъекта одиночества (ТГ №7 и №13); стимулирующее действие внешних объектов (ТГ №2) на чувство одиночества, включая реалии природного ландшафта (ТГ №12), погодные условия (ТГ №4) и пространственно-временные факторы (ТГ №6 и №11); и позитивно-негативное двойственное влияние на физиологические и психологические измерения субъекта состояния, причем в первом случае речь идет в основном об активном и пассивном реактивном поведении (ТГ №8 и №9), а во втором – о психологических свойствах (ТГ №1, №3 и №5) и аффективных оценках (ТГ №14). Имеется также небольшое количество ассоциатов, отражающих абстрактное рациональное познание и романтическое представление (ТГ №10), а также религиозно- мифологическое восприятие (ТГ №15) одиночества.

2.3.2. Тематическая классификация ассоциатов носителей русского языка на стимулы «одинокий», «одинокая»

На стимул-прилагательное «одинокий» в проведенном эксперименте было получено 372 реакции. 282 из них можно распределить по 14 ТГ, 23 из оставшихся ассоциатов не принадлежат ни к одной из групп, а 67 представляют собой прецедентные феномены. На стимул-прилагательное «одинокая» 213 из 264 полученных ассоциатов можно распределить по 12 ТГ, 13 из оставшихся ассоциатов не онесены ни к одной из групп, 38 реакций – это прецедентные феномены. Ассоциаты, не входящие в ТГ, и прецедентные феномены в данном параграфе не рассматриваются.

Для наглядности представим сходства и различия результатов тематической классификации ассоциатов на два стимула в виде таблицы, указав в качестве примеров наиболее частотные ответы информантов. ТГ расположены в алфавитном порядке наименования групп в связи с разницей в количестве групп.

Таблица 7. Тематические группы ассоциатов носителей русского языка на стимулы «одинокий» и «одинокая»

Наименования ТГ	**Ассоциаты на стимул «одинокий»**		**Ассоциаты на стимул «одинокая»**	
	Частотные ассоциаты	Коли-чество (доля)	Частотные ассоциаты	Коли-чество (доля)
1. Внешность человека	*старый, молодой*	4 (1,4%)	*старая*	2 (1,0%)
2. Занятия, действия	*поиск, выбор*	5 (1,9%)	*мыслить, расставание, вязание*	8 (3,7%)
3. Локус одиночества	*дома, в небе, на планете, в мире*	12 (4,2%)	*в снегах, на севере*	3 (1,3%)
4. Наименования временных периодов природы и жизни человека	*жизнь, тридцать лет, вечер*	15 (5,3%)	*старость, судьба*	11 (5,2%)
5. Наименования животных	*волк, кот/кошки, голубь*	37 (13,1%)	*волчица, птица*	11 (5,2%)
6. Наименования комфортных психологических состояний	*свободный, счастливо*	8 (2,8%)	*свободная, счастливая*	8 (3,7%)

Продолжение Таблицы 7. Тематические группы ассоциатов носителей русского языка на стимулы «одинокий» и «одинокая»

Наименования ТГ	**Ассоциаты на стимул «одинокий»**		**Ассоциаты на стимул «одинокая»**	
	Частотные ассоциаты	Коли-чество (доля)	Частотные ассоциаты	Коли-чество (доля)
7. Наименования лиц и их совокупностей	*человек, мужчина, холостяк, странник, старик*	121 (42,9%)	*женщина, вдова, мать-одиночка, старушка*	76 (35,7%)
8. Наименования материальных объектов	*парус, корабль*	10 (3,5%)	—	—
9. Наименования объектов ландшафта	*утес, океан, остров*	6 (2,1%)	—	—
10. Наименования природных феноменов	*луч солнца, свет в окне*	5 (1,9%)	*луна, звезда, капля дождя*	23 (10,8%)
11. Наименования растений	*тополь, сосна, дуб, клен*	21 (7,4%)	*береза, рябина, осина, ветки сирени, сосна*	25 (11,7%)
12. Психоэмоциональное состояние	*несчастный, грустный, печальный, серый*	22 (7,8%)	*несчастная, печальная, грустная*	21 (9,9%)
13. Свойства личности	*гордый, спокойный, уравновешенный*	13 (4,6%)	*гордая, спокойная, независимая, уравновешенная*	23 (10,8%)
14. Субъективно-оценочные слова	*вредный, невезучий, жалкий*	3 (1,1%)	*странная, вредная*	2 (1,0%)

Значительной разницы в количестве ТГ, полученных на основе классификации ассоциатов на два стимула, не наблюдается, однако имеются два лакуны в ТГ ассоциатов на стимул «одинокая», что объясняется меньшим общим количеством ассоциатов. Стимул «одинокая» был последним в задании анкеты, до него стояли стимулы «одиночество» и «одинокий». Можно предположить, что наиболее общие и наиболее многочисленные ассоциации респондентов были написаны на стимул «одиночество», первый стимул, попавший в их поле зрения. Затем последовали ответы на стимул-прилагательное мужского рода «одинокий», и только в последнюю очередь были даны ассоциации на стимул-прилагательное женского рода «одинокая». Возможно также, что время, оставшееся для приведения ответов на третий стимул, было недостаточным из-за условия ограничения по времени заполнения анкеты.

Анализ выделенных ТГ позволяет отметить почти одинаковую пропорцию ТГ №4 и №14 в общем количестве ассоциатов на оба стимула, а также 137 совпадающих ассоциатов, отличающихся только грамматической формой. Данные факты можно объяснить тем, что стимулы были восприняты испытуемыми с языковой и содержательной точки зрения. 1) С языковой точки зрения, многие ассоциаты представляют собой синонимы или антонимы слов-стимулов, или коллокации со словами-стимулами. 2) С содержательной точки зрения, в языковом сознании информантов концептуализируется субстантивация стимулов-прилагательных. Ряд респондентов рассматривают стимулы как представления образов одиноких мужчины и женщины, приводя ответы, основанные на отличительных характеристиках одиноких людей разного пола.

Принимая во внимание, что выделенные ТГ ассоциатов на два стимула, существенно не различаются (85,7% совпадения состава ТГ и 26,8% совпадения сходных ассоциатов без учета различий в грамматической форме), считаем возможным рассматривать результаты тематической классификации ассоциатов на стимулы «одинокий» и «одинокая» вместе, обращая внимание на имеющиеся в некоторых ТГ отличия в ассоциатах мужчин и женщин.

Проанализируем последовательно каждую тематическую группу. ТГ расположены в порядке убывания по доле внутригрупповых ассоциатов в общем количестве ассоциатов эксперимента.

ТГ №1 «Наименования лиц и их совокупностей» (всего 197 реакций, доля – 39,7%): *женщина 29; человек, мужчина 22; старик/старушка, холостяк 12; вдова/вдовец 8; странник 7; мать-одиночка, путник 5; бабушка, воин, дева, девушка, друг/подруга, незамужняя, одна-одинешенька, пастух 3* и др. Частотные ассоциаты представлены существительными, обозначающими пол и возраст человека. На стимул «одинокий» были приведены ассоциаты-наименования лиц мужского пола, а на стимул «одинокая», соответственно, ассоциаты-наименования лиц женского пола. Анализ семантики ассоциатов позволяет выделить наименования людей по семейному положению (*холостяк, вдова/вдовец, мать-одиночка, незамужняя, бабушка* и др.), роду занятий (*воин, пастух, кустарь, моряк*

и др. – на стимул «одинокий» и *солдатка, карьеристка, пенсионерка* и др. – на стимул «одинокая»).

ТГ №2 «Наименования животных» (всего 48 реакций, доля – 9,7%): *волк/волчица 31; кот/кошки 6; птица 4; голубь 2* и др. Высокочастотный ассоциат *волк* занимает лидирующее положение в данной группе, что объясняется рядом наблюдений за животными и характеристиками поведения волков, стереотипным представлением о волке-одиночке, одинокой волчице. Коты и кошки – домашние животные, человек имеет возможность хорошо изучить их повадки: независимость, привычку «гулять сам(-а) по себе». Различия в ассоциатах мужчин и женщин проявились в разных образах, возникающих в сознании респондентов на прилагательные-стимулы разного грамматического рода. Так, на стимул «одинокая» были приведены ассоциаты *птица, рыбка* и *собака*, а на стимул «одинокий» – *голубь, дельфин* и *кит*.

ТГ №3 «Наименования растений» (всего 46 реакций, доля – 9,3%): *береза 8; сосна, тополь 7; рябина 6; дуб, осина 4; ветка сирени, клен 2; дерево, пальма, роза, хризантемы, цветок, ясень*. Частотные ассоциаты-названия деревьев: *береза, сосна*, *тополь* и *рябина*, по всей видимости, объясняются в ответах испытуемых общей когнитивной базой носителей русского языка – прецедентными феноменами (песнями, стихотворениями), в которых функционируют эти существительные, олицетворяющие образ одинокого человека. *Береза* и *рябина* были приведены на стимул «одинокая», а *клен*, *дуб* – на стимул «одинокий». На оба стимула был приведен ассоциат *сосна*. Что касается названий конкретных цветов – *роза, хризантема* и др., то они ассоциируются в сознании респондентов с лицами женского пола, поэтому были приведены на стимул «одинокая», в отличие от гиперонима *цветок*, который возник на стимул «одинокий».

ТГ №4 «Психоэмоциональное состояние» (всего 43 реакций, доля – 8,7%): *несчастная/несчастный, печальная/печальный 10; грустный/грустная 8; покинуттая/покинутый, понурый, серый 2; простота, самодовольный, саморазвитие, самостоятельность, страдающая, трогательная* и др. Большинство приведенных ассоциатов в данной группе указывают на то, что

одиночество может быть связано с несчастьем, недостатком социальной поддержки и эмоциональной наполненности. Восприятие в таком случае «сочувствующее» – *трогательная, страдающая* (о женщинах). Однако такие ассоциаты, как *самодовольный, саморазвитие, самостоятельность* свидетельствуют о позитивном восприятии одиночества.

ТГ №5 «Свойства личности» (всего 36 реакция, доля – 7,3%): *гордая/гордый 7; спокойный/спокойная 4; уравновешенный / уравновешенная, независимая 3; замкнутый/замкнутая, злая/злой, сильная/сильный, настойчивость 2; закрытый, нелюдимый, скрытный* и др. Большинство ассоциатов в данной группе указывают на предпочтение одиночества, на специфические эмоциональные потребности. *Гордый* человек может стремиться к независимости и самостоятельности, предпочитать держаться в стороне от других людей или не желать показывать свою уязвимость. *Спокойный* и *уравновешенный* человек имеет низкую потребность в социальной активности и может предпочитать тишину, чувствовать себя комфортно в одиночестве. *Замкнутые* и *скрытные* люди склонны к ограниченным контактам с другими людьми и предпочитают проводить время в одиночестве.

ТГ №6 «Наименования природных феноменов» (всего 28 реакций, доля – 5,7%): *луна 9; звезда 8; капля дождя, луч солнца 2; дождь, свет в окне, снег, темнота, туман, тучка на небе, холод*. Наиболее частотный в этой ТГ ассоциат *луна,* вероятно, мотивирован удаленностью луны и тем фактом, что этот спутник Земли освещает ночное небо в одиночку, наиболее ярко, выделяясь на фоне звезд. *Звезда* представляется маленькой точкой на небе и обычно воспринимается как одиночный объект на фоне бескрайнего космоса. *Капли дождя* и *луч солнца* представляют отдельные природные элементы, которые выделяются в окружающей среде. Единичные ассоциаты связаны с психологическим состоянием человека – *темнота, снег, холод, туман* ассоциируются с подавленным эмоциональным состоянием одинокого человека. Все единицы данной группы потенциально указывают на такие семантические признаки понятия *одинокий/одинокая*, как отдаленность, индивидуальность или чувство разобщенности с окружающим миром.

ТГ №7 «Наименования временных периодов природы и жизни человека» (всего 26 реакций, доля – 5,2%): *жизнь 9; старость 6; тридцать лет, вечер, месяц, судьба 2; всегда, смерть, осень*. В данной группе появление частотного ассоциата *жизнь* обусловлено тем, что каждый человек проходит свой собственный жизненный путь и переживает собственные индивидуальные моменты и периоды одиночества в течение своей жизни. С возрастом на этапе *старости* человек может столкнуться с потерей близких людей, изменением социального круга и ощущением утраты межличностных связей и поддержки. В свою очередь, старость ассоциируется с таким временем года, как *осень*. *Вечер* – время суток, когда человек особенно остро ощущает свое одиночество.

ТГ №8 «Наименования комфортных психологических состояний» (всего 16 реакций, доля – 3,2%): *свободная/свободный/свобода 14; счастливо / счастливая 2*. С одной стороны, одинокий человек может чувствовать себя *свободным* от обязательств, социальных ограничений и вмешательства других людей. С другой стороны, пребывание в одиночестве помогает человеку насладиться душевным спокойствием (*счастливо, счастливая*).

ТГ №9 «Локус одиночества» (всего 15 реакций, доля – 3,0%): *дома 4; в небе, на планете 2; в мире, в самоизоляции, в снегах, келья, на карантине, на севере, погост*. Все ассоциаты в данной группе связаны с физическим пространством, где находится одинокий человек. Ассоциат *дома*, в первую очередь, представляет замкнутое место в четырех стенах, в котором человек находится только один и особо остро ощущает свое одиночество. Вне дома есть возможность общения, контактов с другими людьми. *Небо, планета*, *мир, снега* – это открытое пространство, в котором человек чувствует себя затерянным и одиноким. *Келья* ассоциируется с монахами, проживающими в монастырях, вдали от остальных людей. *Самоизоляция* и *карантин* отсылают ко времени пандемии и вынужденной социальной изоляции людей. *Погост* ‘кладбище’ – место упокоения, безлюдное и тихое.

ТГ №10 «Занятия, действия» (всего 13 реакций, доля – 2,6%): *мыслить, поискать/поиск, расставание 2; выбор, выстрел, вязание, осуждают, плакать,*

развлечения, чтение. Ассоциаты данной группы мотиивированы, очевидно, тем, что одинокий человек имеет возможность размышлять, искать решения или отправляться на поиск общения (*мыслить, поискать, поиск*), его одиночество может быть вызвано расставанием с кем-либо близким (*расставание*). В одиночестве можно заниматься вязанием, чтением (*вязание, чтение*). Подавленное состояние проявляется внешне (*плакать*).

ТГ №11 «Наименования материальных объектов» (всего 10 реакций, доля – 2,0%): *парус 5; корабль 3; трамвай, маяк*. Парус видно далеко на открытом водном пространстве, он выделяется, как и корабль. Можно предположить и влияние прецедентных феноменов– строчек из стихотворения М.Ю. Лермонтова: «Белеет парус одинокий в тумане моря голубом». Маяк – тоже одиночный объект, постройка, которая видна издалека.

ТГ №12 «Наименования объектов ландшафта» (всего 7 реакций, доля – 1,4%): *утес 3; океан, остров, в поле, на горной вершине*. *Утес* – обособленно расположенная каменная гряда, *океан* – крупнейший водный объект, на фоне которого человек ощущает себя мелким и одиноким, *остров* – часть суши, окруженная со всех сторон водой и таким образом изолированная от материка. *Горная вершина* и *поле* – выступают над окружающим ландшафтом, выступает символом одинокого человека, который находится на нем. Подобные ассоциаты возникают из-за изолированности одинокого человека от общества.

ТГ №13 «Внешность человека» (всего 6 реакций, доля – 1,2%): *старая/старый 2; молодой, сгорбленный, маленький, потухшие глаза*. Пожилой человек может чувствовать изолированность из-за потери близких людей или недостаточной социальной активности. Молодые люди также могут чувствовать себя одиноко из-за различных причин, таких, например, как отсутствие дружеской или романтической близости. Ассоциаты *сгорбленный, маленький, потухшие глаза* могут указывать на эмоциональное и физическое состояние одинокого человека. Они отражают утрату жизненной энергии, потерю живости. Все ассоциаты данной группы отражают различные аспекты одиночества для людей разных возрастов и статусов.

ТГ №14 «Субъективно-оценочные слова» (всего 5 реакций, доля – 1,0%): *вредная/вредный 2; жалкий, невезучий, странная*. Ассоциаты этой группы связаны с социальным стигматизированием и негативной оценкой одиночества. Они отражают восприятие окружающих людей и их отношение к тем, кто чувствует себя одиноко, в соответствии с негативными стереотипами и предрассудками. Обоснование ассоциата *вредная/вредный* объясняется с тем, что одиночество может приводить к изменению поведения, включая повышенную раздражительность или критичность, что может восприниматься другими как «вредное» поведение. Единичные ассоциаты указывают на то, что такой человек воспринимается окружающими как несчастный, неудачливый или отличающийся от общепринятых стандартов.

Тематизированные результаты проведенных ассоциативных экспериментов на стимулы «одинокий» и «одинокая» в целом аналогичны результатам тематической классификации результатов ассоциативного эксперимента на стимул «одиночество». Это свидетельствует о наличии общих когнитивных механизмов и закономерностей сознания при восприятии респондентами семантически связанных понятий.

Далее обратимся к анализу ассоциатов-прецедентных феноменов.

2.3.3. Прецедентные феномены по результатам ассоциативного эксперимента

Материал этого параграфа частично основан на статье автора: Синь Лумин. Прецедентные феномены в ассоциативно-вербальном поле «Одиночество» // Тезисы LI Международной филологической научной конференции имени Людмилы Алексеевны Вербицкой: Тезисы докладов, Санкт-Петербург, 14–21 марта 2023 года. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2023. – С. 480-481.

При экспериментальном выявлении и когнитивной интерпретации структурированной совокупности знаний и представлений об одиночестве на уровне русской этнолингвокультурной общности следует обратить внимание на

прецедентные феномены.

Как указывает В.Н. Телия, прецедент – это «стереотипный образно-ассоциативный комплекс», значимый для определенного социума и регулярно актуализирующийся в речи представителей этого социума [Телия 1988: 30].

Д.Б. Гудков указывает на эталонный характер прецедентов: прецеденты функционируют в виде образцовых ментальных, языковых и речевых фактов, которые служат моделью для воспроизводства сходных фактов [Гудков 1988: 83]. По мнению Г.Ф. Ковалева, прецеденты обладают определенной референтностью и воспроизводимостью: прецедент понимается как «феномен первичного образца», представляемого для оценки и сопоставления, в целях его последующего использования как опорного образца для создания какого-либо вторичного явления по образу и подобию первого [Ковалев 2004: 273]. При широком понимании прецедентов выделена группа прецедентов, которые проявляются как прецедентные феномены (далее – ПФ). В работе Л.И. Гришаевой ПФ понимаются как ментальный «гносеологический прототип», его «можно считать образцом, который помогает в сходных условиях в будущем, так или иначе, решать стоящие перед коммуникантами задачи (номинативные, коммуникативные и пр.)» [Гришаева 1998: 18].

В данном исследовании национально-прецедентные феномены, известные подавляющему большинству членов определенного этнолингвистического сообщества, рассматриваются как инварианты восприятия, служат национальными маркерами и квалифицируются как составляющая часть когнитивной базы данной лингвокультуры. Д.Б. Гудков в числе признаков ПФ отмечает следующий: «За любым прецедентным феноменом стоит образ-представление, включающий в себя ограниченный набор признаков самого феномена, знакомый подавляющему большинству членов этого сообщества, что позволяет автору определить его как национально детерминированное минимизированное представление» [Гудков 1999: 58].

В научной литературе выделяют 4 типа ПФ: прецедентный текст (ПТ), прецедентное высказывание (ПВ), прецедентное имя (ПИ) и прецедентная

ситуация (ПС) [Захаренко, Красных, Гудков, Багаева 1997: 83].

Количественное распределение прецедентных ассоциатов, полученных по результатам ассоциативного эксперимента, наглядно показано в следующей таблице.

Таблица 8. Количественное распределение прецедентных ассоциатов по результатам ассоциативных эксперимента

типы ПФ / стимулы	ПИ	ПВ	ПС	ПТ	*общие*
одиночество	67	81	1	—	149
одинокий	34	33	—	—	67
одинокая	23	15	—	—	38
общие	124	129	1	—	254

В таблице видно, что ПИ и ПВ довольно близки друг к другу по пропорции (48,8% и 50,8% соответственно) и доминируют в общем количестве ПФ. Наблюдается уникальная ПС, которую проанализируем отдельно в конце данного параграфа. Лакунарность ПТ как самого объемного типа ПФ может быть объяснена ограниченным временем, отведенным на выполнение заданий в ходе проведения ассоциативного эксперимента, и поэтому, респонденты не имели возможности привести полные тексты.

Нужно отметить низкую степень совпадения (среднее значение – 20,5%) прецедентных ассоциатов, приведенных респондентами на разные стимулы, что говорит о значительном разнообразии различных типов ПФ в сознании носителей русского языка.

Для получения целостного представления о ПФ-ассоциатах в материале проведенного эксперимента считаем целесообразным рассматривать вместе ассоциаты на все три стимула.

Ниже последовательно проведем анализ ассоциатов каждого типа ПФ.

ПИ определяется как индивидуальное имя <…> это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция собственно к набору дифференциальных признаков данного ПИ [Захаренко,

Красных, Гудков, Багаева 1997: 83]. В ходе эксперимента русские информанты привели высокочастотные ассоциаты, как имена – *Герасим* и *Пьеро*, так и названия художественных произведений, кинофильмов и песен – *«Одиночество в сети»* (роман), *«Одиноким предоставляется общежитие»* (фильм), *«Сто лет одиночества»* (Роман), *«Одиночество вдвоем»* (песня), *«Одинокая женщина желает познакомиться»* (фильм), *«Одиночество»* (фильм) и *«Мцыри»* (романтическая поэма).

Персонаж повести И.С. Тургенева «Муму» *Герасим* изображен как простой, неграмотный немой крепостной крестьянин, который живет в изоляции от общества. Его характер и обстоятельства его жизни вызывают ассоциации с одиночеством. *Пьеро* – это первоначально персонаж французского народного ярмарочного театра, постепенно образ этого грустного клоуна превращается в символ мечтательности, одинокости, стремления скрыть свои истинные эмоции и переживания за маской.

В формулировке каждого из приведенных названий художественных произведений, кинофильмов и песен ассоциирование с понятием *одиночество* возникает благодаря использованию слов и словосочетаний, непосредственно связанных с лексемой *одиночество*, причем некоторые ассоциаты можно рассматривать как наиболее типичную и классическую реакцию на стимулы. Выбор таких названий обусловлен описанием центральной темы и сюжета, где одиночество играет важную роль в развитии сюжета и переживаниях героев или персонажей.

Единичные ассоциаты составляют значительную часть в разряде прецедентных имен. Такие имена, как *Габриэль Гарсиа Маркес, Евгений Онегин, Карамзин, М.Ю. Лермонтов, Обломов, Печорин* и *Робинзон*, восходят к известной миру классической литературе.

Известный колумбийский писатель *Габриэль Гарсиа Маркес* – автор романа «Сто лет одиночества», уделяет внимание образу семьи Буэндиа, живущей в мифическом городе Макондо. Первоначально герои изолированы от внешнего мира и других людей, что может вызывать ассоциации с одиночеством.

Главный герой одноименного романа А.С. Пушкина *Евгений Онегин* является типичным представителем столичной интеллигенции, он ощущает себя лишним человеком в современном ему обществе, поэтому ассоциируется с одиночеством.

Имена *Карамзин, Лермонтов, Обломов, Печорин* и *Робинзон* связаны с литературными произведениями, где герои испытывают различные формы одиночества. Писатель эпохи сентиментализма *Н.М. Карамзин* – автор известного романа «Бедная Лиза», героиня которого ощущает себя одинокой и несчастной. Поэт *М.Ю. Лермонтов* – автор романа «Герой нашего времени», в котором сложный и противоречивый персонаж *Печорин* ищет уединения и избегает близких отношений. Его внутренний мир и поведение ориентированы на его собственные эгоистические желания, что сопровождается чувством одиночества и отчуждения от окружающего общества. *Обломов* – главный герой одноименного романа И.А. Гончарова, живущий изолированной жизнью, изображен как ленивый, пассивный и одинокий человек. *Робинзон* – персонаж романа Дэниела Дефо «Робинзон Крузо», который оказывается один на безлюдном острове. Его изоляция и необходимость выживать без призрачной надежды на спасение создают атмосферу полного одиночества и изолированности.

В периферийную зону ПИ входят различные ассоциаты, восходящие к разнообразным видам источников русских и европейских произведений, такие как *«Голод»* (фильм), *«Девушка у пруда»* (портрет), *«Женщина французского лейтенанта»* (роман), *«Маугли»* (мультфильм), *«На севере диком стоит одиноко сосна»* (стихотворение), *«Одинокий мужичок за 50»* (песня), *«Одна за всех»* (сериал), *«Осень в Сокольниках»* (повесть).

Фильм *«Голод»* рассказывает историю человека, страдающего от недостатка пищи и социальной изоляции. На портрете М. Нестерова *«Девушка у пруда»* создан образ девушки, находящейся в одиночестве, уединившейся от мира. В романе *«Женщина французского лейтенанта»* главная героиня сталкивается с трудностями и одиночеством из-за своей сложной судьбы и отчуждения от окружающего общества. *Маугли*, как главный герой рассказов Р. Киплинга и одноименного мультфильма, живет в окружении дикой природы, что может

ассоциироваться с его одиночеством и несоответствием миру людей. В первой фразе стихотворения *«На севере диком стоит одиноко сосна»* представлен образ одинокой сосны, что символизирует тему одиночества и уединения в дикой и неприветливой среде. Песня *«Одинокий мужичок за 50»* появилась в исполнении Дмитрия Василевского в 2006 году, ее название очевидным образом ассоциируется в одиночеством. В сериале *«Одна за всех»* тема одиночества связана с одной из главных героинь, которая может оказаться в сложной жизненной ситуации. Осенняя природа часто ассоциируется с меланхолией и одиночеством, что, видимо, способствовало появлению ассоциации *«Осень в Сокольниках»* – названию повести Э.А. Хруцкого. Таким образом, каждое из приведенных произведений ассоциируется с понятием *одиночество* через образы главных героев, окружения и общей атмосферы произведений.

Можно сделать вывод, что наличие большого количества ассоциатов-ПИ, восходящих к классическим литературным произведениям, свидетельствует о том, что литература является важным источником формирования ассоциаций в коллективном сознании носителей русского языка.

Под ПВ понимается репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности, законченная и самодостаточная единица, сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу [Захаренко, Красных, Гудков, Багаева 1997: 83].

В ядерную зону этого разряда русских ассоциаций входят в основном строчки из песен и стихотворений.

В строчки из песен входит сам стимул (*одиночество, одинокий, одинокая*). Частотные ассоциаты-строчки песен расположены ниже в порядке убывания их частотности в ответах респондентов, т.е. их частотности: *Одиночество-сволочь, одиночество-скука. Я не чувствую сердце, я не чувствую руку* (из песни «Одиночество», исполняемой певицей Слава) *30*; *Одинокая бродит гармонь* (из песни «Одинокая гармонь», исполняемой Сергеем Лемешевым) 8; *Просто встретились два одиночества* (из песни «Два одиночества», исполняемой Вахтангом Кикабидзе) *5*; *Просто ты одинокий остров* (из песни «Остров»,

исполняемой Леонидом Агутиным); *Одинокий голубь на карнизе за окном* (из песни «Одинокий голубь» певицы Яна) *3*; *Я за тебя и жизнь отдам. Но одиночество прекрасней* (из песни «Одиночество», исполняемой Александром Дольским) *2*; *Что стоишь, качаясь, тонкая рябина* (русская народная песня «Тонкая рябина») *2*; *Одинокая птица ты летишь высоко* (из песни «Одинокая птица» рок группы Наутилус Помпилиус) *2*.

Ассоциаты- строчки стихотворений включают не только сами стимулы, но и образы, создающие атмосферу одиночества.

Частотные ассоциаты-строки стихотворения перечислены ниже в порядке убывания их частоты встречаемости: *Белеет парус одинокий* (из стихотворения «Парус» М.Ю. Лермонтова) *9*; *Ты лучше голодай, чем что попало есть // И лучше будь один, чем вместе с кем попало* (из стихов Омара Хайяма) *3*; *О одиночество, как твой характер крут! ... и ощутить сиротство, как блаженство* (из стихотворения «По улице моей который год…» Б.А. Ахмадулиной) *2*; *На севере диком стоит одиноко // На голой вершине сосна* (из стихотворения М.Ю. Лермонтова) *2*; *Когда плюёт на человечество твоё ночное одиночество, ты можешь размышлять о вечности* (из стихотворения «Одиночество» И.А. Бродского) *2*; *Белая береза под моим окном* (из стихотворения «Береза» С.А. Есенина) *2*.

В анкетах русских информантов были также обнаружены паремии *один в поле не воин 16; один как перст 5*.

Пословица *один в поле не воин* указывает на то, что человек, оставшийся один, может оказаться уязвимым и неспособным справиться с определенными ситуациями. При этом одиночество может быть воспринято как испытание и неспособность справиться с трудностями в одиночку. Выражение *один как перст* говорит о полном отсутствии близких людей или поддержки со стороны других людей и подчеркивает социальную изоляцию.

Анализ приведенных выше ассоциатов-ПВ показывает развитую «песенную культуру» и знание поэзии у носителей русского языка. В составе некоторых ассоциатов-ПВ наблюдаются ассоциаты-лексемы, относящиеся к разным ТГ,

проанализированным в предыдущих параграфах, например: *парус, остров, голубь, рябина, сосна*, что говорит о наличии между ними прямых маршрутов ассоциирования. В каждом из ассоциатов-ПВ использованы языковые образы и метафоры для выражения ощущения дистанцированности, уязвимости, отчуждения, эмоционального разлада и отсутствия близких связей с другими людьми.

Интересно отметить, что ПВ может быть активирован ПИ. Так, например, в связи с тем, что имя М.Ю. Лермонтова встречается в числе русских прецедентных имен, тексты стихотворений поэта также появляются в ассоциатах русских информантов.

ПС называется «некая «эталонная», «идеальная» ситуация, связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу» [Захаренко, Красных, Гудков, Багаева 1997: 83]. Единственный ассоциат-ПС *Наполеон на острове Святой Елены* реализуется в виде модели «прецедентное имя + краткое описание ситуации». *Наполеон* как прецедентное имя и *остров Святой Елены* как краткое описание сочетаются для воспроизведения исторического события, включенного в понятие «одиночество» в языковом сознании носителей русского языка. Когнитивная структура, стоящая за данной ПС, включает следующие составляющие:

– Исторический фон: Наполеон Бонапарт был французским императором, который после военного поражения и лишения власти был отправлен на остров Святой Елены в Атлантическом океане. Этот факт из истории укладывается в стереотипное представление о Наполеоне, как одиноком герое, которому суждено было провести остаток жизни в строго очерченных границах острова.

– Географическая изоляция: Остров Святой Елены находится вдали от континентальной земли, и его удаленность и недоступность создают впечатление абсолютной изоляции. Пребывание Наполеона на острове символизирует его физическую и социальную отчужденность, что формирует чувство одиночества.

– Утрата власти и социальной связи: Наполеон, оказавшись на острове Святой Елены, утратил все свои политические и социальные связи, а также власть

как император.

– Эмоциональная отчужденность: Наполеон на острове Святой Елены мог испытывать эмоциональное одиночество, вспоминать свои предыдущие достижения. Он утратил контакт с семьей, друзьями и привычным образом жизни. Это эмоциональное состояние усиливает ощущение одиночества.

Рассмотрение ассоциатов-ПФ, полученных от русских информантов, позволяет отметить, что в формулировках русских ПФ чаще всего встречаются слова *одиночество, одинокий* и *одинокая*, послужившие стимулами для эксперимента (включая однокоренную лексему *один*), что составляет 74,5% от общего количества ПФ в данной лингвокультуре. Можно сделать вывод о том, что механизм ассоциирования носителей русского языка работает в большой степени непосредственно, отталкиваясь от формы стимулов.

2.4. Динамика ассоциативных представлений носителей русского языка (сравнительный анализ с данными существующих ассоциативных словарей русского языка)

В данном параграфе проведем анализ различных типов ассоциатов, полученных в результате проведенного нами ассоциативного эксперимента (АЭ) на стимулы «одиночество», «одинокий» и «одинокая» в сопоставлении с данными ассоциативных словарей (АС) для выявления динамики и тенденций развития стереотипных представлений об одиночестве в русском языковом сознании. Как утверждает О.А. Алимушкина, «в настоящее время возрос интерес к изучению динамики языкового сознания на материале сопоставительного анализа ассоциативных полей, разных по времени фиксации» [Алимушкина 2010: 15].

При анализе данных АС принимаем во внимание разные временные периоды проведения ассоциативных экспериментов: «Русский ассоциативный словарь» (РАС) – с 1988 по 1990 годы, «Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС» и «Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток)» (СИБАС) – с 2008 по 2013 годы. В других ассоциативных

словарях ([САНРЯ 1977, САС 2004, УАС 2017]) наши стимулы, к сожалению, отсутствуют.

В первую очередь начнем с рассмотрения различных типов ассоциатов на стимул «одиночество» в лексикографических источниках [РАС 2002: 400; ЕВРАС 2014: 144; СИБАС 2014: 277–278]. В таблице приведены словарные статьи из трех упомянутых словарей (за исключением единичных ассоциатов).

Таблица 9. АВП «Одиночество» (по данным АС)

АЭ	**Частотные ассоциаты на стимул «одиночество»**
РАС	**полное, тоска 6; плохо 5;** *вдвоем, страшно 3; грусть, один, печаль, скука, страх, тяжело, ужасное 2*
ЕВРАС	**скука 53; грусть 43; плохо 24;** тоска 20; пустота 16; в сети, печаль 13; один, страх 11; старость 9; боль, дождь, скучно, слезы 7; состояние, тишина 6; души, спокойствие 5; всегда, любви, мое, ночь, одиночество, покой, полное, скукота, смерть, страдание, уединение, человек, чувство 4; *горе, депрессия, компания, несчастье, отчаяние, расставание, ужасно, человека 3; бред, бывает, волк, глубокое, грустно, долгое, единство, замкнутость, комната, людей, мука, постоянное, страшно, творчество, тихое, тюрьма, ужас, часто, я 2*
СИБАС	**скука 39; грусть 35; тоска 34;** плохо 17; один 16; пустота 11; печаль; страх 10; полное 9; боль; в сети 8; слезы; спокойствие 7; скукота; тишина 6; разлука; скучно; страдание 5; горе; депрессия; мое; старость 4; *души; комната; любви; мука; ночь; свобода; смерть; темнота; ужас; часто; человек; чувство 3; бывает; было; в толпе; гордое; девушка; дождь; душа; единение; жалость; жизнь; квартира; молчание; мысли; окно; отдых; отчаяние; расставание; расстройство; сила; страшно; страшное; ужасно; хорошо 2*

Наиболее частотные ассоциаты выделены в таблице жирным шрифтом, наименее частотные ассоциаты выделены курсивом, а единичные ассоциаты не приведены, поскольку для предпринимаемого анализа важно показать сходства и различия между зонами ядерной и ближней периферии (однако единичные ассоциаты привлекались в качестве примеров типов ассоциаций). В РАС включено небольшое количество ассоциатов (всего 100) по сравнению со словарями ЕВРАС (520 ассоциатов) и СИБАС (486 ассоциатов), количественная разница между двумя последними словарями незначительна.

Можно отметить, что ядерная зона АВП «одиночество» в словарях ЕВРАС и СИБАС качественно почти совпадает, но различается количественно, при этом

наиболее частотными в обоих словарях являются два ассоциата: *скука* и *грусть*. Следует обратить внимание на то, что в языковом сознании носителей русского языка в позднесоветский период преобладают негативно-оценочные эмоциональные наречия как реакции на стимул «одиночество».

Данные по зафиксированным в словарях ЕВРАС и СИБАС ассоциатам пересекаются соответственно на 60,3% и 61,4% в зонах ядерной и ближней периферии АВП «одиночество». С учетом того, что словари ЕВРАС и СИБАС носят региональный характер, можно сделать вывод, что стереотипные представления об одиночестве не зависят от региона проживания информантов.

На основе классификации типов ассоциаций А.П. Клименко, в которой были выделены фонетические, словообразовательные, парадигматические, синтагматические, синтаксические, тематические, цитатные и грамматические ассоциации [Клименко 1980: 10-11], рассмотрим соотношение разных типов ассоциатов, зафиксированных в словарях, в виде диаграммы.

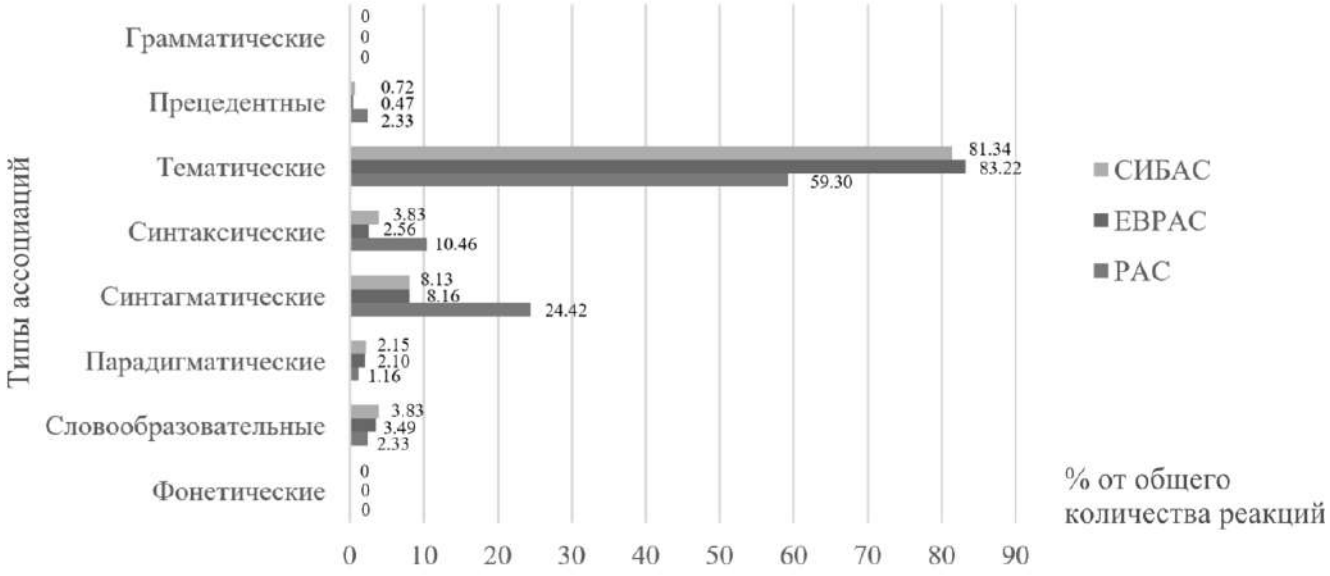

Диаграмма 1. Количественное соотношение типов ассоциатов на стимул «одиночество» (по данным АС)

Анализ диаграммы показывает, что тематические ассоциаты доминируют в данных АС. Среди других типов ассоциатов преобладают синтагматические и синтаксические ассоциаты при значительном количественном различии с парадигматическими ассоциатами. РАС как тип словаря-тезауруса содержит

достаточное разнообразие чисто языковых реакций, полученных на стимул, и превосходит два других региональных словаря (ЕВРАС и СИБАС) по количеству синтагматических и синтаксических ассоциатов. Ассоциаты фонетического и грамматического типа в данных АС оказываются лакунарными.

Исходя из того, что количество ассоциатов, полученных в ходе проведенного нами АЭ, достигает среднего значения данных, зафиксированных в АС, можно считать данные нашего АЭ релевантными для дальнейшего анализа.

Обратимся к рассмотрению различных типов ассоциатов в трех АС и нашем АЭ.

1. Фонетические ассоциаты отсутствуют в АС и АЭ.

2. Словообразовательные ассоциаты: *один, одинок, одинокое, одна, одно* (в АС); *одиночка, один-одинёхонек* (в АЭ).

3. Парадигматические ассоциаты: *уединение, изоляция; единство, единение* (в АС); *уединение, изоляция, самоизоляция* (в АЭ).

4. Синтагматические ассоциаты:

а) реакция + стимул (имя прилагательное / притяжательное местоимение; тип связи – согласование): *полное, ужасное, вынужденное, гнетущее, жуткое, убийственное, мое* и др. (в АС); *долгожданное, гордое, полное, серое, неизлечимое, печальное, длительное* и др. (в АЭ).

б) стимул + реакция (имя существительное в форме единственного или множественного чисел в родительном падеже; тип связи – управление): *отшельника, человека, людей, души, любви, мыслей* (в АС).

в) реакция + стимул (глагол в форме инфинитива): *не вынести, не переносить, испытать, пережить, скучать, чувствовать* (в АС); *страшиться, взвыть (от), спасаться (от), бояться, найти спасение (в), умереть (в)* и др. (в АЭ).

5. Синтаксические ассоциаты

а) стимул + реакция = грамматическая основа предложения: *было; заело; грызет; не радует; сковывает; уходит; бывает; гложет; пройдет; пугает; убивает; угнетает; давит; умиротворяет* (в АС).

б) стимул + реакция = целое предложение: *не люблю; люблю; (это) самая*

плохая вещь на свете; скверное настроение; это плохо; бросила; не боюсь; не знаю; привык; это я (в АС); *способствует формированию мыслей; остро ощущается в старости; хорошая штука, но нужно уметь им пользоваться* (в АЭ).

6. Тематические ассоциаты занимают значительную часть реакций, что позволяет использовать для анализа классификации по тематическим группам (подробности см. параграф 2.3.1).

а) подавленное эмоциональное состояние, отрицательные эмоции: *тоска, скука, грусть, пустота, печаль, страх* (в АС); *грусть, тоска, пустота, страх, боязнь, скука, боль, печаль, горе* (в АЭ).

б) наименования обиходно-бытовых реалий: *тюрьма, квартира, телевизор, комната, окно* (в АС); *вино, книга, плед, квартира, ванна, сериал, телевизор* (в АЭ).

в) наименования абстрактных понятий: *состояние, чувство, мысли, существование, действительность* (в АС); *состояние, мудрость, социальная проблема, чувство* (в АЭ).

г) локус одиночества: *в сети, вдвоем, в любви, рядом, везде, здесь, не у меня, среди нас* и др (в АС).

7. Цитатные ассоциаты (прецедентные феномены): *вечер и темная аллея, Уайльд, альбом Маврина, Лермонтов, Маркес* (в АС); *Герасим, Лермонтов, Карамзин, Маркес, Наполеон на острове Святой Елены; Одиночество - сволочь, одиночество – скука; один как перст; семеро одного не ждут; «Одиночество в сети»; «Сто лет одиночества»* и др. (в АЭ).

8. Грамматические ассоциаты отсутствуют в АС и АЭ.

Количественное соотношение вышеуказанных типов ассоциатов в процентах для данных АС и АЭ наглядно представлено на следующей диаграмме.

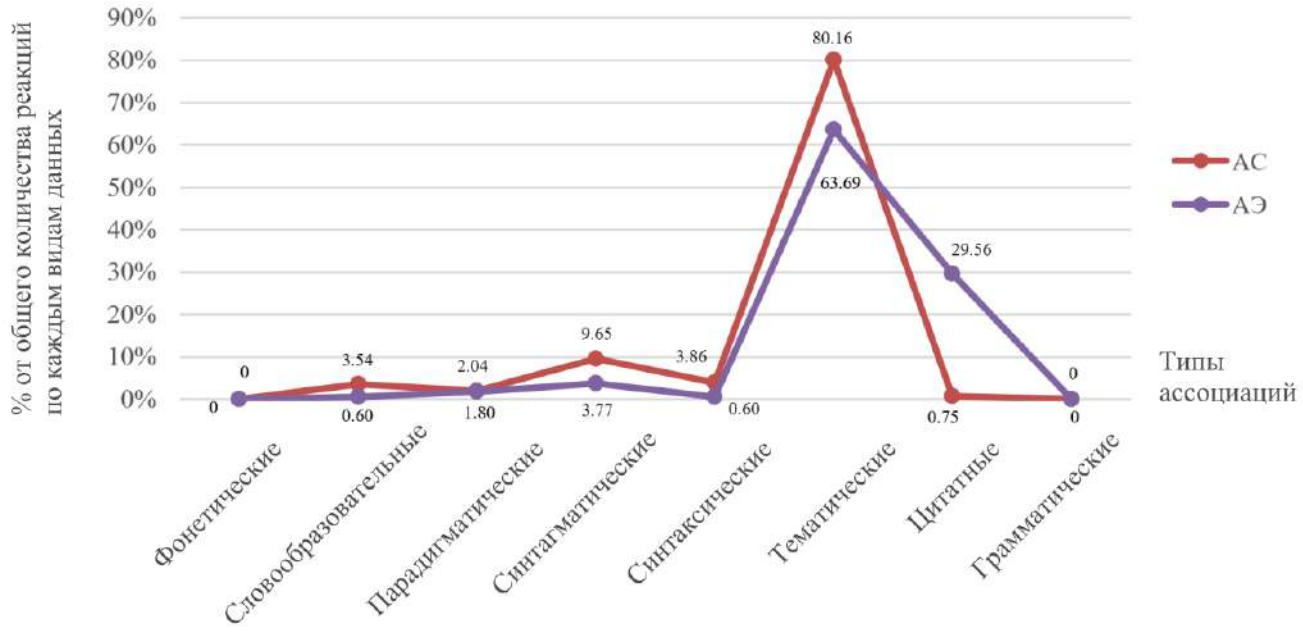

Диаграмма 2. Количественное соотношение типов ассоциатов на стимул «одиночество» по данным АС и АЭ

Общая тенденция количественного изменения типов ассоциаций по данным АЭ не сильно отличается от данных, представленных в АС, и доминирующее место по-прежнему занимают ассоциаты тематического типа. В данных АЭ, как и в АС, отсутствуют также фонетические и грамматические ассоциаты. Далее обратимся к качественному анализу каждого типа ассоциатов.

В данных АЭ представлено фольклорно-поэтическое прилагательное *один-одинёхонек* как словообразовательный ассоциат на стимул, а в данных АС приведено числительное *один* и его грамматические варианты – *одна* и *одно*. Можно предположить, что ассоциативный потенциал стимула «одиночество» заключается в производных от него словах разных частей речи.

При анализе парадигматических ассоциаций можно заметить, что в ходе АЭ были приведены ассоциаты, семантически сходные или частично совпадающие по значению со словом-стимулом (например: ассоциаты *уединение, изоляция*), в то время как в данных АС помимо этого вида ассоциатов представлены ассоциаты, противоположные по значению со словом-стимулом (например: ассоциаты *единение, единство*).

Что касается синтагматических ассоциатов, то различие в сочетаемости прилагательных со стимулом «одиночество» как отражение ассоциативного

потенциала слова не существенно в данных АС и АЭ. Следует подчеркнуть наличие притяжательного местоимения *мое* в качестве частотного ассоциата в данных АС для выделения принадлежности состояния одиночества субъекту. Это также реализуется грамматическим средством «имя существительное в форме единственного или множественного числа в родительном падеже» (например: ассоциаты *отшельника, человека, людей, души, любви, мыслей*), что отсутствует в данных АЭ. В результатах нашего эксперимента зафиксированы возвратные глаголы, выражающие подавленное эмоциональное состояние (например: ассоциаты *страшиться, бояться*), тогда как в данных АС представлены переходные глаголы (например: ассоциаты *вынести, переносить, пережить*), и половина из них оценочно нейтральна. Можно отметить стабильность ядерных ассоциатов на протяжении длительного периода времени.

Синтаксические ассоциаты в основном реализуются путем составления законченных предложений из стимулов и реакций. Стимул «одиночество» в данных АЭ выступает в качестве подлежащего в предложении (например: ассоциаты ***Одиночество*** *остро ощущается в старости;* ***Одиночество*** *– хорошая штука, но нужно уметь им пользоваться*), а в данных АС используется в качестве и подлежащего (например: ассоциаты ***Одиночество*** *– самая плохая вещь на свете;* ***Одиночество*** *– скверное настроение*), и дополнения (например: ассоциаты *Не люблю* ***одиночество****; Не знаю* ***одиночества***), что позволяет предположить, что представления о субъективном переживании одиночества встречаются реже. В данных АС также дается ряд ассоциатов, образующих грамматическую основу предложения вместе со стимулом (например: ассоциаты ***одиночество*** *пугает…;* ***одиночество*** *убивает …;* ***одиночество*** *гложет…*), что можно объяснить тем, что одиночество персонифицировано.

Тематические ассоциаты составляют значительную часть реакций в АЭ, поэтому по данным АС была аналогично проведена тематизация и выделены 16 ТГ, 15 из которых совпали с группами по данным АЭ. Для наглядности соотношение ТГ ассоциатов в АЭ и АС представлено в таблице. ТГ расположены в алфавитном порядке наименований групп.

Таблица 10. Количественные данные ТГ ассоциатов на стимул «одиночество» в процентном отношении (по данным АС и АЭ)

Наименования ТГ	Доля реакций (%) по данным АС	Доля реакций (%) по данным АЭ	Коэффициент прироста
1. Абстрактные понятия	2,54	3,21	0,264
2. Временные периоды природы и жизни человека	4,14	6,71	0,621
3. Животные	0,53	2,33	3,396
4. Заболевания и психологически дискомфортные состояния	0,81	3,79	3,679
5. Занятия, действия	1,07	5,25	3,907
6. Комфортные психологические состояния	1,47	7,00	3,762
7. Лица и их совокупности	5,75	5,54	-0,037
8. Локус одиночества	5,61	0	—
9. Мифологемы	0,53	1,74	2,283
10. Обиходно-бытовые реалии	4,55	10,50	1,308
11. Объекты ландшафта	0,40	2,91	6,275
12. Подавленное эмоциональное состояние, отрицательные эмоции	49,20	26,82	-0,455
13. Пребывание вне социальных связей	0,81	3,21	2,963
14. Природные феномены	3,48	8,16	1,345
15. Психоэмоциональное восприятие	9,22	10,50	0,139
16. Субъективно-оценочные слова	9,89	2,33	-0,764

Примечание – Минус (-) обозначает уменьшение коэффициента.

Как видим, ассоциаты, обозначающие локус одиночества в пространстве, (ТГ №8) отсутствуют в языковом сознании наших респондентов. Доля большинства тематических групп увеличилась, особенно это касается наименований животных и объектов ландшафта (ТГ №3 и №11), а также психо-физических характеристик (ТГ №4 и №6), что свидетельствует о тенденции к конкретизации ассоциативного потенциала одиночества в сознании респондентов. Показатели в эмоциональном переживании одиночества относительно стабильны, с незначительными увеличением и уменьшением (ТГ №12, №15 и №16), что указывает на постоянство

одиночества как аффективного состояния. Кроме того, начали чаще встречаться ассоциаты с культурными коннотациями (ТГ №9). Изменения в остальных ТГ незначительны.

Количество типов прецедентных феноменов отличается в АС и АЭ: в АС зафиксированы 6 ПИ и 1 ПС, в то время как в данных АЭ представлены 124 ПИ, 81 ПВ и 1 ПС (подробно см. параграф 2.3.3). Следует отметить, что увеличение количества ассоциатов прецедентного типа может быть обусловлена видом проведенного нами АЭ – цепочечным, при котором испытуемый не ограничен в количестве реакций и имеет возможность написать в анкете одну или несколько цитат.

Далее рассмотрим зафиксированные в тех же трех ассоциативных словарях [РАС 2002: 400; ЕВРАС 2014: 143-144; СИБАС 2014: 277] ассоциативные ряды на стимулы «одинокий» и «одинокая» для выявления сходств и различий в их составе в разных лексикографических источниках и в проведенном нами эксперименте.

Следует отметить, что во всех трех АС присутствует только стимул-прилагательное мужского рода «одинокий» в качестве заголовочного слова словарной статьи, под которым включены также реакции на стимул-прилагательное женского рода «одинокая», что объясняется тем, что в лексикографических данных не акцентируется грамматическая категория самого стимула и уменьшается внимание к субстантивации прилагательного. Поэтому реакции на два слова-прилагательные, полученные в нашем АЭ, рассматриваются интегрально.

В три словаря РАС, ЕВРАС и СИБАС соответственно включено всего 542, 533 и 502 ассоциатов, такми образом, значительных количественных различий между ними не наблюдается. На основании данных АС можно построить АВП «одинокий».

Таблица 11. АВП «Одинокий (-ая)» (по данным АС)

АС	Частотные ассоциаты на стимул «одинокий(-ая)»
РАС	**человек 119; мужчина 85; волк 33;** старик 25; путник 16; несчастный 11; дуб, странник 9; голос, пес, старый 7; парус, тополь 6; *дерево, один, столб, я 5; близкий, дом, друг 4; единственный, жалкий, пастух, холостой 3; грустный, грусть, дурак, куст, мужчина желает познакомиться, несчастье, парень, печаль, родственник, скука, старец, тоска, ужасно, утес 2*
ЕВРАС	**человек 115; волк 71; пастух 30;** один 20; странник 15; несчастный 13; грусть, парень 12; старик 9; *голубь, мужчина 7; покинутый, скучно, тополь 5; друг, дуб, парус, плохо, романтик, скука 4; бедный, дом, единственный, жалость, лебедь, путник, свободный, столб, тоска, холостяк, я 3; брошенный, воин, дед, жалкий, забытый, зверь, неудачник, орел, ослик, пустыня, спокойный, старость, художник 2*
СИБАС	**человек 84; пастух 56; волк 55;** мужчина 15; один; старик 11; грустный; несчастный 10; грусть; странник 9; *голубь; дуб 7; парень; парус; пес 6; путник; скука; я 5; воин; замкнутый; отшельник 4; дерево; печальный; пустота; романтик; столб 3; бедный; ворон; гусь; дом; единственный; изгой; лох; моряк; неудачник; никому не нужный; печаль; плохо; покинутый; путь; робкий; свободный; старец; тополь; уединение; утес 2*

Примечание – Ассоциаты с наибольшей частотностью выделены жирным шрифтом, ассоциаты с наименьшей частотностью выделены курсивом. Для наглядного выявления сходства и различия между зонами ядерной и ближней периферии единичные ассоциаты не приводятся.

В ядерную зону АВП попали высокочастотные ассоциаты *человек* и *волк*. Появление ассоциата *человек* обусловлено скорее тем, что этот ассоциат рассматривается как естественная лексическая коллокация со стимулом, которую респонденты приводят подсознательно. *Волк* в культуре часто рассматривается как символ одиночества и свободы, *одинокий волк* – это стереотипное представление в русском языковом сознании.

Зоны ядерной и ближней периферии АВП «одинокий», построенного на основе ассоциатов по данным АС, перекрываются на 69,9% (РАС), 70,3% (ЕВРАС) и 68,7% (СИБАС) соответственно, что составляет незначительное различие, которое указывает на относительное постоянство вербальных представлений о данном понятии, не зависящих от времени проведения эксперимента и региона проживания информантов.

Сопоставление данных АС и результатов нашего АЭ на основе классификации типов ассоциатов, предложенной А.П. Клименко, показывает, что

типов ассоциатов на стимул-прилагательное «одинокий (-ая)» гораздо меньше, чем на стимул-существительное «одиночество». В данных ассоциативных словарей могут быть выделены словообразовательные ассоциации, парадигматические ассоциации, тематические ассоциации и прецедентные ассоциации. В данных ассоциативного эксперимента выделяются словообразовательные ассоциаты, тематические и прецедентные.

Нужно отметить, что, учитывая, что стимул «одинокий (-ая)» относится к прилагательным по частеречной принадлежности, полученные на него реакции-существительные все образуют с ним лексические коллокации, и классифицируются как синтагматические ассоциаты, на которые пришлось 85,7% в данных АС и 63,7% в данных АЭ. В связи с грамматической формой стимула ограничены средства реализации ассоциатов данного типа, поэтому синтагматические ассоциаты представлены в более однородном виде и не будут здесь рассматриваться. В данных АС и АЭ ассоциаты других типов отсутствуют.

В данных АС приведено большее количество словообразовательных ассоциатов, чем в данных АЭ, например, *одиночка 39, один 36, одинока, одиночество* (в АС); *один 2* (в АЭ). Можно отметить, что ассоциативный потенциал стимульного слова проявляется в способности служить производящим для слов разных частей речи, что аналогично нашему предыдущему анализу словообразовательных ассоциатов на стимул «одиночество».

Парадигматические ассоциаты наблюдаются только в данных АС: *единственный 8; единичный; единый* и являются лакунными для данных АЭ.

Тематические ассоциаты количественно доминируют как в данных АЭ, так и в данных АС. По данным АС также проведена тематизация, которая аналогична тематической классификации результатов АЭ в параграфе 2.3.2. В результате было выделено 14 ТГ, из которых 13 совпали с тематизацией АЭ. Ниже в таблице показано соотношение ТГ. ТГ расположены в алфавитном порядке их наименований.

Таблица 12. Количественные данные ТГ ассоциатов на стимул «одинокий (-ая)» в процентном отношении (по данным АС и АЭ)

Наименования ТГ	Доля реакций (%) по данным АС	Доля реакций (%) по данным АЭ	Коэффициент прироста
1. Внешность человека	0,77	1,21	0,571
2. Временные периоды и жизни человека	0,63	5,24	7,317
3. Животные	15,75	9,68	-0,385
4. Занятия, действия	0,28	2,61	8,321
5. Звуки	0,91	0	—
6. Комфортные психологические состояния	0,70	3,23	3,614
7. Лица и их совокупности	55,91	39,72	-0,290
8. Локус одиночества	1,69	3,02	0,787
9. Материальные объекты	3,66	2,02	-0,448
10. Объекты ландшафта	0,91	1,41	0,549
11. Природные феномены	0,91	5,65	5,209
12. Психоэмоциональное состояние	10,27	8,67	-0,156
13. Растения	4,08	9,27	1,272
14. Свойство личности	2,04	7,26	2,559
15. Субъективно-оценочные слова	1,48	1,01	0,318

Примечание – Минус (-) обозначает уменьшение коэффициента.

Как видно из информации, представленной в таблице, ассоциаты, обозначающие звуки, не отображены в сознании наших информантов (ТГ №5). Значительное увеличение количества реакций, связанных с поведением (ТГ №4) и психологическим состоянием (ТГ №6) одинокого человека, и с его временн**ы**м (ТГ №2) и природным (ТГ №11) окружением, говорит о том, что этим моментам в состоянии одинокого человека в настоящее время придается большее значение. Незначительное увеличение тематических ассоциатов с наименованиями людей (ТГ №7), эмоций (ТГ №12) и субъективными оценками (ТГ № 15) указывает на то, что вербальные представления в этих доменах не расширяются и не сужаются, то есть остаются относительно стабильными.

Что касается прецедентных ассоциатов, то в данных АС их немного: *Жан Кокто* (французский писатель); *А.В. Суворов* (русский полководец); *«Робинзон Крузо»* (роман или имя героя романа), что количественно составляет различие по

сравнению с данными АЭ (подробнее см. параграф 2.3.3). Причина данного различия кроется, как уже было отмечено выше, в формате проведенного нами АЭ.

Основываясь на результатах проведенного анализа, полагаем, что ассоциативный потенциал слова «одиночество» при сопоставлении данных АС и АЭ демонстрирует такие взаимоотношения различных типов ассоциатов, как пересечение, расхождение и лакунарность. В целом ассоциативно-вербальное поле «одиночество», смоделированное по данным нашего АЭ, имеет сходство с полями, зафиксированными в указанных АС. Как справедливо утверждает Т.А. Гридина, «структура ассоциативного потенциала слова конгруэнтна структуре ассоциативного поля, в котором ядро и периферия не являются жестко заданными, отражая не только относительно константные ассоциативные стереотипы восприятия вербального знака, но и его многомерные вариативные проекции» [Гридина 2015: 149].

Таким образом, анализ словарных статей из АС в сопоставлении с данными нашего АЭ позволяет сделать следующие выводы о динамике стереотипных представлений об одиночестве и наличии следующих тенденций:

1. Динамика стереотипных представлений об исследуемом стимуле незначительна, что позволяет предположить, что одиночество воспринимается как устойчивое, постоянно существующее эмоциональное состояние, на которое не сильно влияют социальное развитие и региональные различия. Неизменными остаются неактуальность фонетических ассоциатов и незначительность словообразовательных и грамматических ассоциатов.

2. Наблюдаемые тенденции: а) к неуклонному увеличению доли (в среднем чистый прирост более, чем на четверть – 27,96%) реакций тематического типа с большей конкретизацией и к доминированию данного типа ассоциатов в русском языковом сознании; б) к значительному увеличению прецедентных ассоциатов в связи с расширением когнитивной базы носителей русского языка, а также условиями проведения АЭ.

Следующий параграф, посвященный лингвокогнитивному анализу фрейма «одиночество».

2.5. Фрейм ОДИНОЧЕСТВО в русском языковом сознании и языковой картине мира

Понятие фрейма в рамках когнитивной лингвистики обеспечивает быстрый доступ к одному из наиболее эффективных приемов для изучения принципов организации знаний в языковой системе, поэтому весьма актуальным оказывается разработка фреймовой структуры исследуемого нами понятия «одиночество», что позволяет выявить стереотипное представление, существующее в языковом сознании представителей русской лингвокультурной общности.

Материалом для анализа служат словарные статьи в лексикографических источниках, ассоциаты, полученные в ходе проведенного нами свободного цепочечного ассоциативного эксперимента и иллюстративные контексты сайта «Национальный корпус русского языка» (далее – НКРЯ).

В параграфе 2.1. было отмечено, что в основных современных толковых словарях русского языка приводится отсылочная дефиниция существительного *одиночество*: «состояние одинокого человека». Анализ трех конкретизированных значений лексемы *одиночество* на основе словарных значений лексемы *одинокий* позволяет выделить четыре обязательных слота фрейма «Одиночество».

Слот 1: «Субъект» – человек, который испытывает эмоцию одиночества и переживает состояние одиночества.

Слот 2: «Другие люди», которые сосуществуют с «субъектом» в социальном контакте.

Слот 3: «Каузация» – факторы, способствующие порождению и появлению одиночества.

Слот 4: «Расстояние» – пространственный промежуток между «субъектом» и «другими людьми».

По данным тематических групп путем классификации ассоциатов, полученных в результате ассоциативного эксперимента, можно сформировать следующие слоты моделируемого нами фрейма: 1) слоты, совпадающие с теми, что были выделены на основе анализа словарных дефиниций; 2) дополнительные слоты. Рассмотрим материал ассоциативного эксперимента подробнее,

подтверждая выделяемые слоты или терминалы данными иллюстративных контекстов НКРЯ.

1) Слоты, совпадающие с выделенными слотами на основе анализа словарных дефиниций

Слот 1. Субъект. Этот слот формируют такие ассоциаты-наименования лиц, как *мужчина, женщина, человек, одиночка, старик* и др.

Слот 2. Другие люди: ассоциаты *друзья, толпа, семья* и др.

Слот 3. Каузация: ассоциаты *отсутствие родных, нет партнера, без друзей* и др.

Слот №3 подтверждается следующими примерами из НКРЯ:

(1) *Но проблема* ***одиночества***, ***отсутствия любви и понимания*** *в жизни каждого из нас не перестает быть актуальной и даже становится все более неразрешимой* (Мария Огаркова. Эликсир отрезвления. О книге Елены Сафроновой «Портвейн меланхоличной художницы» // «Бельские просторы», 2018);

(2) ***Детей и родных у неё****, видимо,* ***не было*** *и, должно быть, её часто одолевала грусть и* ***одиночество*** (Мария Гринёва. Дом счастья // «Менестрель», 2015);

(3**)** ***Старший сын вырос, уехал учиться*** *в колледж, приезжал к родителям только на каникулы, и вечерами и по выходным их уютная, ухоженная квартира дышала* ***одиночеством*** *и пустотой* (Елена Литинская. В руках Божьих // «Ковчег», 2015).

В примере (1) контекстуальный уточнитель указывает на то, что субъект чувствует себя одиноким из-за отсутствия эмоционального общения с другими. В контексте (2) контекстуальный уточнитель указывает на отсутствие родственников и детей как внешнюю причину одиночества. В ситуации, описанной в примере (3) редкое общение старшего сына с родителями рассматривается как объективная причина возникновения одиночества. Ситуации одиночества в приведенных контекстах можно отнести к разряду «межличностного одиночества», под которым понимается состояние изоляции субъекта от других индивидуумов.

Важно отметить, что в слот 3 входят два терминала: «объективная каузация»

и «субъективная каузация». Соответствующим наполнением последнего терминала являются такие ассоциаты, как *эгоизм, аскетизм, отшельничество, беда*. Иллюстративные примеры находим в НКРЯ:

(4) *Некоторые мужчины лишают себя самых простых радостей, что приводит к* ***ощущению собственной ненужности***, ***одиночества*** *и* ***холода в семье*** (Адриана Имж. О чем молчат мужчины (15.02.2018) // «Сноб», 2018). В данной ситуации причина возникновения одиночества заключается в том, что мужчины сами подавляют свои положительные эмоции, не позволяют себе радоваться простым каждодневным мелочам. Подобные ситуации можно рассматривать как реализацию «внутриличностного одиночества».

Следует обратить внимание на «статус субъекта» как имплицитный фактор, включенный в субъективную и объективную каузации одиночества. В примере (3) таким фактором служит возраст родителей старшего сына-студента.

Слот 4. Расстояние – пространственный промежуток между «субъектом» и «другими людьми». Слот формируется такими ассоциатами, как *уединение, разлука, самоизоляция, изоляция, быть порознь* и др. Полученные ассоциаты позволяют выделить 2 терминала: «физическое расстояние» и «духовное расстояние». Под первым понимается визуальное расстояние между субъектом и другими людьми, которое можно измерить и выразить в единицах длины, а второе рассматривается как абстрактное эмоциональное, психологическое и духовное удаление или близость между двумя субъектами.

Контекстуальные уточнители в примере (4), приведенном выше, маркируют духовное расстояние между субъектами-родственниками.

Рассмотрим следующие примеры из НКРЯ:

(5) *Мой дед со стороны отца еще переписывался с двоюродной сестрой, жившей на северо-западе Уэстерн-Хайлендс; она была уже старушка, жила одна, в совершенном* ***одиночестве***, ***далеко от всего*** *и, по-видимому, была мужественная старушка* (митрополит Антоний (Блум). Без записок (1973)).

(6) *Однако сейчас значение этой социальной роли снижается, так как* ***внуки часто живут далеко*** *и включены в деятельность различных социальных*

институтов, что в свою очередь приводит к увеличению ***одиночества*** *и* ***социальной изоляции*** *пожилого человека.* (Информационные технологии в исследовании благополучия пожилых людей // «Информационное общество», 2015).

Контекстуальный уточнитель показывает, что субъекты в ситуациях находятся в физической изоляции. Данную ситуацию также можно отнести к проявлению «межличностного одиночества» и рассматривать как подтверждающий контекст для терминала «объективная каузация».

Далее, основываясь на результатах ассоциативного эксперимента, выделим другие обязательные и факультативные слоты фрейма «одиночество».

2) Дополнительные слоты, не выделяемые на базе словарных дефиниций

Слот 5. Реакция субъекта – разного типа ответ субъекта на состояние одиночества. С учетом многоплановости влияния одиночества на субъекта внутри данного слота выделяются четыре подслота.

Подслот 5.1. Эмоция. Ассоциаты, формирующие подслот: *равновесие, спокойствие, радость, грусть, тоска, скука, печаль, горе*. Данные ассоциаты показывают двойственность одиночества как эмоции: «положительная эмоция» и «отрицательная эмоция», которые можно рассматривать как два терминала в этом слоте. В НКРЯ находим контексты, в которых может быть реализован каждый из этих двух терминалов.

(7) *Все же есть в сиротском* ***одиночестве*** *странная, глубокая щемящая* ***радость освобождения и блаженства****, — словно ты* ***поднялся*** *над обыденностью* ***на ступень выше*** (Анна Русских. Не спрашивай почему, или дождливое лето // «Дальний Восток», 2019). В предлагаемой ситуации с помощью контекстуальных уточнителей передается положительная оценка испытываемой эмоции.

(8) *Я был тихим и скромным мальчиком, с трудом заводил знакомства, в школе имел двух друзей, расстаться с которыми для меня было бы катастрофой, — за всю свою жизнь ни с кем, кроме них, я никогда не дружил, и мысль о полном* ***одиночестве ужасала*** *меня* (Наталья Емельянова. Путешественник // «Дальний Восток», 2019). В данной ситуации субъект («я») не сталкивается с одиночеством,

но даже мысль о нем вызывает чувство сильного страха. Передается негативное чувство с помощью глагола-контекстуального уточнителя.

Подслот 5.2. Восприятие – ощущение и переживание субъектом одиночества как состояния. На основе ассоциатов тематической группы «Психоэмоциональное восприятие», таких, как *саморазвитие, самодостаточность, самостоятельность, независимость, беспомощность, безысходность, неустроенность, беда, удел, печальный итог жизни*, можно выделить два терминала данного подслота: «положительное восприятие» и «отрицательное восприятие», как и в предыдущем слоте. Рассмотрим следующие два иллюстративных примера положительного восприятия одиночества:

(9) *В то же время стремление к **одиночеству** и **желание насладиться единением** с природой и дикими формами жизни является прямой отсылкой к романтизму* (А.А. Голубкова. Точность и конструктивное многообразие // «Волга», 2016). В данной ситуации формируется и выражается представление, что одиночество может рассматриваться как стремление к природе и романтической жизни.

(10) *Возможность побыть в **одиночестве** — тем более свободно передвигаться — оценивается специалистами в области детства как один из самых сильных социализационных механизмов, имеющих основополагающее значение для детского физического, социального, познавательного и эмоционального развития* (Алёна Лесняк. Мама следит за тобой: как цифровой контроль меняет отношения детей и родителей (04.2019)). В этом примере одиночество воспринимается как способствующее развитию организма и эмоций детей, свободному формированию их личности.

Рассмотрим другой пример отрицательного восприятия одиночества:

(11) *Но я в сущности очень одинокий человек, несмотря на множество друзей, приятелей и сотрудников. И это **одиночество**, похоже, невосполнимо* (Аркадий Мацанов. Горечь полыни на губах // «Ковчег», 2013).

В следующем примере описывается комбинация положительного и отрицательного восприятия одиночества:

(12) *В каком бы любящем доме ни рос человек, какие бы чуткие люди его ни окружали — когда-то наступает миг осознания* ***одиночества*** *в большом мире и одновременно — его открытости, так что невозможно не* ***ужаснуться*** *и не* ***восхититься одновременно*** (Александр Бобраков-Тимошкин. Чудотворец // «Русская жизнь», 2012). В приведенном примере контекстуальные уточнители указывают, что при столкновении с объективным миром в сознании субъекта может возникнуть сложное пересечение положительного и отрицательного восприятия одиночества.

Подслот 5.3. Поведение – поступки и действия, совершаемые субъектом в состоянии одиночества. Ассоциаты-наполнители данного слота можно вывести из тематической группы «Занятия, действия»: *взвыть, плодотворно работать, медленно и неспешно ходить по квартире, размышлять*. В НКРЯ имеется большое количество подтверждающих контекстов, в которых контекстуальные уточнители представляют собой глаголы. Приведем типичные примеры:

(13) *— Наверное! —* ***сказал*** *он довольно* ***громко****, дабы не чувствовать себя в* ***одиночестве*** (Егор Куликов. Дорога домой // «Дальний Восток», 2019).

(14) *Не в силах больше бродить в* ***одиночестве*** *и тишине, Антон начал* ***кричать*** (Егор Куликов. Дорога домой // «Дальний Восток», 2019).

(15) *Закрыла девочка ладошками глаза, чтобы не видеть этого и* ***заплакала*** *от обиды и* ***одиночества*** (А.Г. Асмолов. Дашина сказка (2015)).

(16) ***Одиночество*** *меня добило — я кричал что-то в небо,* ***грозил*** *ему* ***кулаком*** (В. П. Астафьев. Не хватает сердца (2015)).

(17) *Однако со временем эти следы исчезли: вероятно, девочка* ***смирилась*** *с долгими часами* ***одиночества****, привыкла* (Гузель Яхина. Дети мои (2018)).

Формы поведенческой реакции на одиночество у субъекта, находящегося в различных ситуациях, можно разделить на два основных типа – «противодействие одиночеству» (см. примеры (13–16)) и «смирение с одиночеством» (см. пример (17)), которые являются двумя терминалами в данном подслоте. Важно отметить, что на основании приведенных примеров можно утверждать, что противодействие одиночеству чаще выражается вербально (см. контекстуальные уточнители).

Подслот 5.4. Оценка – субъект или другие люди дают характеристику собственному одиночеству или одиночеству других людей, определяя его качественные признаки. В тематической группе «Субъективно-оценочные слова» находим такие ассоциаты, как *плохо, долгожданное, гордое, полное, прекрасно, страшное*, которые формируют данный слот. На основе оценочно-эмоциональной окраски ассоциатов можно выделить два терминала: «позитивная оценка» и «негативная оценка». Рассмотрим следующие подтверждающие примеры об оценке негативной:

(18) *Совсем с лица спал? Тебе* ***одиночество не на пользу****. — Я… по делам ездил…* (Г.М. Артемьева. Фата на дереве (2012)).

(19) *Часы* ***одиночества*** *под холодным небом этой зимы, как и часы* ***одиночества*** *под расписными и дубовыми потолками жутко-прекрасного дома —* *То были самые* ***томительные, властно старящие*** *сроки из всех сроков Зоиной жизни* (И. С. Рукавишников. Проклятый род (1912)).

Физические характеристики субъекта, находящегося в одиноком состоянии, также заслуживают внимания, поэтому необходимо выделение еще одного слота.

Слот 6. Физическое состояние организма. В тематическую группу «Наименования заболеваний и дискомфортных состояний» входит ряд ассоциатов, указывающих на то, что органы тела работают в некомфортном состоянии: *депрессия, бессонница, теснота в груди, замирание сердца*. Рассмотрим контексты из НКРЯ:

(20) *Справить по хозяйству, я всё справлю, но вот от* ***одиночества*** *даже* ***голова болит*** (В.С. Савельев. Дневник (1973)).

(21) ***Психоз, сенильная деменция****… Во всем, во всем виновато одиночество! Когда ему было семь лет, мать с отцом развелись* (Михаил Окунь. Дикое поле (2013) // «Волга», 2014).

Слот 7. Пространство. В тематической группе «Наименования объектов ландшафта» имеются ассоциаты *лес, берег озера, остров, космос, водная гладь.* Рассмотрим два подтверждающих контекста:

(22) *Говорит, что ей нравится контраст: холод полного* ***одиночества у***

тенистого берега *и тепло солнечных лучей, пробивающихся из-за крыш и деревьев на середину озера* (Ольга Новикова. Мужской роман (1999)).

(23) *Вечером, когда он остался один* ***в пустом кабинете*** *и снова ощутил свое* ***одиночество****, он, конечно, позвонил ей....* (Григорий Пашковский. А потом пошел снег // «Октябрь», 2013).

Как видно из приведенных примеров, пространство может быть открытым – берег озера и замкнутым – пустой кабинет. Соответственно, могут быть выявлены два терминала: «открытое пространство» и «закрытое пространство».

Терминал «закрытое пространство» формируется ассоциатами тематической группы «Наименования обиходно-бытовых реалий»: *книга, плед, вино, квартира, ванна, сериал, телевизор, подоконник, окно.* Данный терминал служит тем локусом, в котором происходит пересечение слотов «пространство» и «восприятие одиночества». Своеобразным символом одиночества и спасения от него служит оппозиция тьма – свет, см. следующие примеры из НКРЯ:

(24) *Хлопнув дверью, отец вышел из комнаты. Парень остался лежать в* ***одиночестве****. Ему казалось, что* ***тьма****, наполнявшая комнату, из домашней снова превратилась в больничную, но мысль о стихах почему-то не приносила той отрады, которую приносила в больнице* (Ю.И. Лунин. Три века русской поэзии // «Волга», 2016).

(25) *Впрочем, допускаю, что по-настоящему зацепили меня вовсе не мифологические премудрости, а только один удачно найденный символ: «Он» живет в Доме один, и всё же каждый вечер, возвращаясь домой, видит* ***свет*** *(фонарики зажигает сам одушевленный Дом), потому не чувствует* ***одиночества*** (Людмила Шутько. «На земле вожделея полета…» // «Ковчег», 2015).

Слот 8. Время. Данный слот формируют ассоциаты *осень, ночь, зима, время, белые ночи*, отнесенные нами к тематической группе «Наименования временных периодов». Анализ типичных контекстов НКРЯ приводит к выводу, что *вечер* как часть суток чаще ассоциируется с «одиночеством». Приведем примеры:

(26) *Ведерников спрашивал себя, почему он никак не привыкнет к* ***вечернему одиночеству****, почему именно в эти часы все так неинтересно, невкусно, не хочется*

ни пирожков, ни интернета, ни нового фильма (О.А. Славникова. Прыжок в длину (2014-2016)).

(27) *И в **одиночестве** он встречал очередной апрельский **вечер**, который закутал, как в саван, дома и улицы* (Алексей Шинкеев. Мечты апреля // «Точка зрения», 2013).

Слот 9. Природа. Ассоциаты: *холод, дождь, природа, пасмурная погода, завывание ветра, серое небо, туман, тень, звезда*. Данный слот может являться подслотом слота «каузация», так как состояние природы, природные феномены могу вызывать у субъекта состояние одиночества, но одновременно природа, погодные условия могут лишь подчеркивать, или усугублять уже испытываемое субъектом состояние одиночества. Приведем подтверждающий пример из НКРЯ:

(28) *Красно-зелено-буро-бирюзовый **вересковый ковер** колыхался над застывшей лавой, в полуозерцах-полубухточках отражались **кактусовые деревья**, **крабы** испаряли воду со своих красных мультипликационных панцирей, **кораллы** и **ракушки** похрустывали сами по себе… я был один посреди Земли и даже космоса, как в спутнике; не было никого вокруг на семьсот тысяч лет, только какое-то космическое **одиночество —** и космический восторг от божьей красоты вокруг* (Л.А. Данилкин. Рожденные эволюцией (2016)). С помощью наименований растительного и животного мира в качестве контекстуальных уточнителей создается мирный и красивый приморский пейзаж, на фоне которого субъект переживает так называемое «космическое одиночество», характеризующееся обособленностью и чувством потери связи с бытием.

Слот 10. Философское восприятие. В тематической группе «Наименования абстрактных понятий» находим ассоциации, связанные с «космическим одиночеством», такие, как *мудрость, социальная проблема, вечность, чувство, мысли*. На наш взгляд, философские размышления об одиночестве можно рассматривать как третью разновидность состояния одиночества – экзистенциальное одиночество. Приведем подтверждающие примеры из корпуса:

(29) *Небывалое расширение внешнего и внутреннего миров, открытие новых бездн в небе и человеческой душе привели к ощущению человеком своего*

неизбывного одиночества *в мироздании, отлученности от жизни и от себя* (Андрей Козырев. Введение в систему Джордано Бруно // «Менестрель», 2014).

(30) *И герои экзистенциальным* ***одиночеством*** *не мучаются, что, на мой взгляд, не может не радовать…* (Ольга Дилакторская. История с человеческим лицом // «Дальний Восток», 2019). В приведенном примере автор критически относится к данному виду одиночества.

Таким образом, в результате проведенного лингвокогнитивного анализа фрейма «одиночество» было выделено десять слотов (и пять подслотов), восемь из которых имеют в своей структуре терминалы. Отметим, что база иллюстративных контекстов, созданная нами на основе материалов НКРЯ, включает в целом 94 единицы. В ходе анализа были приведены 30 наиболее типичных примеров из сформированной картотеки. Было рассмотрено 300 ассоциатов для заполнения слотов фрейма, по данным которых распределение тематических групп четко согласуется с выделением слотов. Распределение данных ассоциатов и контекстов по анализируемым слотам наглядно показано в таблице.

Таблица 13. Количество заполняющих и подтверждающих каждый выделенный слот фрейма «одиночество» ассоциатов и контекстов

База данных	**№ слота**	**1**	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**	**8**	**9**	**10**	**Общее**
Ассо-циатов	Количество	13	5	8	11	178	13	10	23	28	11	300
	Процентное соотношение	4,3	1,7	2,7	3,7	59,3	4,3	3,3	7,7	9,3	3,7	100
Контек-стов	Количество	—	—	18	4	43	5	12	4	4	4	94
	Процентное соотношение	—	—	19,1	4,3	45,6	5,3	12,8	4,3	4,3	4,3	100

Примечание – Слот 1 и слот 2 являются необходимыми по умолчанию в структуре фрейма и встречаются в каждом контексте. В связи с этим в таблицу не включена количественная информация о первых двух слотах.

С учетом того, что фрейм по своей сути оказывается «максимально обобщенной и поэтому универсальной системой репрезентации самой разнообразной информации и предполагает задание его конкретной структуры и содержательного наполнения суперординатных узлов самим исследователем» [Шабес 1990: 72], представляем предлагаемую нами структуру фрейма

«одиночество» в форме схемы в конце данного параграфа.

На схеме слоты представлены сплошными кружками, подслоты – пунктирными кружками, терминалы – прямоугольниками, связи между слотами – пунктирными прямыми линиями, сильные связи в соответствиях между компонентами фрейма – сплошными стрелками, слабые связи – пунктирными стрелками, три концептуальные разновидности одиночества – ромбами.

Таким образом, смоделированный нами фрейм выступает как структура данных – целостный образ, который человек извлекает из своей памяти, когда пытается познать новую для себя ситуацию погружения в эмоциональное состояние, называемое одиночеством, ситуацию, с которой он сталкивается впервые, или по-новому осмыслить уже привычное состояние, как своё собственное, так и окружающих людей.

Далее обратимся к разработке фрейма «одинокий человек» в следующем параграфе.

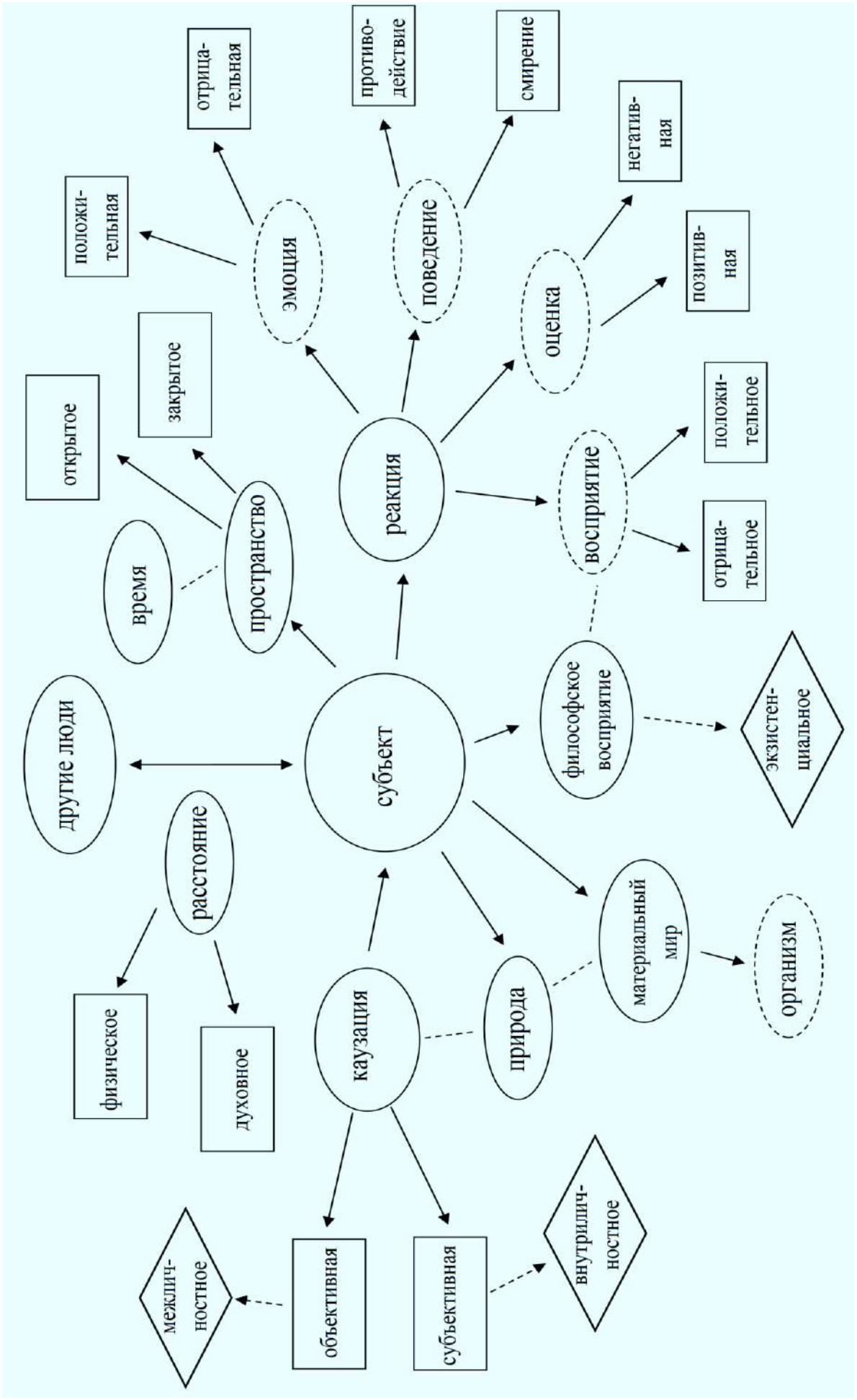

Схема 1. Структура фрейма «одиночество» в русском языковом сознании

2.6. Фрейм ОДИНОКИЙ ЧЕЛОВЕК в русском языковом сознании и языковой картине мира

При семантико-когнитивном моделировании фрейма «Одинокий человек» применяется методика анализа, аналогичная использованной при рассмотрении фрейма «Одиночество» в предыдущем параграфе.

Данный параграф основан на статье автора: Синь Лумин. Фрейм «Одинокий человек» в русском языковом сознании: лингвокогнитивный подход // Ученые записки Новгородского гос. ун-та – 2023. – № 6(51). – С. 694-703.

Путем анализа словарных дефиниций лексемы *одинокий* (подробнее в параграфе 2.1) можно выделить два обязательных слота фрейма «одинокий человек»:

Слот 1: «субъект» – лицо, испытывающее эмоцию одиночества и пребывающее в данном состоянии.

Слот 2: «каузация» – предпосылка, приводящая к нахождению субъекта в состоянии одиночества.

При анализе данных, полученных в результате ассоциативного эксперимента на стимулы «одинокий / одинокая», мы не полностью опираемся на классификацию по тематическим группам (ТГ) в связи с тем, что некоторые из групп не обладают высокой степенью релевантности для понятия «одинокий человек», например, такие как ТГ «Наименования обиходно-бытовых реалий», ТГ «Наименования животных» и ТГ «Наименования объектов ландшафта», и что ассоциаты, включенные в отдельные группы, могут формировать разные слоты в фрейме, например, такие группы как ТГ «Наименования лиц и их совокупностей» и ТГ «Субъективно-оценочные слова».

Важно отметить, что слоты, составляющие моделируемую нами структуру фрейма, делятся на две категории: 1) слоты, совпадающие со слотами, выделенными выше на основе проанализированных лексических определений; 2) дополнительные слоты, полученные при анализе материала ассоциативного эксперимента. Далее рассмотрим выделенные на основании приведенных респондентами ассоциатов слоты и терминалы и приведем иллюстративные

контексты для подтверждения их валидности и обоснованности.

1) Слоты, совпадающие со слотами, выделенными на основе анализа словарных дефиниций

Слот 1. Субъект. Этот слот формируется ассоциатами, называющими лиц в родовом значении или их совокупности, такие как *человек*, *люди, личность*.

Слот 2. Каузация. Ассоциаты: *нет семьи, нет родных, без связей*, *без поддержки, не нашедший понимания* и др. Данный слот может быть подтвержден следующими примерами:

(1) *И тут вдруг представился мне Макарьев* ***одиноким*** *ребенком,* ***брошенный всеми, без друзей, подруг,*** *и я подумал, что хорошо бы ему найти хоть муху, чтобы перезимовать* (М.Б. Бару. Замок с музыкой // «Волга», 2013);

(2) *Нам* ***не дано понять глубинность*** *друг друга. Поэтому мы* ***одиноки****». Но тем не менее, «человеку нужен воздух, рыбе — вода, а дереву — свет* (Эльвира Каримова. Другое небо Шага // «Бельские просторы», 2013).

В приведенных ситуациях контекстуальные уточнители *брошенный всеми, без друзей* и *не понять глубинность* показывают причины, в силу которых люди одиноки.

Далее, основываясь на результатах ассоциативного эксперимента, выделим другие слоты фрейма «одинокий человек», не выводимые из словарных дефиниций.

2) Дополнительные слоты, не выделяемые на базе словарных дефиниций

Слот 3. Общие физиологические характеристики человека. По данным ассоциатов, в этом слоте можно выделить три подслота.

Подслот 3.1. Характеристика по полу. Ассоциаты: *женщина* и *мужчина*. Согласно нашему предыдущему анализу (см. параграф 2.2), в русском языковом сознании не наблюдается значительных различий между лицами мужского и женского пола в представлении об одиноком человеке, поэтому подтверждающие контексты НКРЯ об одиноких лицах разного пола здесь приводить не будем.

Подслот 3.2. Возраст. Данный слот формируют такие ассоциаты, как *старик, старушка, бабушка, девушка, парень, ребенок, девочка, мальчик* и др., что показывает, что одиноким человек может быть в любом возрасте. Условно

выделяются 4 возрастных периода: детство, молодость, зрелость и старость. Соответственно, можно выделить 4 терминала. Рассмотрим подтверждающие контексты в корпусе:

(3) *И с каждым годом* ***одиноких детей*** *в России становится все больше и больше (Елена Костюк.* Детских домов не останется. Когда-нибудь // «Время МН», 2003);

(4) *Пустая церковь,* ***одинокий парень*** *в спортивном костюме стоит на коленях и истово молится* (Л.З. Копелев. Дневник (1982));

(5) *В комнатку ее, за кухней, вселили* ***дамочку одинокую****, лет уж под пятьдесят ей тогда было, не меньше* (Валерия Иванова. Льдинки // «Сибирские огни», 2012);

(6) ***Старичок одинокий****, Женька нашел его, когда отдыхал в Анапе* (О.А. Славникова. Прыжок в длину (2014–2016)).

Анализ контекстуальных ситуаций показывает, что одиночество, как постоянное состояние бытия, может переживаться субъектами всех возрастов.

Слот 4. Поведение и образ жизни одинокого человека. Ассоциаты: *поиск, расставание, выбор, чтение, развлечения, вязание* и др. В зависимости от каузации можно выделить два терминала: поведение «желаемое» и «вынужденное», которые находят подтверждение в следующих контекстах:

(7) *Я опять одна, опять сама,* ***одинока****, спокойна,* ***сильна работой*** (О.Н. Ковалёва. Дневник (1984)).

(8) ***Одинокие*** *много* ***читают****, но мало говорят и мало слышат, жизнь для них таинственна* (А. П. Чехов. Случай из практики (1898)).

Слот 5. Социальные характеристики. Слот может быть разделен на три подслота.

Подслот 5.1. Идентификация по роду занятий. Некоторые виды деятельности подразумевают, что человек занимается ими в одиночку. Ассоциаты: *путник, воин, пастух, ковбой, отшельник, поэт, моряк, охотник, следопыт,* и др. Рассмотрим примеры:

(9) ***Одинокий пастух*** *наигрывает приятную мелодию на инструменте своих*

предков (Наталья Голованова. Под музыку сиреневых лун (2015));

(10) *Он был **одинокий охотник**, живший там, где пожелает остановиться его душа* (Александр Григоренко. Ильгет. Три имени судьбы // Урал, 2013).

Подслот 5.2. Идентификация по семейным связям. Ассоциаты: *холостяк, вдова, мать-одиночка, незамужняя, дева, бобыль, вдовец, разведенка* и др. Все эти ассоциаты указывают на эмоциональный субъект, которому не хватает взаимных отношений. Приведем подтверждающие примеры из НКРЯ:

(11) *И нет никакого уродства в судьбе **одинокой** женщины, **разведенной** — в моей судьбе* (А.Н. Бузулукский. Учительницы (2015) // «Волга», 2016);

(12) ***Одинокий, холостой** мужчина, я как-то не особо склонен к занятию кулинарией* (Андрей Клепаков. Опекун // «Волга», 2016).

Подслот 5.3. Социальный статус или роль – положение человека в обществе и связанная с ним модель поведения человека. Ассоциаты: *бродяга, волк-одиночка, беглец, герой, индивидуалист, интригующий, карьеристка, страдалица, феминистка, эгоист, пенсионерка* и др. Приведем типичные примеры из НКРЯ:

(13) *Мы **одинокие беглецы**, возвращающиеся на родину, и хотим просить помощи у твоего племени...* (И.А. Ефремов. На краю Ойкумены (1945-1946)).

(14) *Это за годами **одинокая** пенсионерка черта с два уследит — так и несутся, так и мелькают, — а день ее тянется как резиновый* (Андрей Волос. Из жизни одноглавого // «Октябрь», 2013).

В примере (13), беглец, только что вернувшийся в свою страну, может чувствовать себя оторванным от родины, что может привести к ощущению социальной изоляции и одиночества. В примере (14) пенсионерка может испытывать ощущение одиночества, особенно если не имеет активного социального круга или поддержки.

Слот 6. Личные свойства – устойчивые индивидуальные особенности, сформировавшиеся в течение жизни конкретного человека, которые позволяют характеризовать его с социально-психологической точки зрения. С опорой на классификацию составляющих в структуре личности А.Г. Маклакова [Маклаков 2001: 472] в нашем материале можно выделить два подслота: «характер» и

«темперамент».

Подслот 6.1. Характер. Обоснование существования этого подслота можно найти в следующем примере:

(15) *Если мужчина **одинок**, то только потому, что он сам так хочет **в силу особенностей характера** и менталитета* (Александра Маринина. Последний рассвет (2013)). Ассоциаты, формирующие данный подслот в нашем материале: *гордый, независимая, скромный, стеснительная, самостоятельный, закрытый, скрытный, холодный, сильный, вредность, жадность, простота* и др. Рассмотрим примеры:

(16) *И он жил **одинокий** и **гордый**, знающий, что пусть нескоро, а слава к нему придет, и творил пейзажи и стихи* (С.М. Голицын. Записки уцелевшего (1980-1989));

(17) *Есть люди, которым это состояние присуще как постоянное свойство — сильные **одинокие** души, последней своей глубиной всегда **закрытые** и самодостаточные* (Владимир Леви. Искусство быть собой (1973)).

Подслот 6.2. Темперамент. Данный слот формируют такие ассоциаты, как *спокойный, замкнутый, нелюдимый, тихий, уравновешенный, терпеливость, стойкость, настойчивость*. Рассмотрим подтверждающие корпусные примеры:

(18) *Конечно, он оставался поэтом **одиноким**, **меланхоличным**, острым, ироническим и **замкнутым в себе** — одним словом — декадентом* (Г.И. Чулков. Годы странствий (1930));

(19) *Женщина была **одинока**, но чрезвычайно **терпелива** к своему одиночеству* (Виктория Беломлинская. «...Где пасешь ты? Где отдыхаешь в полдень?» // «Звезда», 2003).

Слот 7. Эмоционально-оценочные характеристики. Внутри данного слота выделяются два подслота:

Подслот 7.1. Эмоциональное самовосприятие субъекта, находящегося в состоянии одиночества. Данный подслот формируется на базе таких ассоциатов, как: *свобода, несчастье, саморазвитие, невезучий, тяжело* и др. Рассмотрим примеры:

(20) *«Я вполне **гармонично ощущаю** себя в статусе **одинокого** человека и не понимаю людей, которые всеми силами пытаются его изменить* (Кенан Малик, Люся Ширшова. «Я — синглтон». Почему людям для счастья больше не нужны отношения (03.2019));

(21) *И за час до выхода в генеральную репетицию я остро почувствовал себя **одиноким, несчастным**, никому на свете не нужным и т. д.* (Вениамин Смехов. Театр моей памяти (2001)). На основании приведенных ассоциатов и иллюстративных примеров можно выделить 2 терминала из этого подслота: самовосприятие «позитивное» и «негативное».

Подслот 7.2. Оценка одинокого субъекта другими людьми. Ассоциаты: *грустный, печальная, беспомощный, забытая, лишняя, проклятый, самодовольный, страдающая, трогательная, умная, странная, успешный* и др. В соответствии с эмоционально-оценочной окраской можно выделить два терминала: оценка «положительная» и «отрицательная». Рассмотрим следующие два иллюстративных примера:

(22) *Бесконечно **одинокий и счастливый**, он брел по пустынным улицам, а над ним шелестели крыльями его голуби.* (Юрий Буйда. Тема быка, тема льва (1998));

(23) *Он «**одинок и грустен**». Ушедшая первая любовь заставила его **тяжко** страдать* (Виктор Вайнерман. «Я — золотистый рыцарь, жизнь посвятивший мечте» // «Менестрель», 2013).

Слот 8: Жизненные обстоятельства – сложившаяся ситуация в жизни одинокого человека. Можно выделить два подслота: «локация» и «временной период».

Подслот 8.1. Локация – пространственное нахождение одинокого человека. Ассоциаты, обозначающие пространственные объекты, местоположение, обстоятельства, влекущие за собой нахождение в замкнутом пространстве: *дом, планета, в небе, в поле, в мире, на севере, на горной вершине, на карантине, в самоизоляции* и др. Рассмотрим два контекста:

(24) *В снег храм был сказочным прибежищем **одинокого** путника **в горах***

(Г.М. Артемьева. Фата на дереве (2012)). В данной ситуации акцентируется маленький и одинокий образ путника среди гор.

(25) *Часто он оказывается **одиноким**, так как создает **ситуацию самоизоляции*** (Ирина Соловьева, Валентина Москаленко. Роли, которые нас выбирают // «Психология на каждый день», 2011).

Подслот 8.2. Временной период. Ассоциаты, заполняющие данный подслот, являются номинациями периодов жизни человека, наименованиями частей суток, абстрактными наименованиями, метафорическими единицами обозначения времени: *старость, вечер, месяц, вечность, смерть, осень* и др. Приведем два иллюстративных контекста:

(26) *65 % жителей Москвы и Санкт-Петербурга уверены, что не стали бы сохранять фактически распавшийся брак из-за боязни **одинокой старости*** (Кенан Малик, Люся Ширшова. «Я — синглтон». Почему людям для счастья больше не нужны отношения (03.2019)).

(27) *Вознесенский объяснит это так: «Он был **одинок в те годы**, отвержен, изнемог от травли, ему хотелось искренности, чистоты отношений, хотелось вырваться из круга — и все же не только это* (И.Н. Вирабов. Андрей Вознесенский (2015)).

Слот 9. Окружающий мир – реальная действительность вокруг одинокого человека. Данный слот формируют такие ассоциаты: *корабль, трамвай, маяк, луна, звезда, луч солнца, капля дождя, снег, туман, темнота* и др. Внутри можно выделить два терминала: «материальный мир» и «природа». Рассмотрим подтверждающие примеры:

(28) *Путь казался мучительно долог и даже на несколько мгновений было что-то вроде забытья: представлялось, что она, **одинокая**, идет по горячей **пустыне**; **солнце** немилосердно жжет кожу, и сухой **ветер** осыпает колючим светящимся **песком** тело и глаза* (А.М. Федоров. Его глаза (1913)).

(29) *Сарай **на берегу реки, бесконечный луг, сумерки**, и в нахлынувшем на мир **тумане** различимы две **одинокие** человеческие фигуры, в молчании сидящие на маленьком мостике* (Антон Пайкес. Кансер // «Волга», 2014).

Нетрудно заметить, что два терминала данного слота тесно связаны между собой, и часто взаимодействуют в одной и той же ситуации и переплетаются друг с другом. Следует указать, что данный слот и предыдущий слот №8 (включая два его терминала) также могут сосуществовать в одном контексте, см. следующий пример:

(30) ***Одинокий*** *остатки* ***ночи*** *провел у* ***окна****, глядя в* ***темную глубь двора****, где подобно его отражению стоял* ***тополь*** *с недоуменно вздёрнутыми* ***ветвями*** (Борис Телков. Одинокий // «Менестрель», 2013). В этой ситуации содержится локация одинокого человека (в помещении), временной период (ночью), объекты в пространстве (окно, двор), и природное окружение (темнота, тополь с вздернутыми ветвями).

Таким образом, в результате проведенного лингвокогнитивного анализа фрейма «одинокий человек» было выделено 9 слотов (и 11 подслотов), 5 из которых имеют в своей структуре терминалы. Картотека иллюстративных контекстов, отобранная нами на основе материала НКРЯ, включает в общей сложности 110 единиц. При анализе показаны наиболее типичные 30 примеров и привлечено 410 частотных ассоциатов разных респондентов. Количественное распределение ассоциатов и контекстов по выделяемым слотам показано в таблице.

Таблица 14. Количество формирующих каждый выделенный слот ассоциатов и подтверждающих контекстов

База данных	**№ слота**	**1**	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**	**8**	**9**	**Общее**
Ассо-циатов	Количество	23	14	77	13	98	38	64	45	38	410
	Процентное соотношение (%)	5,6	3,4	18,8	3,2	23,9	9,3	15,6	10,9	9,3	100
Контек-стов	Количество	—	13	4	11	15	22	24	15	6	110
	Процентное соотношение (%)	—	11,8	3,6	10,0	13,6	20,0	21,8	13,6	5,6	100

Примечание – В таблицу не включена контекстная количественная информация о слоте 1 в связи с тем, что в структуре фрейма он по умолчанию является обязательным и неотъемлемым в каждом контексте.

Наглядно предлагаемая нами структура фрейма «одинокий человек» может

быть представлена в виде схемы, размещенной в конце данного параграфа.

На схеме слоты представлены сплошными кружками, подслоты – пунктирными кружками, терминалы – прямоугольниками, связи в соответствиях между компонентами фрейма – сплошными стрелками, три сферы жизни одинокого человека обведены прерывистыми пунктирными линиями с указанием на их названия.

В силу открытости границ фрейма к поступлению новой информации и ограниченности объема проанализированных нами экспериментальных данных исчерпать все факультативные компоненты не представляется возможным.

Смоделированный нами на основе данных ассоциативного эксперимента и материалов «Национального корпуса русского языка» фрейм отражает существующее в русском языковом сознании стереотипное представление об одиноком человеке.

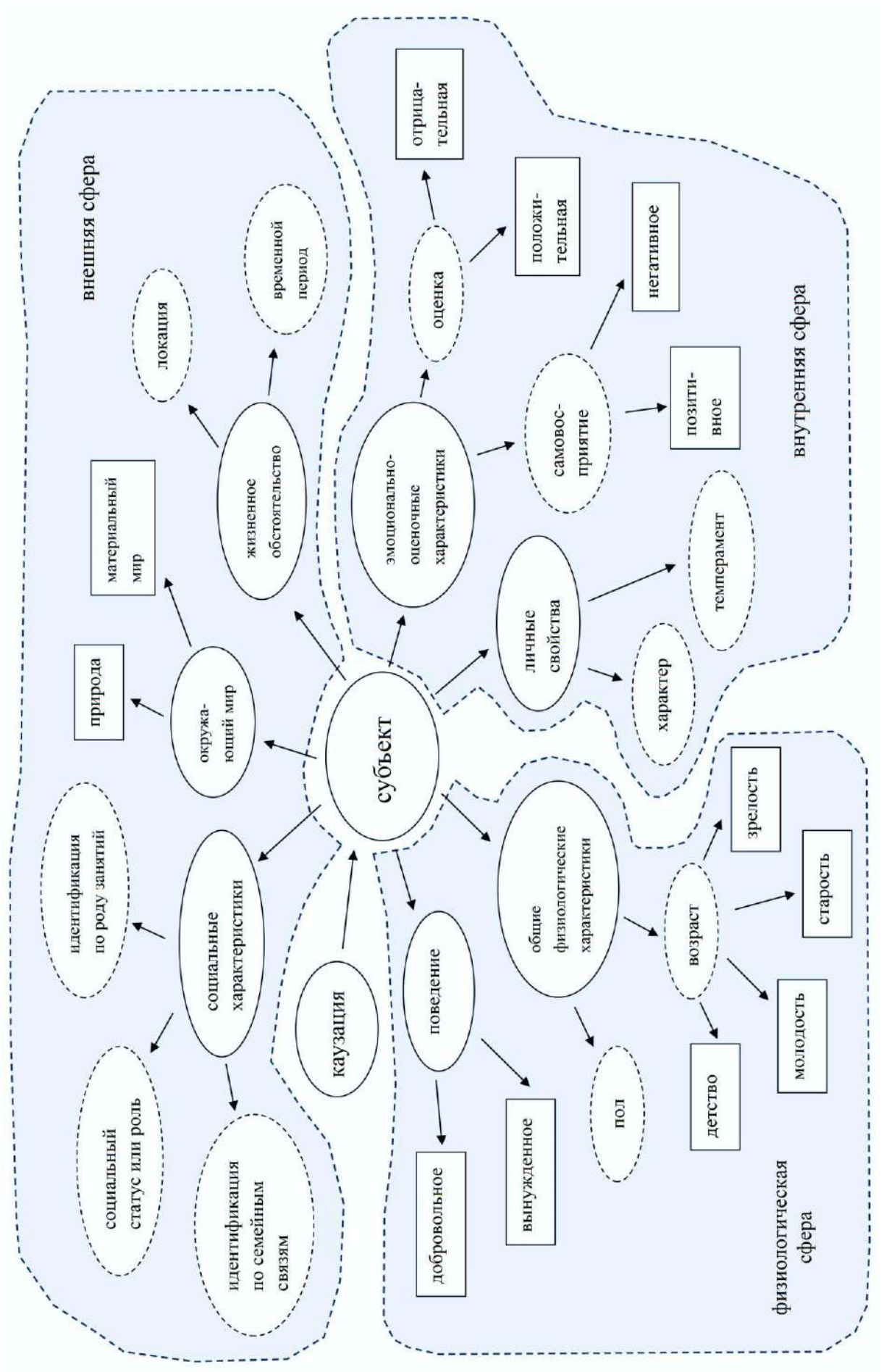

Схема 2. Структура фрейма «одинокий человек» в русском языковом сознании

2.7. Модель Ассоциативно-вербального поля «Одиночество»

Совокупность вербальных ассоциатов, связанных в сознании человека с каким-либо словом-стимулом посредством ассоциативного эксперимента на основе общих свойств или характеристик, рассматривается как ассоциативно-вербальное поле (далее – АВП), которое обладает полевой структурой и принципом работы, и характеризуется «не только как фрагмент вербальной памяти (знаний) человека <…> но и фрагмент образов сознания, мотивов и оценок» [РАС 2002: 6].

В результате анализа полученных в ходе проведенного эксперимента данных (всего 1150 реакций, из которых 514 реакций на стимул-существительное «одиночество» и 636 реакций на стимулы-прилагательные «одинокий / одинокая») можно сделать вывод о продемонстрированной испытуемыми тенденции приводить в целом сходные реакции на все 3 стимула, игнорируя их частеречную принадлежность. Наглядно это можно представить в таблице ниже, где приведены сходные ассоциаты на все три стимула, расположенные в порядке убывания.

Таблица 15. Сходные ассоциаты на стимулы «одиночество» и «одинокий (-ая)»

Стимулы	Сходные ассоциаты
«Одиночество»	грусть/грустный/грустно 27; тоска/тоскливо 21; спокойствие/спокойно 14; один в поле не воин 13; свобода 11; старость 8; холод 7; печаль/печально 6; собака, «Одиноким предоставляется общежитие» (фидьм) 4; дождь, серый цвет, осень, одиночка 3; старик/пожилой человек, смерть, самостоятельность, самоизоляция, один как перст, мужчина, кот/кошка, друзья, Герасим 2; человек, утес, туман, «Тоска» (рассказ), саморазвитие, Пьеро, путь, парус, отшельник, остров, один, музыка, звезда, женщина, гордое, беспомощность 1. (всего 161 ассоциат)
«Одинокий (-ая)»	женщина 29; человек, мужчина 22; свобода/свободный/свободная 14; старик/старушка 12; печальная/печальный 10; звезда, грустный/грустная 8; гордая/гордый 7; старость, кот 6; парус, «Одиноким предоставляется общежитие» (фильм) 5; спокойный/спокойная 4; утес, один как перст, один в поле не воин, друг/подруга 3; серый, отшельник, один 2; беспомощный, в самоизоляции, Герасим, дождь, музыка, одиночка, осень, остров, путь, Пьеро, саморазвитие, самостоятельность, смерть, собака, «Тоска» (рассказ), тоскливый, туман, холод 1. (всего 194 ассоциата)

Из таблицы видно, что на сходные ассоциаты приходится 31,3% всех реакций на стимул «одиночество» и 30,5% всех реакций на стимулы «одинокий (-ая)», что

составляет довольно близкие пропорции и превышает четверть от общего числа соответствующих реакций. Это позволяет сделать вывод о том, что при установлении структуры исследуемого нами поля следует одновременно использовать все эти стимулы с учетом того, что языковое сознание слабо их различает, и информанты склонны рассматривать их в смысловом отношении как идентичные. Таким образом оказывается необходимой интеграция результатов эксперимента на все три стимула.

При количественной обработке во избежание излишнего дробления и для удобства подсчета были приняты следующие принципы интеграции реакций, т. е. обобщены 1) слова, выражающие одно и то же понятие, но принадлежащие к разным частям речи (например: *грусть/грустный/грустно; беспомощность/беспомощный* и др.); 2) формы единственного и множественного числа одного и того же существительного (например: *мысль/мысли; друг/друзья* и др.); 3) предложные и беспредложные употребления (например: *самоизоляция/в самоизоляции* и др.); 4) формы мужского и женского рода одного и того же слова (например: *грустный/грустная; старик/старушка* и др.).

На основании полученных в ассоциативном эксперименте данных и их интегрирования ниже построена диаграмма, которая представляет смоделированную полевую структуру АВП «Одиночество» с выделением четырех зон: ядерной, ближней периферии, дальней и крайней периферии. Учитывая, что как внутриполевые единицы рассматриваются ассоциаты на 3 однокоренных слова-стимула вместе, логично предположить, что ядерные зоны АВП «Одинокий человек» встроены в АВП «Одиночество», а периферийные зоны первого пересекаются с последним. АВП «Одинокий человек» может рассматриваться как составляющая АВП «Одиночество».

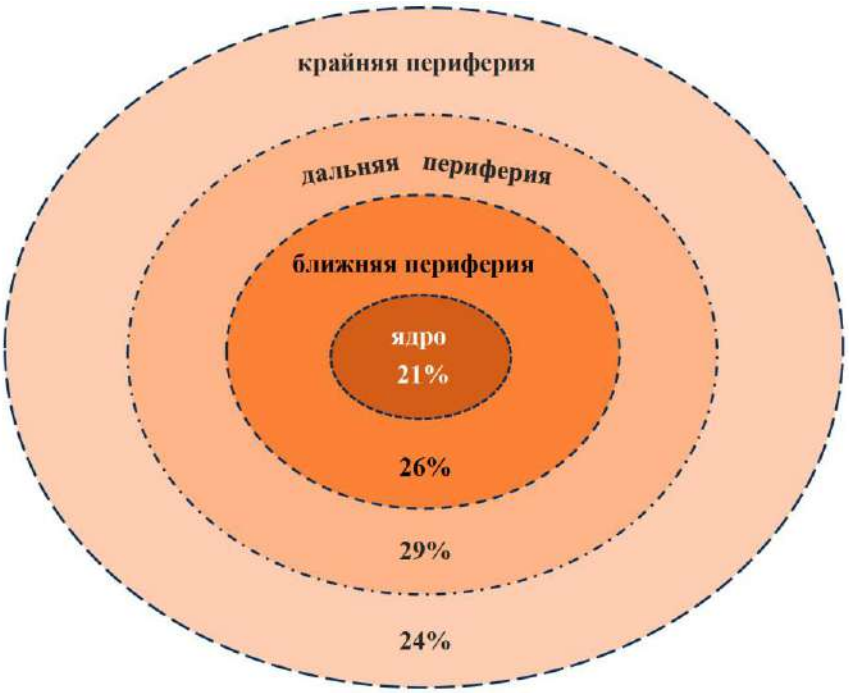

Диаграмма 3. Полевая структура АВП «Одиночество» в русском языковом сознании по общему количеству реакций

Примечания – На диаграмме каждая зона обведена пунктирными линиями с учетом того, что «граница между ядром и периферией, а также отдельными зонами периферии является нечеткой, размытой» [Попова, Стернин, Беляева 1989: 6].

Принцип разграничения центра и периферии зависит от яркости признака понятия *одиночество* в сознании носителей русского языка, которая в свою очередь устанавливалась согласно частоте встречаемости единиц внутри нашего поля, представленных ассоциатами разного типа в ответах русских информантов. К ядерной зоне были отнесены ассоциаты, встречаемость которых составила более 1,5 %; к ближней периферии от 0,5 % до 1,5 %; к дальней периферии от 0,1 % до 0,5 %; к крайней по умолчанию были отнесены единичные ассоциаты.

На диаграмме ниже наглядно представлена количественная информация о единицах поля, указывающая на разнообразие полученных ассоциатов нашего АВП.

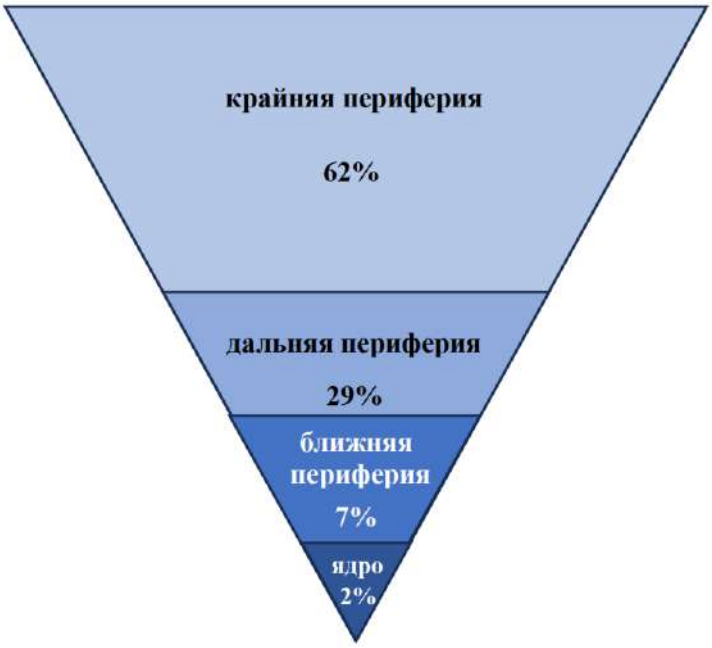

Диаграмма 4. Полевая структура АВП «Одиночество» в русском языковом сознании по количеству разнообразных ассоциатов

Примечания – Данная диаграмма представлена в виде перевернутой пирамиды в связи с неравным статусом, количеством и долей единиц, размещенных в каждой зоне поля.

Важно отметить, что на диаграмме №3 все зоны внутри поля отличаются по количеству, а на диаграмме №4 нагляднее представлено различие по разнообразию типов ассоциатов.

В ядре находятся наиболее частотные реакции (33-20) [2] : *грусть/грустный/грустная/грустно 35; волк / волчица 31; женщина, "Одиночество – сволочь, одиночество – скука"* (из песни) *30; свободная/свободный/свобода 25; мужчина 24; человек/люди 23; тоска/тоскливо/тоскливый 22; «Одиночество в сети»* (роман) *20* (всего 240 реакций – 21 % от всех полученных реакций, 9 типов ассоциатов – 2 % от всех ассоциатов поля).

В ближнюю периферию попали менее частотные по сравнению с ядерной зоной ассоциаты (19-6): *один в поле не воин* (пословица), *печальная/печальный/печаль/печально 16; спокойствие/спокойно, старик/старушка/пожилой человек, старость, тишина/покой 14; холостяк 12;*

[2] Цифры в скобках обозначают диапазон частотности ассоциатов, включенных в данную зону поля.

пустота 11; несчастная/несчастный, страх/боязнь/страшное 10; “Белеет парус одинокий” (из стихотворения)*, жизнь, звезда, луна, «Одиноким предоставляется общежитие»* (фильм) *9; береза, вдова/вдовец, кот/кошка, “Одинокая бродит гармонь”* (из песни)*, «Сто лет одиночества»* (роман)*, холод 8; гордая/гордый, депрессия, «Одиночество вдвоем»* (песня)*, скука/скучать, сосна, странник, тополь 7; боль души, «Одинокая женщина желает познакомиться»* (фильм)*, «Одиночество»* (фильм)*, парус, рябина/рябинка 6* и др. (всего 304 реакции – 26 % от всех полученных реакций, 33 типа ассоциатов – 7 % от всех ассоциатов поля).

В дальнюю периферию вошли ассоциаты с частотностью 5-2: *друг/подруга/друзья, мать/мать-одиночка, один как перст* (выражение)*, отдых /релакс, “Просто встретились два одиночества”* (из песни)*, путник, собака 5; вино, дождь, дома, дуб, книга, одиночка/один-одинёхонек, осень, осина, плед, птица, спокойный/спокойная, уединение, утес 4; бабушка, бессонница, вдвоем, воин, Герасим, голос человека, дева, девушка, зима, квартира, корабль, независимая, незамужняя, ночь, один, “Одинокий голубь на карнизе за окном”* (из песни)*, одна-одинешенька, отшельник, пастух, “Просто ты одинокий остров”* (из песни)*, работать плодотворно, серый цвет, слезы, смерть, состояние, “Ты лучше голодай, чем что попало есть // И лучше будь один, чем вместе с кем попало”* (из стихотворения)*, уравновешенный/уравновешенная 3* и др. (всего 328 реакций – 29 % от всех полученных реакций, 127 типов ассоциатов – 29 % от всех ассоциатов поля).

К крайней периферии были отнесены единичные ассоциаты (всего 278 реакций и типов ассоциатов – 24 % от всех полученных реакций и 62 % от всех ассоциатов поля).

Можно предположить, что типы приведенных ассоциатов в разных зонах мало различаются, почти все в основном являются названиями человека, животных, растений, отрицательных эмоциональных состояний и прецедентных феноменов.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что АВП «Одиночество» демонстрирует отчетливо представленное ядро с плавными переходами и отсутствием значительной разницы в частотности ассоциатов в зонах периферии.

Выводы

В результате проведенного лингвокогнитивного анализа можно сделать следующие выводы.

Анализ словарных определений лексемы «одиночество» в толковых словарях русского языка указывает на их семантическую производность от однокоренного прилагательного «одинокий». По данным словарей идеографического и тематического типа, в содержании понятия *одиночество* выделена семантическая доминанта «отсутствие эмоционального общения». Понятие *одиночество* с точки зрения традиционной семантики включает два лексико-семантических варианта – «разновидность эмоционального переживания» и «состояние субъекта».

Конкретизация понятия осуществляется благодаря выделенным нами двум когнитивным классификационным признакам – ‘форма проявления физического одиночества’ и ‘каузативность состояния одиночества’ и пяти когнитивным дифференциальным признакам – ‘пространственная изоляция’, ‘поведенческая реакция’, ‘отсутствие близких семейных отношений’, ‘отсутствие социального взаимодействия’ и ‘отсутствие эмоционально-духовных связей’.

Концептуально определения из лексикографических источников и субъективные дефиниции, приведенные информантами, совпадают, но следует отметить, что вариантные позиции в субъективных дефинициях понятия «одиночество» отличаются амбивалентной оценкой. Вариантность позиций в субъективных дефинициях понятия «одинокий человек» заключается в акценте на особенностях настроения, индивидуальной осознанности эмоционального состояния и характеристиках личных качеств одинокого субъекта. Зафиксированные в словарях определения были дополнены нами вариантными позициями субъективных дефиниций, что содержательно обогащает стереотипные представления об одиночестве.

В ходе проведенного нами свободного ассоциативного цепочечного эксперимента было получено большое количество реакций на стимулы «одиночество», «одинокий» и «одинокая». На результаты их тематического распределения не повлияли параметры личной информации о респондентах, такие

как пол, возраст, образование, семейное положение и характеристика проживания. При классификации данных по тематическим группам наблюдается незначительное различие в ассоциативно-вербальных представлениях об одиночестве и одиноком человеке, что указывает на наличие сходных когнитивных закономерностей сознания относительно этих двух понятий у представителей русской лингвокультуры несмотря на специфичность вербальных представлений. Были выявлены общие ядерные тематические группы – «Наименования лиц и их совокупностей», «Подавленное эмоциональное состояние, отрицательные эмоции», «Наименования животных» и «Наименования природных феноменов», что говорит об их тематическом доминировании в языковом сознании русского народа.

Ассоциаты-прецедентные феномены были рассмотрены отдельно как особый разряд, в котором количественно преобладают два типа: прецедентные имена и прецедентные высказывания. Путем анализа различных типов прецедентных феноменов были установлены такие их источники, как классическая и зарубежная русская литература, песни, стихи, кинофильмы и т.д. Анализ предположительных причин приведения ассоциатов-ПФ позволяет выявить непосредственность работы механизма ассоциирования носителей русского языка – от формы стимула к реакциям.

При сравнительном анализе приведенных ассоциативных представлений с данными существующих ассоциативных словарей русского языка доказано постоянство в стереотипных представлениях об одиночестве, которые не зависят от времени проведения эксперимента, места проживания респондентов, социального развития и других факторов. Доминирование ассоциатов тематического и прецедентного типов и предполагаемая тенденция к их дальнейшему увеличению говорит о том, что представления об одиночестве тематически носят более выраженный релевантный характер и в определенной степени расширяют когнитивную базу носителей русского языка.

Посредством фреймового моделирования можно более четко и точно выявить и зафиксировать стереотипные представления членов русского лингвокультурного сообщества. Схематизация структуры фреймов «одиночество»

и «одинокий человек» позволяет представить целостный образ самого состояния одиночества и в нем субъекта на уровнях языка, сознания и дискурса. Разработанный нами фрейм в качестве внутренней открытой, многокомпонентной, иерархически организованной структуры, извлекается из памяти и «высвечивается», когда носители русского языка пытаются воспринять ситуации одиночества или состояние одинокого яеловека.

Ввиду довольно близких пропорций сходных ассоциатов на разные стимулы на основе интеграции полученных данных было смоделировано АВП «одиночество», с которым пересекается АВП «одинокий человек». АВП «Одиночество» было построено на основе модели пирамидальной структуры, где ядро занимает 2% от общего числа типов ассоциатов поля (приходится на 21% всех реакций), ближняя периферия – 7% (26% реакций), дальняя – 29% (29% реакций), а крайняя – 62% (24% реакций). В моделируемом нами АВП «Одиночество» отмечается большее количество различных ассоциатов в каждой последующей за ядром зоне поля. Также наблюдается отсутствие значительной разницы в частотности ассоциатов на периферии, поскольку зоны плавно перетекают друг в друга.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В основе проведенного исследования фрагмента русской языковой картины мира «Одиночество» лежит лингвокогнитивный подход, который предполагает, что язык и мышление взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Ассоциативно-вербальное поле «Одиночество» выступает как отображение фрагмента языковой картины мира, вербализует одноименный базовый концепт и фиксирует стереотипное представление об одиночестве в языковом сознании членов этнолингвокультурного сообщества.

На основе методики когнитивного анализа в данном исследовании в рамках когнитивно-дискурсивного подхода проведено три этапа исследования: тематизация ассоциативных представлений, стереотипизация когнитивных представлений и фреймирование данных.

Тематизация ассоциативных представлений. В ходе проведенного нами свободного цепочечного ассоциативного эксперимента на стимулы «одиночество», «одинокий» и «одинокая» со 115 носителями русского языка было получено 1150 реакций и, соответственно, 447 типов ассоциатов, которые были интегрированы без учета параметров респондентов (таких, как пол, возраст, образование, семейное положение и характеристика проживания), не повлиявших на результаты эксперимента. Путем тематической классификации соответственно были получены 15 (по ассоциатам на стимул «одиночество») и 14 (по ассоциатам на стимул «одинокий (-ая)») тематических групп, из которых общими ядерными ТГ оказались «Наименования лиц и их совокупностей» и ТГ «Подавленное эмоциональное состояние, отрицательные эмоции», что указывает на восприятие понятия *одиночество* как негативного эмоционального состояния и на статус субъекта в данном состоянии. Таким образом отмечается референтное соответствие между результатами тематической категоризации понятия (т.е. ядерными ТГ) и формально-семантическими признаками стимулов. Выделенные в отдельный разряд ассоциаты-прецедентные феномены, такие как ядерные ПФ *“Одиночество – сволочь, одиночество – скука”* (из песни); *«Одиночество в сети»* (роман) и *один в поле не воин* (пословица), которые восходят к различным источникам и

рассматриваются как инварианты восприятия одиночества в национальной когнитивной базе русского народа.

Анализ тенденций изменений стереотипных представлений носителей русского языка показывает, что ассоциативный потенциал стимулов мало динамичен в связи с тем, что одиночество воспринимается как общечеловеческая панрегиональная эмоция, поэтому сохраняются более константные ассоциаты. Отмечается очевидно значительное расширение ассоциаций тематического типа и широкое представление прецедентных ассоциаций, что показывает, что с течением времени когнитивная база носителей языка обновляется и расширяется.

Стереотипизация когнитивных представлений. По данным лексикографических источников, результатам когнитивного теста и ответам с использованием сайта «*ответы mail.ru*» были выявлены объективные инвариантные семантические представления, зафиксированные в словарях, и субъективные вариантные когнитивные представления в сознании информантов-носителей русского языка и интернет-пользователей. Словарные определения, субъективные дефиниции и высказывания интернет-пользователей дополняют друг друга, формируя ядерную составляющую стереотипного представления об одиночестве и одиноком человеке.

Понятие *одиночество* интерпретируется как отсутствие общения и компании, состояние изоляции, связанное с отрицательными эмоциональными переживаниями и негативным восприятием своего состояния. Понятие *одинокий человек* можно трактовать следующим образом: тот, кто не имеет близких отношений или социальной поддержки, ощущает пустоту и неудовлетворенность, чувствует себя изолированным и отчужденным от окружающих.

Фреймирование данных на основе контекстуальной концептуализации. Проведенный фреймовый анализ на основе тематизации ассоциатов, отбора и исследования иллюстративных контекстов Национального корпуса русского языка позволил выявить в структуре фрейма «одиночество» 10 слотов, 5 подслотов, 14 терминалов, охватывающих различные ситуации одиночества в трех его вариантах: внутриличностное, межличностное и экзистенциальное одиночество. При анализе

структуры фрейма «одинокий человек» выделены 9 слотов, 11 подслотов и 12 терминалов, указывающих на сферы жизни одинокого субъекта: физиологическую, внутреннюю и внешнюю. Несмотря на частичное пересечение в некоторых компонентах этих двух фреймов результаты их анализа отличаются. Анализ первого фрейма фокусируется на ситуационном состоянии в целом, в то время как анализ второго – на личностных характеристиках образа субъекта в данном состоянии. Разработанные нами фреймовые модели по сути представляют собой наиболее обобщенную и универсальную систему репрезентации ментальных структур на языковом материале: ассоциативно-вербальных представлениях и дискурсе.

В качестве итога исследования предложена модель АВП «Одиночество», которая демонстрирует четко представленное ядро с плавным переходом к периферийным зонам. Полевая структура АВП «Одиночество» характеризуется следующим образом: к ядру относится 2 % типов ассоциатов поля (на эти единицы приходится 21 % всех реакций), к ближней периферии – 7 % типов ассоциатов поля (26 % реакций), к дальней – 29 % типов ассоциатов поля (29 % реакций), к крайней – 62 % типов ассоциатов поля (24 % реакций). АВП «Одиночество» обладает пирамидальной структурой, с увеличением разнообразия типов ассоциатов в каждой последующей после ядра зоне поля.

В целом можно сделать вывод, что стереотипное представление носителей русского языка об *одиночестве* отличается постоянством и универсальностью. Это стереотипное представление можно сформулировать следующим образом: ОДИНОЧЕСТВО – это состояние отсутствия социальных и эмоциональных контактов; ощущение обособленности и оторванности от других и от мира. Это состояние может существовать в течение длительного или короткого периода времени; оказывает двойственное (положительное или отрицательное) воздействие на психо-физиологическое состояние субъекта; состояние может оцениваться амбивалентно. ОДИНОКИЙ ЧЕЛОВЕК – это субъект, находящийся в состоянии одиночества; он имеет определенное отношение к своему статусу, выражающееся в подавленности или приподнятом эмоциональном состоянии; обладает как

положительными, так и отрицательными характеристиками личных качеств; иногда подвергается категоричной оценке со стороны других субъектов (людей).

Перспективы работы видятся в том, что методика данного исследования может быть экстраполирована на работу с другими ассоциативно-вербальными полями, а полученные в данном диссертационном исследовании результаты могут послужить базой для создания концепции и определения принципов лексикографического представления данных ассоциативных экспериментов в словаре нового типа – когнитивно-ассоциативном.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрамова Е.К.* Когнитивная интерпретация как метод выявления признаков концепта // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2009. – Т. 11, № 4-3. – С. 700-704.
2. *Абрамова Е.Н.* Семантико-когнитивный анализ глаголов активного действия в русском и английском языках: Дис. … канд. филол. наук. – Челябинск, 2008. – 222 с.
3. *Авдеева М.Д.* Когнитивно-дискурсивный аспект семантики глаголов лексико-семантической группы «свечение»: Дис. … канд. филол. наук. – Мытищи, 2020. – 189 с.
4. *Авдеева М.Д.* Лексико-семантическая группа глаголов свечение в когнитивно-дискурсивном аспекте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – №11-1(77). – С. 59–64.
5. *Александрова О.В.* Проблема дискурса в современной лингвистике // Когнитивно-прагматические лингвистических исследований: Сб. науч. тр. – Калининград: Калинингр. ун-т.,1999. – С.9-13.
6. *Алексеева Л.М., Мишланова С.Л.* Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. – 200 с.
7. *Алимушкина О.А.* Возможности изучения стереотипов в ассоциативных полях // Альманах современной науки и образования. – 2010. № 2 (33). ч. II. – С. 14-15.
8. *Архипова С.В.* Ассоциативный эксперимент в психолингвистике // Вестник Бурятского университета. – № 11. – 2011. – С. 6-9.
9. *Бабушкин А.П.* Типология концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. – С. 5-14.
10. *Бабушкин А.П.,Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика и семасиология. Монография. – Воронеж: ООО «Ритм», 2018. – 229 с.
11. *Балашова Е. Ю.* Концепты любовь и ненависть в русском и американском языковых сознаниях. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2004.
12. *Бартминьский Е.* Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. – М.:

Индрик, 2005. – 512 с.

13. *Батракова С.П.* Образ мира в живописи XX века: к постановке проблемы // Мировое древо. – 1992. – № 1. – С. 83.
14. *Бахича Э.А.* Отражение русского характера в лингвокультурном концепте одиночество (на примере эмигрантской прозы А. Аверченко) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. – 2020. – Т. 6. – № 2. – С. 150-164.
15. *Белова О.В.* Этнические стереотипы по данным языка и народной культуры славян: Этнолингвистическое исследование: автореферат дис. ... доктора филологических наук. – Москва, 2006. [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: https://ruthenia.ru/folklore/belova10.htm] (дата обращения: 15.10.2023).
16. *Белошапкова Т.В.* Когнитивно-дискурсивная парадигма лингвистического знания и категория аспектуальности // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2008. –№2. – С. 34–43.
17. *Белошапкова Т.В.* Когнитивно-дискурсивная парадигма лингвистического знания: принципы анализа дискурса (на материале категории аспектуальности) // Вестник ТГУ. – 2008. – №5. –С. 214–218.
18. *Беляевская Е.Г.* Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах (Когнитивные основания формирования и функционирования семантической структуры слова): автореферат дис. ... доктора филологических наук. – Москва, 1992. – 41 с.
19. *Белянин В.П.* Психолингвистика. — М.: Флинта: Московский психолого-социальный институт, 2004. – 232 с.
20. *Билянский К.В.* Научная картина мира: сущность, функции и исторические формы // Молодой ученый. – 2018. – № 50 (236). – С. 494-495.
21. *Боброва А.В.* Концепты «одиночество» и «уединение» в художественной картине мира А. Битова: диссертация ... кандидата филологических наук. – Новосибирск, 2017. – 199 с.
22. *Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: ТГУ, 2014. – 236 с.

23. *Болдырев Н.Н.* Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание / Воронежский межрегиональный институт общественных наук; Воронежский государственный университет; Московский общественный научный фонд. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – С. 25–36.
24. *Болотнова Н.С.* Коммуникативная стилистика текста: ассоциативные нормы как фактор текстообразования // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2014. Вып. 9. – С. 32-39.
25. *Бондарко А.В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. – М.: УРСС, 2003. – 207 с.
26. *Борисова Ю.А.* Ассоциативный эксперимент в современных психолингвистических исследованиях // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2019. Т. 8. № 1А. – С. 265-275.
27. *Бочкарева Е.В.* Динамика ассоциативных связей с опорой на ударный гласный у детей- подростков // Мурзинские чтения: Динамика языка в синхронии и диахронии. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 2002. – С. 154-157.
28. *Брутян Г.А.* Язык и картина мира // Философские науки. – 1973. – № 1. – С. 108-111.
29. *Буренина Н.В.* Психолингвистический аспект поведения мужчин и женщин во время интервью // Материалы VI научной конференции молодых ученых, Саранск, 23–27 апреля 2001 года. Том Часть 1. – Саранск: Средневолжское математическое общество, 2001. – С. 101-105.
30. *Бурнаева К.А.* Ассоциативное поле как способ моделирования фрагмента языкового сознания // LINGUA MOBILIS. – М.: ООО «Центр интеллектуальных услуг «Энциклопедия», 2011. – №1 (54). – С. 51–58.
31. *Васильев Л.М.* Теория семантических полей // Вопросы языкознания. – 1971. № 5. – С. 105-113.
32. *Васильева Г.М., Ротмистрова О.В.* Культурно-географический образ России в лингвокультурологическом аспекте. Монография. Санкт-Петербург: Федеральное гос. Бюджетное образовательное учреждение высш. проф.

образования «Санкт-Петербургский гос. ун-т водных коммуникаций», 2011. – 198 с.

33. *Воркачев С.Г.* Любовь как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2007. – 284 с.
34. *Воробьев В.В.* К понятию поля в лингвокультурологии (общие принципы) // Русский язык за рубежом. – 1991. – № 5(133). – С. 101-106.
35. *Воробьева К.С.* Концепт “одиночество” в лексикографических источниках // Современные проблемы языкознания, литературоведения, межкультурной коммуникации и лингводидактики: материалы II Международной научной конференции, Белгород, 20–21 апреля 2016 года. – Белгород: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования “Белгородский государственный национальный исследовательский университет”, 2016. – С. 102-106.
36. *Вундт В.* Основы физиологической психологии. – Санкт-Петербург: тип. П.П. Сойкина, 1914. Т. 3. – С. 371-916.
37. *Вэй Сяо* Ассоциативно-вербальное поле «Медицина» на фоне китайского языка: лингвокогнитивный аспект: диссертация ... кандидата филологических наук – Великий Новгород, 2019. – 160 с.
38. *Галиева Д.А.* Концептуальное поле «Право и Закон» как основа учебного идеографического профессионально ориентированного словаря. – Уфа: Башк. гос. ун-т, 2000. – 214 с.
39. *Герц Г.* Принципы механики, изложенные в новой связи. // Жизнь науки. Антология вступлений к классическому естествознанию. – Москва, 1973. – 598 с.
40. *Гируцкий А.А.* Общее языкознание. – Минск: ТетраСистемс, 2003. – 303 с.
41. *Глухов В.П.* Основы психолингвистики. – М.: АСТ: Астрель, 2005. – 351 с.
42. *Головушкина М.В.* Образ англичан в стереотипах российских студентов // Наука. Общество. Государство. – 2013 (1). – С. 177-183.
43. *Горошко Е.И.* Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента – Харьков; Москва: РА – Каравелла, 2001. – 320 с.

44. *Горошко Е.И.* Проблемы проведения свободного ассоциативного эксперимента. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2005 (3). – С. 53-61.
45. *Гридина Т.А.* Ассоциативный потенциал слова как основа лингвокреативной деятельности: экспериментальные данные // Вопросы психолингвистики. – 2015. – С. 148-157.
46. *Гришаева Л.И.* Арминий, Барбаросса, ведьмы с Брокена и другие. Немецкий язык и культура через призму немецких прецедентных текстов. – Воронеж: Русская словесность, 1998. – 147 с.
47. *Гудков Д.Б.* Прецедентное имя в когнитивной базе современного русского // Язык. Сознание. Коммуникация. – М.: Филология, 1998. Вып. 4. – С. 82-93.
48. *Гудков Д.Б.* Прецедентное имя и проблемы прецедентности. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 152 с.
49. *Гулыга Е.В., Шендельс Е.И.* Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. – М.: Просвещение, 1969. – 184 с.
50. *Гуляева Г.Е.* Когнитивно-дискурсивная природа отраженных синонимов и антонимов // Когнитивные исследования языка. – 2017. – № 29. – С. 259–266.
51. *Гумбольт В.* Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
52. *Гусельникова О.В.* Терминологический аппарат структуры фрейма // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – Челябинск: Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2010. №9. – С. 137–149.
53. *Дементьев В.В.* О некоторых содержательноцентричных тенденциях в современной отечественной лингвистике // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2021. № 72. – С. 42-73.
54. *Довголюк М.Н.* Ассоциативно-вербальное поле «Армия»: лингвокогнитивный аспект – Санкт-Петербург, 2016. – 168 с.
55. *Долинский В.А.* Теортия ассоциативных полей в квантитативной лингвистике. – СПб.: Алетейя, 2022. – 436 с.
56. *Дридзе Т.М.* Семиотический уровень как характеристика реципиента //

Смысловое восприятие речевого сообщения: (в условиях массовой коммуникации). – М.: Наука, 1976. – С. 200-203.

57. *Евсеева О.В.* Ассоциативный эксперимент как исследовательская процедура в психолингвистике. Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2009 (2 (135)). – С. 82-84.
58. *Ейгер Г.В.* Механизмы контроля языковой правильности высказывания. – Харьков: ХГУ, 1990. – 183 с.
59. *Ершова Т.А.* Русско-немецкие ассоциативные портреты (опыт интерпретации): дис… канд. филол. наук. – М., 1998. – 149 с.
60. *Жарковская И.В.* Когнитивно-дискурсивный подход к определению семантических синонимов // Культура народов Причерноморья. – 2006. – № 82. Т. 1. – С. 143-145.
61. *Жданова В.* Русская культурно-языковая модель пространства и особенности индивидуальной ориентации в ней // Русские и русскость: лингвокультурологические этюды. – М.: Гнозис, 2006. – 336 с.
62. *Журавлева И.В., Курочкина И.А.* Проблемы взаимоотношения гендерных характеристик интервьюера и ответов респондентов // Гендерные исследования и гендерное образование в высшей школе: материалы Междунар. науч. конф. Иваново, 25 – 26 июня 2002 г.: в 2 ч. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2002.Ч. II: История, социология, язык, культура. – С. 142-145.
63. *Залевская А.А.* Введение в психолингвистику. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т., 1999. – 382 с.
64. *Заруднева Е.А.* Компаративные конструкции в лингвокогнитивном аспекте: дис. канд. филол. наук. – Краснодар, 2007. – 144 с.
65. *Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В.* Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 1. – М., 1997. С. 82-103.
66. *Зимняя И.А.* Способ формирования и формулирования мысли как реальность языкового сознания // Коллективная монография «Язык и сознание: парадоксальная рациональность» под ред. Тарасов Е.Ф. – М.: РАН, 1993. – С.

51-58.

67. *Зиновьева Е. И., Абыякая О.В.* Стереотипные представления о мерзнущем человеке в русской языковой картине мира (на фоне китайского языка) // XLII Международная филологическая конференция, Санкт-Петербург, 11-16 марта 2013 г.: Избранные труды / Отв. ред. С.И. Богданов, Ю.В. Меньшикова. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. – С. 135-143.
68. *Зиновьева Е.И.* Понятие «поля» в лингвометодических исследованиях 108-112. // XXXII международная филологическая конференция: Сборник. Вып. 15: Русский язык как иностранный и методика его преподавания. 11-15 марта 2003 г., Санкт-Петербург / Отв. ред. Н.А.Любимова. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. – 288 с.
69. *Зиновьева Е.И.* Стереотипные представления о мерзнущем человеке в русской языковой картине мира (на фоне китайского языка) // XLII Международная филологическая конференция, Санкт-Петербург, 11-16 марта 2013 г.: Избранные труды / Отв. ред. С.И. Богданов, Ю.В. Меньшикова. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. – С. 135-143.
70. *Ильина В.А.* Лингвистическое представление об одиночестве в языковом сознании русских и англичан // Актуальные проблемы современной науки. – 2008. – № 2(40). – С. 68-77.
71. *Карасик В.И.* Этноспецифические концепты // Введение в когнитивную лингвистику / отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – С. 61-105.
72. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
73. *Караулов Ю.Н.* Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира / Ответственный редактор Н.В. Уфимцева. – М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт языкознания Российской академии наук, 2000. [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: https://iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/4-1.html] (дата обращения:

15.10.2023).

74. *Караулов Ю.Н.* Активная грамматика и ассоциативно – вербальная сеть. – М.: Ин-т. рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 1999. – 180 с.
75. *Караулов Ю.Н.* Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования. – М.: Азбуковник, 2009. – 334 с.
76. *Караулов Ю.Н.* От структуры ассоциативного словаря к структуре языковой способности // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Филология. Журналистика. – 1994 № 1. – С. 14-26.
77. *Караулов Ю.Н.* Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь. Кн. 1: Прямой словарь: от стимула к реакции, – М., 1994. – 224 с.
78. *Касевич В.Б.* Буддизм. Картина мира. Язык. – СПБ.: Центр «Петербургское востоковедение», 1996. – 275 с.
79. *Касевич В.Б.* Когнитивная лингвистика: В поисках идентичности. – М.: Языки славянской культуры, 2013. – 192 с.
80. *Каспрук Д.И.* Антрополингвистические аспекты сопоставительного исследования лексики на примере семантического поля «Fitness»: диссертация ... кандидата филологических наук. – Москва, 2018. – 213 с.
81. *Кибрик А.А.* Когнитивный подход к языку // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – С.26-47.
82. *Клименко А.П.* Проблема лексической системности в психолингвистическом освещении: Автореф. дис. …д-ра филол. наук. – Минск, 1980. – 406 с.
83. *Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 350 с.
84. *Ковалев Г.Ф.* Прецедентное имя собственное в тексте рекламы // Феномен прецедентности и преемственность культур. – Воронеж: Воронеж, гос. ун-т, 2004. (Сер. «Монографии», вып. 8). – С. 273-289.
85. *Кожухова Н.Е., Аксенова Г.Н.* Особенности вербально-ассоциативных сетей

носителей языка // Формирование языковой компетенции в процессе профессиональной подготовки специалистов: традиции, новации, опыт внедрения современных технологий обучения: материалы Международной научно-методической конференции. – Минск, 2011. – С. 167-170.

86. *Колесов В.В.* Концептуальное поле русского сознания. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. — 612 с.
87. *Колесов В.В.* Основы концептологии. – СПб.: Златоуст, 2019. – 778 с.
88. *Коннова М.Н.* Введение в когнитивную лингвистику. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. – 313 с.
89. *Корнилов О.А.* Языковые картины мира как объект этнолингвистического анализа. – М.: МГУ им. Ломоносова, 2007. – 349 с.
90. *Корнилов О.А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М.: ЧеРо, 2003. – 352 с.
91. *Кочнова К.А.* Семантема “одиночество” в русской языковой картине мира // Современные научные исследования и инновации. – 2016. – № 2(58). – С. 597-598.
92. *Кошарная С.А.* Миф и язык. – Белгород: Изд-во Белгор. гос. ун-та, 2002. – 287 с.
93. *Красных В.В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – С. 21-128.
94. *Красных В.В.* Когнитивная база vs. культурное пространство в аспекте изучения языковой личности: (К вопросу о русской концептосфере) // Язык, сознание, коммуникация. - М., 1997. – Вып. 1. – С. 128-144.
95. *Красных В.В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации. – М.: Гнозис: Кучково поле, 2001. – 269 с.
96. *Красных В.В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
97. *Крушевский Н.В.* Очерк науки о языке. – Казань, 1883. – 148 с.
98. *Крыга Т.И.* Использование ассоциативно-вербального поля в практике преподавания языка в вузе и школе // Русский язык : система и функционирование (к 70-летию филологического факультета) : сб. материалов

IV Междунар. науч. конф., г. Минск, 5–6 мая 2009 г. : в 2 ч. / Белорус. гос. ун-т ; редкол. : И. С. Ровдо (отв. ред.). – Минск : РИВШ, 2009. – Ч. 2. – С. 152–155.

99. *Кубрякова Е.С.* В начале XXI века (размышления о судьбах когнитивной лингвистики) // Когнитивная семантика: материалы II Междунар. школы-семинара. – Тамбов, 2009. – Ч. 1. – С. 6–7.
100. *Кубрякова Е.С.* В поисках сущности языка // Международный конгресс по конитивной лингвистике: Сб. мат-лов. – Тамбов, 2008. – С.43-47.
101. *Кубрякова Е.С.* Что может дать когнитивная лингвистика исследованию сознания и разума человека // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. материалов. – Тамбов, 2006. – С. 26-31.
102. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. Рос. академия наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
103. *Кубрякова, Е.С.* В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Ин-т. языкознания РАН. – М.: Знак, 2012. – 208 с.
104. *Кузнецова А.И.* Понятие семантической системы языка и методы ее исследования. – М.: Изд-во МГУ, 1963. – 60 с.
105. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. Под. ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
106. *Леонтьев А.А.* Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах // Словарь ассоциативных норм русского языка. – М., 1977. – 192 с.
107. *Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 1999. – 287 с.
108. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.
109. *Липпман У.* Общественное мнение. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
110. *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // Очерки по философии художественного творчества. – СПб., 1999. – С. 143-165.
111. *Локк Д.* Опыт о человеческом разуме. Сочинения: В 3-х т. Т. 1 / Под ред. И. С. Нарского. – М.: Мысль, 1985. – 623 с.

112. *Ломоносова Ю.Е.* Концепт одиночествово французской языковой картине мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12. – № 9. – С. 280-285.

113. *Лосинская Е.В.* Вербализация концепта “одиночество” в творчестве Э.М. Ремарка // Поволжский вестник науки. – 2020. – № 2(16). – С. 72-74.

114. *Лузина Л.Г.* О когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистического знания // Парадигмы научного знания в современной лингвистике сб. науч. трудов. – М.: ИНИОН РАН, 2008. – С. 40-48.

115. *Лурия А.Р.* Мозг и психические процессы. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 330 с.

116. *Лурия А.Р.* Язык и сознание. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 320 с.

117. *Магировская О.В.* К понятию «картина мира» // Теоретические проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: межвуз. сб. науч. тр. – Красноярск, 1996. – С. 89.

118. *Маклаков А.Г.* Общая психология. – СПб.: Питер, 2001. – 592 с.

119. *Маклакова Е.А., Стернин И.А.* Теоретические проблемы семной семасиологии. – Воронеж: «Истоки», 2013. – 277 с.

120. *Мартинович Г.А.* Вербальные ассоциации в ассоциативном эксперименте. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. – 72 с.

121. *Мартыненко Г.Я., Мартинович Г.А.* Многопараметрический статистический анализ результатов ассоциативного эксперимента. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. – 28 с.

122. *Маслова В.А.* Лингвокультурология. – М.: Академия, 2001. – 208 с.

123. *Маслова В.А.* Введение в когнитивную лингвистику. – М.: «Флинта» и «Наука», 2018. – 296 с.

124. *Минский М.* Фреймы для представления знаний / под ред. Ф. М. Кулакова; пер. с англ. – М.: Энергия, 1979. – 151 с.

125. *Миронова Н.И.* Ассоциативный эксперимент: методы анализа данных и анализ на основе универсальной схемы // Вопросы психолингвистики. – 2011 (14). – С. 108-119.

126. *Моисеева В.Л.* Безличные глагольные предикаты состояния лица в русской

языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук; СПбГУ. – СПб., 1998. – 147 с.

127. *Морозова А.О., Симакова О.В.* Влияние гендерной принадлежности на уровень искренности ответов респондентов // Гендерные исследования и гендерное образование в высшей школе: материалы Междунар. науч. конф. Иваново, 25-26 июня 2002 г.: в 2 ч. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2002. Ч. II: История, социология, язык, культура. – С. 146-147.
128. *Навильникова Д.И.* Проведение ассоциативного эксперимента и обработка полученных данных (на материале стимулов тематической группы «еда») // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – Т. 7. – № 2. – С. 116-123
129. *Обдалова О.А.* Когнитивно-дискурсивный подход как методологическая основа формирования межкультурной компетенции в современном иноязычном образовании // Новые подходы в лингвистике и педагогическом образовании: Коллективная монография. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2020. – С. 103-128.
130. *Орлова О.В.* О когнитивно-стилистическом и когнитивно-дискурсивном подходах к изучению концептов // Сибирский филологический журнал. – 2009 (2). – С. 206-212.
131. *Петренко А.Е.* Семантические поля в романах Кретьена де Труа как репрезентация фрагментов языковой картины мира средневекового человека: дис. ... канд. филол. Наук. – Москва: МГУ, 2016. – 242 с.
132. *Петров В.В.* Структуры значения: логический анализ. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1979. – 142 с.
133. *Петрова Н.Г.* Своеобразие концепта “одиночество” в поэтическом дискурсе К. Д. Бальмонта // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2017. – № 7(184). – С. 61-65.
134. *Пешехонова Т. Н.* Формирование языковых и лингвистических знаний в структуре ассоциативно-вербальной сети // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2008.

– № 4. – С. 106-111.

135. *Пищальникова В.А.* История и теория психолингвистики: курс лекций в 2-х ч. – М.: МГЛУ, 2007. – Ч. 2. Этнопсихолингвистика. – 228 с.
136. *Подзолкова Н.В.* Концепт «одиночество» в немецкой и русской лингвокультурах: Дис. … канд. филол. наук. – Волгоград 2005. – 223 с.
137. *Поздеева Н.С.* Коммуникативно-дискурсивные признаки концепта одиночество: Дис. … канд. филол. наук. – Архангельск, 2013. – 247 с.
138. *Поздеева Н.С.* Место концепта «Одиночество» в русской языковой картине мира // Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 2. – С. 95-98.
139. *Поздеева Н.С.* Объективация концепта одиночество в текстах песен современной Российской эстрады // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – № 4(108). – С. 251-256.
140. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Общее языкознание. – М.: Восток-Запад, 2007 а – 408 с.
141. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Истоки, 2001. – 191 с.
142. *Попова З.Д., Стернин И.А., Беляева Е.И.* Полевые структуры в системе языка. – Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1989. – 198 с.
143. *Попова, З.Д., Стернин И.А.* Семантико-когнитивный анализ языка. – Воронеж: Истоки, 2007 б. – 250 с.
144. *Попова, З.Д., Стернин. И.А.* Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007 в – 314 с.
145. *Приходько А.Н.* Концепт и концептосистемы. – Днепропетровск: Белая Е. А., 2013. – 307 с.
146. *Прохоров Ю.Е.* В поисках концепта. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 176 с.
147. *Разумкова А.В.* Особенности экспериментальной установки при проведении свободного ассоциативного эксперимента // Экология языка и коммуникативная практика. – 2016. – № 1(6). – С. 141-149.
148. *Рахилина Е.В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и

сочетаемость. – М.: Русские словари, 2008. – 415 с.

149. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. – СПб: Питер, 2019. – 713 с.

150. *Сабитова З.К.* Лингвокультурология. – М.: Флинта, 2013. – 521 с.

151. *Серебренников Б.А.* Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – 242 с.

152. *Синигаева Е.С.* Словесный портрет национальностей в представлении белорусов и поляков по данным ассоциативного эксперимента: дипломная работа / Филологический факультет; Кафедра теоретического и славянского языкознания; научн. рук. канд. фил. наук, доцент А.М. Калюта 2017. – 85 с. https://elib.bsu.by/handle/123456789/175943

153. *Синь Лумин.* Концептуализация понятия «одинокий человек» в русском языке на фоне китайского языка // Когнитивные исследования языка. – 2022. – № 2(49). – С. 836-841.

154. *Синь Лумин.* Представление об одиночестве в русском языковом сознании (когнитивно-дискурсивный аспект) // Когнитивные исследования языка. – 2023. – № 3-2(54). – С. 114-118.

155. *Синь Лумин.* Прецедентные феномены в ассоциативно-вербальном поле «Одиночество» // Тезисы LI Международной филологической научной конференции имени Людмилы Алексеевны Вербицкой: Тезисы докладов, Санкт-Петербург, 14–21 марта 2023 года. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2023. – С. 480-481.

156. *Синь Лумин.* Стереотипное представление об одиноком человеке в русской лингвокультуре на фоне китайской лингвокультуры (на материале национальных языковых корпусов) // Тезисы докладов 50-й Международной научной филологической конференции имени Людмилы Алексеевны Вербицкой: Тезисы докладов, Санкт-Петербург, 15-23 марта 2022 года. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2022. – С. 517-518.

157. *Синь Лумин.* Тематизация ассоциативно-вербальных представлений об одиночестве в языковом сознании русских и китайцев // Проблемы

преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся: материалы VII Международной научно-методической конференции, Воронеж, 28–29 января 2022 года – Воронеж: Издательско-полиграфический центр “Научная книга”, 2022. – С. 253-259.

158. *Синь Лумин.* Фрейм «Одинокий человек» в русском языковом сознании: лингвокогнитивный подход // Ученые записки Новгородского гос. ун-та – 2023. – № 6(51). – С. 694-703.
159. *Сироткина Т.А* Категория этничности и локальная картина мира // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 12. – С. 116-120.
160. *Скребцова Т.Г.* Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. – М.: Издательский дом ЯСК, 2018. – 392 с.
161. *Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.
162. *Стернин И.А.* Проблемы интерпретации результатов ассоциативных экспериментов // Вопросы психолингвистики. – 2020. – № 3(45). – С. 110-125.
163. *Стернин И.А.* Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях 2004 // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 65-69.
164. *Тарасов Е.Ф.* Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира. – М.: Институт языкознания РАН, 2000. – С. 24-33.
165. *Тарасова И.А.* Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте (на материале поэзии Г. Ивановаи И. Анненского). Дисс. … д. филол. н. – Саратов, 2004. – 484 с.
166. *Тарланов З.К.* Методы и принципы лингвистического анализа. – Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 1995. – 190 с.
167. *Телия В.Н.* Метафоризация и ее роль в создании языковой картине мира // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. – М., 1988. – 214 с.
168. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

169. *У Маньлинь.* Ассоциативное поле «стена» в русском национальном сознании на фоне китайского языка: Выпускная квалификационная работа магистра лингвистики / Филологический факультет; Кафедра русского языка как иностранного и методики его преподавания; научн. рук. канд. фил. наук, профессор Ю.Е. Прохоров 2016. – 90 с.

170. *Уланович О.И.* Психолингвистика. – Минск: БГУ, 2010. – 67 с.

171. *Уфимцева Н.В.* Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. Сборник статей. – М., 1996. – С.139-162.

172. *Уфимцева Н.В.* Этнопсихолингвистика как раздел теории речевой деятельности // (Нео) психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем. – М.: Гнозис, 2017. – С. 21–96.

173. *Уфимцева Н.В.* Языковое сознание: динамика и вариативность. – М.: Институт языкознания РАН, 2011. – 252 с.

174. *Фещенко, О.А.* Концепт ДОМ в художественной картине мира М.И. Цветаевой (На материале прозаических текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук; Новосиб. гос. пед. ун-т. – Новосибирск, 2005. – 22 с.

175. *Филлмор Ч.* Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике: сборник статей. – М.: Прогресс, 1988. Вып. XXIII. – С. 53–93.

176. *Фридман Ж.И.* Методика анализа значения слова в языковом сознании носителей русского языка // Вопросы психолингвистики. – 2007. №5. – С. 78-81.

177. *Фрумкина Р.М.* Психолингвистика. – М.: Академия, 2008. – 320 с.

178. *Хайруллина Р.Х.* Фразеологическая картина мира: от мировидения к миропониманию. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2001. – 285 с.

179. *Харькова Е.В.* Общее и различное в структуре тематического поля ландшафт / landscape в русском и английском языках). – Казань: ЯЗ, 2012. – 160 с.

180. *Хинтикка Я.* Логико-эпистемологические исследования. – М.: Прогресс, 1980. – 447 с.

181. *Хроленко А.Т.* Основы лингвокультурологии. – М.: Флинта, 2004. – 181 с.

182. *Цурикова Л.В.* Межкультурное взаимодействие с позиций когнитивно-

дискурсивного подхода // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006 (1). – С 5-15.

183. *Шабес В.Я.* Соотношение когнитивного и коммуникативного компонентов в речемыслительной деятельности (событие и текст): дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1990. – 456 с.
184. *Шейгал Е.И., Желтухина М.Р.* Фрейм «политик»: серьезное и комическое // Когнитивные аспекты языковой категоризации: Сб. науч.тр. – Рязань: Рязан. гос. пед. ун-та им. С.А. Есенина, 2000. – С. 145–150.
185. *Шершнева А.Н., Алиева А.Ж.* Особенности методики проведения ассоциативного эксперимента. – Актюбинск, 2014. [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: https://articlekz.com/article/12168] (дата обращения: 15.10.2023).
186. *Щур Г.С.* О соотношении системы и поля в языке // Проблемы языкознания: доклады и сообщения советских ученых на X международном конгрессе лингвистов. – М.: Наука, 1967. – С. 66-70.
187. *Щур Г.С.* Теория поля в лингвистике. – М.: URSS, 2007. – 253 с.
188. *Яковлева Е.С.* К описанию русской языковой картины мира // Русский язык за рубежом. – 1996. № 1-2-3. – С. 47-56.
189. *Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М.: Гнозис, 1994. – 344 с.
190. *Evans Vyvyan.* A Glossary of Cognitive Linguistics. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. – 256 p.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Азимов Э.Г., Щукин А.Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: Издательство ИКАР, 2009. – 448 с.
2. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. – М.: «Сов. Энциклопедия», 1966. – 608 с.
3. *БАС* – Большой академический словарь русского языка. Т. 13. – СПб.: Наука, 2009. – 768 с.
4. *БПС* – Большой психологический словарь / Сост. Мещеряков Б., Зинченко В. – М.: Олма-пресс, 2009. – 816 с.
5. *БТС* – Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. –СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
6. *БТСРС* – Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / Под ред. Л. Г. Бабенко. – 2-е изд., стер. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. 2005. – 864 с.
7. *ЕВРАС* – Русский региональный ассоциативный словарь – тезаурус ЕВРАС. В 2 т. Т.1. От стимула к реакции / Г.П. Черкасова, Н.В. Уфимцева. – М.: Институт языкознания РАН, 2014. – 280 с.
8. *Жеребило Т.В.* Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим». 2010. – 486 с.
9. *ИСРЯ* – Идеографический словарь русского языка. / под ред. О.С. Баранов. – М.: Издательство ЭТС, 1995. – 820 с.
10. *Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова.* – М.: МГУ, 1996. – 245 с.
11. *ЛЭС* – Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой; Ин-т. языкознания АН СССР. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 682 с.
12. *МАС* – Словарь русского языка в 4 т. Изд. 3-е, стер. – М.: Русский язык. Т. 2. 1986. – 736 с.
13. *Матвеева Т.В.* Полный словарь лингвистических терминов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. – 562 с.
14. *НКРЯ* – Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL:

http://www.ruscorpora.ru/ (дата обращения – 19.04.2023).

15. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. – М.: ООО «А ТЕМП». 2006. – 944 с.
16. *РАС* – Русский ассоциативный словарь. В 2-х томах. Т. 1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева и др. – М.: АСТ, 2002. – 784 с.
17. *РСС* – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам значений и слов. Т. 3. / РАН. Ин-т рус.яз.; Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 1998. – 720 с.
18. *Руднев В.П.* Словарь культуры XX века. – М.: Аграф, 1997. – 384 с.
19. *Русский ассоциативный словарь* – М.: Институт русского языка Российской академии наук,1996. – 203 с.
20. *Русский ассоциативный словарь* / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов и др. В 6 кн. – Москва, 1994.
21. *САНРЯ* – Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А.А. Леонтьева. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. – 192 с.
22. *САС* – Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов. – М., 2004. – 800 с.
23. *СИБАС* – Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток). В 2 т. Т.1. / Отв. ред. Уфимцева Н.В. – М.: Московский институт лингвистики, 2014. – 537 с.
24. *Словарь практического психолога* / Сост. С.Ю. Головин. – Минск, Москва: «Харвест», «АСТ», 1998. – 1090 с.
25. *СТС* – Словарь-тезаурус синонимов русской речи. / под ред. Л.Г. Бабенко. – М.: Издательство АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. – 512 с.
26. *ТС* – Саяхова Л.Г., Хасанова Д.М., Морковкин В.В. Тематический словарь русского языка. – М.: Рус. яз., 2000. – 560 с.
27. *ТСРЯ* – Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т. 2. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: ГИС, 1938. – 521 с.

28. *УАС* – Учебный ассоциативный словарь русского языка / Е.Ф. Тарасов, В.В. Дронов, Е.С. Ощепкова. – СПб.: Златоуст, 2017. – 356 с.
29. *ФЭ* – Философская энциклопедия / Глав. ред. Ф. В. Константинов. – Москва: Сов. энциклопедия, 1960. В 3-х т. Т. 1. – 504 с.
30. *ЭСЛТП* – Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий / А.Н. Тихонов, Р. И. Хашимова. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 840 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ №1. ОБРАЗЕЦ АНКЕТЫ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ КОГНИТИВНОГО ТЕСТА

Когнитивный тест

Уважаемые информанты! Просим помочь в проведении лингвистического исследования. Предоставьте, пожалуйста, информацию, необходимую для заполнения анкеты.

Дата заполнения анкеты:

Общие сведение о Вас

Пол: Муж. / Жен.

Возраст:

Образование: Высшее / Средне-специальное / Среднее

Род занятий: Учащийся / Работаю (указать кем) /

Безработный / Пенсионер / Другое

Место учебы / работы:

Проживаете: один (одна) / с семьей / с друзьями /

с любимым человеком / Другое (указать как)

Вопросы:

1. Что такое ОДИНОЧЕСТВО? (Дайте определение своими словами)

……..……

2. Какого человека Вы можете назвать ОДИНОКИМ?

……..……

3. Знакомо ли вам чувство одиночества?

……..……

4. Считаете ли вы себя одиноким человеком? Если да, то почему?

……..……

ПРИЛОЖЕНИЕ №2. ОБРАЗЕЦ АНКЕТЫ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Лингвистический ассоциативный эксперимент

Уважаемые информанты! Просим помочь в проведении исследования. Заполните, пожалуйста, необходимые рубрики анкеты.

Дата заполнения анкеты:

Ваш пол:

Возраст:

Образование (гуманитарное, техническое, другое)

Профессия (род занятий):

Место учебы/работы:

Семейное положение: (не замужем/не женат, замужем/женат, разведена/разведен, вдова/вдовец, совместное проживание без официальной регистрации брака)

Для лиц, не состоящих в браке: (проживание отдельно / с родителями)

Для лиц, состоящих в браке: (наличие детей: да/нет, проживание своей семьей отдельно от родителей / с родителями /со взрослыми детьми)

Задание:

Напишите за 10 минут все возможные ассоциации (слова, словосочетания, пословицы/поговорки, устойчивые выражения, строчки из песен и/или стихов, названия персонажей и/или названий художественных произведений, кинофильмов и т.п.), которые приходят Вам в голову, когда Вы слышите следующие слова:

ОДИНОЧЕСТВО:

ОДИНОКИЙ:

ОДИНОКАЯ: